

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. И. ЗАЙЦЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЕКСАМЕТРА

Санкт-Петербург
Издательство С.-Петербургского университета
1994

Рецензенты: д-р. филол. наук Ю.В.Откупщиков (СПб. ун-т),
канд. филол. наук А.К.Гаврилов (СПб. отд. ин-та истории
РАН)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета*

Зайцев А.И. Формирование древнегреческого гексамет-
3-17 ра.—СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та. 1994.—
168 с.

ISBN 5-288-00844-2

Монография является первым в мировой научной литературе систематическим исследованием индоевропейских истоков стиха древнегреческого эпоса. Делается попытка опровергнуть принятую в настоящее время большинством исследователей гипотезу А.Мейе об изосиллабическом характере древнейшей индоевропейской поэзии. Гексаметр выводится из слабо урегулированного стиха, характер которого предположительно устанавливается исходя из звукового строя праиндоевропейского языка и общетеоретических соображений о повествовательном фольклорном стихе.

Для филологов-классиков, а также литературоведов, лингвистов и любителей поэзии, интересующихся теорией и историей стиха.

ББК 83.3(0)3

3 4603020300-096 91-93
076(02)-94

ISBN 5-288-00844-2

© А.И.Зайцев, 1994

© Издательство
С.-Петербургского ун-та,
1994

В настоящее время большинство исследователей, занимающихся древнейшими корнями стихосложения индоевропейских народов, отправляются от взглядов Антуана Мейе, постулировавшего изосиллабический характер праиндоевропейской поэзии, в которой, по его мнению, каждая метрическая единица заключала в себе строго постоянное число слогов. Эта гипотеза давно вызывала сомнения у автора данного исследования: строгий изосиллабизм мало свойствен народной поэзии, тем более он необычен в фольклоре дописьменных народов. Праиндоевропейцы не знали письменности, видимо, не имели профессиональных певцов-сказителей. Можем ли мы проецировать в праиндоевропейское прошлое систему стихосложения, не свойственную народам, которые еще недавно жили или даже еще и сейчас находятся на близком к праиндоевропейцам культурном уровне? Опыт обучения в школе показывает, что ощущение слоговой структуры слова, умение оценить число слогов в слове не возникает спонтанно, требует усилий от учителя. Можем ли мы предполагать четкий (пусть даже бессознательный) отсчет числа слогов в стихе у праиндоевропейского неграмотного поэта и его неграмотных слушателей, в особенности учитывая наличие в праиндоевропейском тексте большого количества слоговых сонантов и редуцированных гласных, несомненно затруднявших восприятие слоговой структуры слова? Но если даже предположить существование в праиндоевропейской поэзии метров с фиксированным числом слогов, как можно обнаружить преемников этих метров в греческом языке, где слоговая структура изменилась по сравнению с праиндоевропейской в сторону сокращения, так что отрезки текста, равносложные в праиндоевропейском, должны были превратиться в неравносложные в древнегреческом?

Точно так же вызывает сомнения и догадка А. Мейе о заим-

ствованном происхождении древнегреческого гексаметра (она разделяется меньшинством ученых). Подавляющее большинство сохранившихся в древнегреческом языке праиндоевропейских поэтических формул дошли до нас в гомеровской поэзии, пользовавшейся гексаметром. Неужели правдоподобно, что все они, не оставив почти никакого следа в жанрах поэзии с исконно греческими стихотворными размерами, перекочевали в гексаметрический эпос, после того как греками был неведомо от кого заимствован гексаметр?

Выводы, к которым пришла моя ученица В. П. Смышляева в своем диссертационном исследовании "Стихотворные размеры эолийских поэтов" (Л., 1982), еще больше укрепили мои сомнения в правильности идей А. Мейе. Плодом этих сомнений и является настоящая попытка объяснить древнегреческий гексаметр как древнейший греческий эпический размер, уходящий корнями в индоевропейское прошлое.

ПРИРОДА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО СТИХА

В главе "Фонетика и эстетика" руководства по фонетике под редакцией Вертиля Мальмберга А. В. де Гроот дает следующую классификацию типов стихосложения:

а) силлабический стих (без рифмы — японский; с рифмой — современный французский);

б) периодический стих: единицы стихосложения состоят более чем из одного слога. Внутри периода действует противопоставление долгий / краткий. Это квантитативный стих: древнеиндийский, древнегреческий, латинский; внутри периода противопоставление слогов с динамическим ударением безударным — акцентный стих: английский, немецкий, итальянский, русский и т.д.;

с) словесный стих: единица стихосложения — отдельное слово (доклассический латинский стих).

Противопоставления музыкально ударного слога безударному не составляют самостоятельного принципа стихосложения, в китайском они используются в силлабическом стихе, в аннамском они могут представлять собой дополнительный фактор в словесном стихе.

Пограничным между стихом и прозой явлением является построенная на *parallelismus membrorum* ветхозаветная поэзия¹.

Джон Лотц противопоставляет чисто силлабическому стиху три разновидности силлабо-просодического: 1) квантитативный, 2) динамический и 3) тональный, причем и здесь древне-

¹ Groot A.W. de 1) *Phonetics in its relation to aesthetics* // *Manual of phonetics* / Ed. by B.Malmberg. Amsterdam, 1968. P. 539; 2) *Zur Grundlegung der allgemeinen Versbaulehre: Actes du Deuxième Congrès International de linguistes* Genève, 25-29 août 1931). Paris; 1933. S. 163-166.

греческий и латинский стих фигурируют как образцы количественного², и эта характеристика древнегреческого и латинского стиха является обычной в научной литературе.

Однако классификации, выделяющие количественный тип стиха, все же не являются общепринятыми. Ряд исследователей выдвигал и выдвигает соображения против реального существования количественного стиха, а следовательно, и против количественной природы древнегреческого стиха. При этом, разумеется, никто не оспаривает значение упорядоченного чередования долгих и кратких слогов в древнегреческом, латинском, древнеиндийском или арабском стихе. Возражения сводятся к тому, что в соответствующих системах стихосложения ритм на самом деле создается не только чередованием долгих и кратких слогов, но и действием еще каких-то дополнительных факторов.

Дело в том, что само по себе правильное чередование долгих и кратких слогов не делает стих количественным. Оно имеет место и в русском стихе, хотя он заведомо построен на чередовании ударных и безударных слогов. Но ударные гласные в русском языке удлиняются; удлиняется и весь ударный слог³ и в результате чередованию ударных с безударными сопутствует параллельное чередование долгих с краткими (то, что эти долготы и краткости не имеют фонологического статуса, нас сейчас не интересует).

Вообще говоря, обращение к нашим знаниям о живых языках и системах стихосложения при попытках реконструкции стихосложения на языках мертвых является абсолютно обязательным. Интерпретация сведений о системе стихосложения любого мертвого языка представляет собой реконструкцию — реконструкцию в области пограничной между историей литературы и лингвистикой; в первую очередь здесь приходится говорить о суперсегментной фонетике. Как известно, при сопоставлении живых языков разных систем по всей земле обнаруживается та же повторяемость общих принципов суперсегментных фонетических явлений, что и в общей типологии фонологических систем.

Повторяемость основных закономерностей фонетики порождает и повторяемость принципов стихосложения в фольклоре

---

²Lotz J. Elements of versification // Versification: Major language types / Ed. by W.K.Wimsatt. New York, 1972. P. 14.

³См.: Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 110–113.

и литературе различных народов. Это значит, что для исследователей стихосложения на любом мертвом языке сохраняет полную силу принцип: нельзя постулировать в своих реконструкциях фонологические закономерности, не засвидетельствованные непосредственно в каких-либо живых и доступных прямому исследованию языках.

Что же возражают нам исследователи, утверждающие, что квантитативный стих невозможен?

В 1899 г. весьма энергично настаивал на невозможности чисто квантитативного ритма в стихе американский филолог-классик Гендриксон⁴, заявляя, в частности, что "без формирующей силы движения ритма (т.е. правильных колебаний интенсивности) чисто квантитативный ритм не может быть выдержан в языке"⁵. В доказательство приводятся два соображения. Во-первых, говорит Гендриксон, "в обычном произношении не все долгие слоги одинаково долгие и не все краткие слоги одинаково кратки, как вполне точно, отметил для греческого языка Аристоксен (μεγέθη χρόνων οὐχ ἀεὶ τὰ αὐτὰ κατέχουσιν αἱ συλλαβαί)"⁶ и как показали современные фонетические исследования"⁷. Правоту этого утверждения оспаривать не приходится, но мы сейчас, усвоив принципы фонологии, знаем, что наиболее важно для языка восприятие носителем противопоставления долгих и кратких слогов, как бы ни варьировалась длительность их произнесения в каждом конкретном случае. Гендриксону нужно было бы именно доказать, что основой стиха не может служить ритм, возникающий в результате правильного чередования слогов, которые воспринимаются как противопоставленные по долготе и краткости.

Во-вторых, Гендриксон ссылается на результаты уже проделанных к тому времени первопроходцами экспериментальной психологии во главе с В. Вундтом исследований, из которых вытекает, что при ритмическом членении речи колебания в интенсивности имеют большее значение, чем вариации долготы и тембра звука⁸. Однако эксперименты эти производились над

---

⁴Hendrickson G.L. [Рец. на: Bennett C.E. What was ictus in Latin prosody? // Amer. Journ. Phil. 1898. Vol. 19. №4. P. 361-383] // Amer. Journ. Phil. 1899. Vol. 20. №2. P. 198-210.

⁵Hendrickson G.L. Op. cit. P. 209. Примеч. 1.

⁶Psellus. Προλαύβ. P. 18. Westphal.

⁷Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979. С. 186-191.

⁸Hendrickson G.L. Op. cit. P. 201. №1; Wundt W. Grundzüge der

носителями немецкого языка и, естественно, отражает лишь характер ритма в немецком языке⁹. Что же касается исследований Болтона, которые показали, что американцы воспринимают искусственно генерируемые последовательности долгих и кратких — и — как заключающие в себе и различие в интенсивности звука последовательности — и — (чего на самом деле нет)¹⁰, то этот результат уже прямо говорит о влиянии на восприятие языковых навыков человека, в данном случае носителя английского языка, ибо в английском ударении неразрывно связаны между собой компоненты длительности и интенсивности¹¹. Не удивительно, что недопустимость переноса выводов из экспериментов над носителями германских языков на древнегреческий и латинский стих немедленно отметил Беннетт¹².

Когда Стертевант замечает, что мы неизбежно вкладываем ритм интенсивности в воспринимаемые нами равномерные звуки маятника часов¹³, делает из этого универсальный закон человеческой психологии восприятия и утверждает на этом основании, что только динамический ритм вообще возможен в стихе¹⁴, мы снова имеем дело с неправомерной универсализацией психологии носителя языка одной определенной просодической системы.

То же нужно сказать и о его суждениях, согласно которым в стихах, которые сопровождалась пляской, динамические икты неизбежно должны были совпадать с сильными движениями танцующего¹⁵.

---

physiologischen Psychologie. Leipzig, 1880. Bd 2. S. 50–57; 72; Meumann E. Untersuchungen zur Psychologie und Aesthetik des Rhythmus // Philosophische Studien. 1894. Bd 10. S. 283.

⁹Обратившись, в частности, к ритму в стихе, Мейман стал исследовать только современный немецкий стих (с. 394).

¹⁰Bolton T.L. Rhythm // Amer. Journ. Psychol. 1894. Vol. VI, P. 145–238.

¹¹Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge, 1969. P. 13–121.

¹²Bennett Ch.E. Rhythmic accent in ancient verse. A reply // Amer. Journ. Phil. 1899. Vol. 20. №4. P. 416–417; Goodell Th.D. Chapters on Greek metric. New York; London, 1902. P. 157.

¹³Sturtevant E.H. The ictus of classical verse // Amer. Journ. Phil. 1923. Vol. 44. №4. P. 319–322; Thomson W. The rhythm of speech. Glasgow, 1923. P. 2; 4–7.

¹⁴Ibid. P. 329–330.

¹⁵См. также: Казанский Б.В. Учение об арсисе и тесисе // Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. класс. филол. 1915. Август. С. 365–374; Там же. Декабрь. С. 543–551. См. с. 365.

Создается впечатление, что Стертевант находится здесь не только под влиянием английского языка (недаром он приводит в качестве параллели английскую детскую игровую песенку), но и под влиянием новой европейской музыки с обязательным усиление интенсивности в начале такта¹⁶.

Стертевант утверждает далее, что длительность слога в квантитативном стихе должна была бы восприниматься как промежуток времени между границами слогов, т.е. между спадами энергии произношения, а это совершенно невероятно, тем более, что в античной древности практиковалось отбивание такта. Особенно было бы странно, если бы удар ногой или движение посоха приходилось бы на границу между слогами¹⁷.

На это приходится ответить, что восприятие греками противопоставления между долгими и краткими слогами (не только гласными) является неоспоримым фактом. Он доказывается удлинением тематического гласного $\bar{o}$ в $\bar{o}$ перед суффиксами сравнительной степени $\tau\epsilon\rho$ и превосходной $\tau\alpha\tau$ по ритмическому закону де Соссюра, если предшествовавший слог был кратким. Степени сравнения на $\tau\epsilon\rho$ и $\tau\alpha\tau$ были продуктивным образованием и в классическую и в эллинистическую эпоху, и распределение $\bar{o}/\bar{o}$ в новообразованных прилагательных подчинялись закону де Соссюра, хотя сам он, видимо, уже не действовал. Объяснить это можно, очевидно, только тем, что языковое сознание грека четко отличало долгий слог от краткого вообще вне всякой зависимости от стиха¹⁸, а раз так, то, очевидно, это различие могло служить основой стихотворного ритма.

Что же касается вопроса, где же все-таки ощущали греки границу слога, надо ответить: очевидно, там, где повышалась интенсивность и начинался следующий слог, там и ощущался конец предыдущего. Как началом слога в абсолютном начале высказывания или после паузы могли быть лишь первые звуковые колебания, дававшие подъем интенсивности звука от нуля до ощущаемой величины, так его концом, очевидно, было нача-

---

¹⁶Сам Стертевант, кажется, считает, что если носители английского языка в состоянии, там, где этого требует языковое наполнение, отступать от метрической схемы стихотворения, то это гарантирует их объективный подход к метрическим проблемам любого языка (Sturtevant E.H. Op. cit. P. 326-327).

¹⁷Ibid. P. 323-324.

¹⁸Греческие грамматики, со своей стороны, внесли в этот вопрос много искусственных соображений.

ло следующего слога и т.д. Поэтому совершенно невероятным является предположение Стертеванта, что долгота слога воспринималась как длина промежутка времени между вершинами слогов¹⁹. Ссылка Стертеванта на трудности точного слогоделения в большинстве живых языков²⁰ никак не говорит против наличия у греков ощущения границы слога: оно и у них могло колебаться, как оно колеблется в современных языках. Здесь надо назвать на первом месте колебания в слогоделении интервокальных групп из смычного в сочетании с плавным. Практика аттических поэтов показывает, что, хотя аттическому диалекту было свойственно отнесение всей такой группы к следующему слогу, все же и разделение ее на два слога поэтом и актером, исполнявшим его произведение, не шокировало афинян, как их шокировала случайная замена ударений актером Гегелохом. В самом деле, принципы слогоделения, по-видимому, не вполне одинаковы в разных языках, и картина, которую мы наблюдаем в греческом языке во всех ее вариантах, как будто согласуется с сонорной теорией слога²¹.

Исходя из собственной моторной теории слога, полностью отрицает возможность чисто квантитативного стиха Стетсон, утверждающий, что "any rhythm however quantitative depends on stresses for its grouping" ("всякий ритм, как бы квантитативным он ни был, зависит в своем структурировании от ударений"), а тем, кто в защиту квантитативного стиха ссылается на "деликатное ухо древних", бросает упрек в "фантастической психологии"²². Однако сама теория слога Стетсона не является общепринятой²³, и если из нее делаются какие-то выводы, мы должны проверить, соответствуют ли они фактам.

В настоящее время наиболее радикальным противником теории квантитативного стиха является кембриджский лингвист Сидни Аллен, отвергающий всякую возможность квантитативного стиха в каком бы то ни было языке и считающий рит-

¹⁹Sturtevant E.H. Op. cit. P. 324. — По тем же соображениям маловероятным кажется предположение Э.Дейля о том, что греки воспринимали в стихах длительность слогов как расстояние от начала одного гласного до начала другого (Dale A.M. Observations on dactylic // Wiener Studien. 1964. Bd 77. S. 9.) Ср.: Collinder B. Über Quantität und Intensität // Neuphilologische Mitteilungen. 1937. Bd 38. S. 98.

²⁰Sturtevant E.H. Op. cit. Примеч. 8.

²¹Зиндер Л.П. Указ. соч. С. 251–256.

²²Stetson R.H. Bases of phonology. Oberlin, 1945. P. 71.

²³Зиндер Л.П. Указ. соч. С. 263.

мообразующим элементом в любом стихе динамический иктус, совпадающий или не совпадающий со словесным ударением²⁴. Пытаясь оспаривать возможность квантитативного ритма вообще, Аллен напрасно ссылается на Сеймура Четмена и Девида Кристела²⁵. Четмен на протяжении всей книги занимается специально английским стихосложением, и все его нападки на квантитативную теорию стиха адресованы исследователям, пытающимся защитить ее в применении к английскому стиху. Из контекста ясно, что именно к носителям английского языка относится его категорическая формулировка: "What I deny is that the mind has some elaborate faculty of measuring and identifying time spans and that this is what it does in meter, rather than noting comparative length as one of several cues for ictus whole simply assuming as a convention the temporal equality of feet"²⁶. ("Я отрицаю только то, что у разума есть тщательно разработанная способность измерять и идентифицировать промежутки времени и что именно это он осуществляет в (стихотворном. — А.З.) размере, вместо того чтобы сопоставлять относительные долги́ты как один из признаков иктуса в целом, принимая за условие равную длительность стоп").

Совершенно таким же образом касается только английского языка и стихосложения Дэвид Кристел²⁷.

Аллен пытается также сослаться на авторитет крупнейшего исследователя теории стиха де Гроота, цитируя следующее его заявление: "Существует направление, которое определяет ритм как изохронию последовательных интервалов ... это определение неприменимо ни к одному типу стиха ни на одном языке, который нам известен"²⁸. Но де Гроот здесь же пишет, что сущность квантитативного ритма не в строгой изохронии, а в упорядоченном чередовании единиц (в данном случае слогов), одни из которых воспринимаются как долгие, а другие противостоят им как краткие, и тремя страницами раньше называет

²⁴ Allen W.S. Accent and rhythm. Prosodic features of Latin and Greek: a study in theory and reconstruction. Cambridge, 1973. P. 96–102.

²⁵ Ibid. P. 97.

²⁶ Chatman S. A theory of meter. The Hague, 1965. P. 40–43. — Его возражения в отношении английского стиха несомненно справедливы. Видимо, даже русский стих можно было бы назвать квантитативным с большим правом, чем английский.

²⁷ Crystal D. Prosodic systems and intonation in English // Studies in linguistics. Vol. 1. Cambridge, 1969. P. 29.

²⁸ Groot A.W. de. Phonetics ... P. 542; Allen W.S. Op. cit. P. 97.

древнегреческий стих как один из образцов количественного²⁹.

Возражения против самой возможности количественного стиха явно основываются на неправомерном обобщении положения вещей в большинстве европейских языков. Так, отрицал возможность стихосложения, основанного на каких-то других, кроме привычных ему и кажущихся естественными принципах Вильям Томсон. К сожалению, смысл его пространной аргументации не всегда легко понять, но характерно, что, защищая свою позицию, ему приходится постоянно ссылаться на то, что древние, писавшие о метрике, ничего не понимали в своем предмете. В то же время Томсон никак не может принять как должное столь очевидные вещи, как например то, что во второй половине первого стиха Энеиды *primus ab oris* мы имеем дактиль (*primus a-*) + спондей (*-b oris*)³⁰. Нельзя недооценивать роль различий в звуковой строе живых и мертвых языков земного шара, которые, естественно, могли породить и разные системы стихосложения.

Об этом писал А.Мейе³¹, обращая внимание и на то, как звуковой строй немецкого и английского языка с его сильным динамическим ударением влияет на представления ученых — носителей этого языка о древнегреческой метрике³². Понимал это и не занимавшийся специально языкознанием Виламовиц³³ и отстаивавший чисто количественный характер латинского и греческого стиха американский латинист Беннетт³⁴.

Решительно высказался за зависимость системы стихосложения от фонологических свойств языка Р.О.Якобсон, убедительно показывая в то же время, что звуковой строй языка обычно представляет несколько возможных вариантов стихосложения для поэзии на данном языке, запрещая остальные. Что же касается выбора между возможными вариантами, он обуславливается историческими причинами³⁵.

---

²⁹Groot A.W. de. *Phonetics* ... P. 539.

³⁰Thomson W. *The rhythm of speech*. Glasgow, 1923. P. 499–500.

³¹Meillet A. *Les origines indo-européennes des mètres grecs*. Paris, 1923. P. 10.

³²Op. cit. P. 10.

³³Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Griechische Verskunst*. Berlin, 1921. S. 18.

³⁴Bennett Ch.E. *What was ictus in Latin prosody?* // *American Journal of Philology*. 1898. Vol. 19. P. 361–383.

³⁵Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским: Сборники по теории поэтического языка. Т. 1. Берлин: Гос. изд. РСФСР, 1923. С. 115.

Важный вклад в развитие идеи о зависимости стихосложения от строя языка внес А.В. Де Гроот³⁶. В 1930 г. мысли, аналогичные позиции Якобсона, высказывал Е.Д.Поливанов³⁷.

У нас идеи Р.О.Якобсона о зависимости стихосложения от фонологии развивает М.И.Лекомцева³⁸, однако детали ее построений не всегда понятны: например, что означает, что в латинском и древнеиндийском языке "долгота — краткость одного гласного может зависеть от распределения этого признака в других слогах"³⁹.

Все наши рассуждения, в сущности, подводят нас к итогу, в общем виде хорошо сформулированному М.Л.Гаспаровым: "Каждая система стихосложения понятным образом опирается на фонологические свойства языка . . . . Силлабо-метрическое стихосложение возможно лишь в тех языках, где долгота звуков фонологична, смысловразличительна и потому улавливается сознанием"⁴⁰. Во всяком случае. голословные возражения против квантитативного стихосложения бесплодны.

А.Мейе вполне справедливо писал: " . . . общая теория ритма показывает, что чередования долгих и кратких (элементов) . . . достаточно для того, чтобы создать у слушателя ощущение ритма. Возможно, этот ритм менее отчетлив, чем тот, который возникает в результате чередования элементов разной интенсивности, но он все же существует"⁴¹. Необязательность колебаний в интенсивности звука для возникновения ритма подтверждается также и опытом игры на таких музыкальных инструментах, как орган или волынка, у которых громкость звука стабильна: ритмичность музыки удается достигнуть другими средствами⁴².

Как же обстоит дело реально, насколько надежно засвидетельствовано квантитативное стихосложение в языках и литературах земного шара? Убежденный сторонник квантитативной природы литературного латинского и греческого стиха В.Бир

---

³⁶Groot A.W. de. Zur Grundlegung . . . P. 63–81.

³⁷Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. №1. С. 99–112.

³⁸Лекомцева М.И. К соотношению фонологических структур слога и метрических систем соответствующих языков // Тезисы докладов во Второй летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. С. 75–79.

³⁹Там же. С. 77.

⁴⁰Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 10.

⁴¹Meillet A. Les origines . . . P. 10.

⁴²Sonnenschein E.A. What is rhythm? Oxford, 1925. P. 24–25, 203.

считал, что из всех языков мира количественный стих был исконно присущ только древнегреческому и древнеиндийскому⁴³. В действительности, не касаясь более или менее искусственных попыток ввести количественный стих по образцу античного в литературы самых различных стран, мы можем констатировать, что количественный стих достаточно широко используется в финском, эстонском, венгерском, монгольском стихосложении. Так, количественный принцип действует в древнем народном стихе прибалтийских финских народов (финнов, карелов, эстонцев) — так называемом руническом стихе. Правда, поскольку долгота/краткость в этих языках вполне фонологична только в ударном начальном слоге слова, рунический стих не является последовательно количественным: в наиболее общей форме его построение регулируется принципом — в сильной позиции запрещен ударный краткий, в слабой — ударный долгий⁴⁴.

Сочетание фольклорных традиций и античных культурных влияний вызвали к жизни оказавшийся органичным для финской литературы количественный стих⁴⁵. Особенно плодотворно используется количественный стих в современной эстонской поэзии, как в оригинальном поэтическом творчестве, так и для адекватного перевода произведений древнегреческой и римской поэзии⁴⁶.

И все же, наличие количественных противопоставлений в эстонском языке только в ударном слоге делает эстонский стих не предельно адекватной моделью древнегреческого и латинского⁴⁷.

В венгерской поэзии сосуществуют стихи силлабо-тоничес-

---

⁴³Beare W. Latin verse und European song. A study in accent and rhythm. London, 1957. P. 66.

⁴⁴Гаспаров М.Л., Лотман М.Ю. Очерк истории европейского стиха. С. 233.

⁴⁵Там же. С. 236; Collinder B. Über Quantität und Intensität // Neuphilologische Mitteilungen. 1937. Bd 38. S. 102–104.

⁴⁶Гаспаров М.Л., Лотман М.Ю. Очерк истории европейского стиха. С. 237–238.

⁴⁷См.: Краут Э. Ритмическая интерференция: Актуальные проблемы стиховедения и вопросы финно-угорского стихосложения // Studia metrica et poetica. Tartu, 1981 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 587). С. 28–49; Kraut E. Quantity and stress in Estonian hexameter I // Динамика поэтических систем. Труды по метрике и поэтике. Тарту, 1987 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. №780). С. 79–98.

кий (роль ударения в этом стихе является предметом дискуссии среди исследователей) и квантитативный. Законы, регулирующие долготу и краткость слога, опираются на фонологию венгерского языка и очень похожи на греческие и латинские. В XIX в. к квантитативным размерам тяготела поэзия "высокого штиля". Квантитативным размером осуществляются венграми переводы из древнегреческой и римской поэзии, но и в оригинальных стихах даже такая форма, как алкеева строфа, звучит вполне естественно⁴⁸.

На количественных противопоставлениях основаны дравидийская и кхмерская метрика⁴⁹. У нас есть основания приписывать квантитативный стих ряду ушедших в прошлое систем стихосложения на древних языках.

Особое значение для нас в силу индоевропейского родства древнегреческого и древнеиндийского языков имеет квантитативный характер метрики Вед и древнеиндийских эпических поэм, не вызывающий сомнений у исследователей⁵⁰. Кроме свидетельств источников и внутренних критериев немаловажно и следующее обстоятельство: при фонетическом обследовании рецитации гимнов Риг Веды современными браминами выяснилось, что ударение, которое они сейчас делают на слогах *anudatta* (т.е. предшествующих ударному слогу ведийской эпохи), включает в себе и подъем высоты голоса, и усиление интенсивности⁵¹. Однако основным в ритме санскритского стиха в современной рецитации остается, как это отметил уже Ольденберг, опиравшийся на фонограммы Фельбера⁵², противопоставление долгих и кратких слогов⁵³.

По утверждению Германа Якоби, слушавшего в Индии рецитацию стихов в размере арья, употребительном в более близких к народным жанрам санскритской поэзии, а затем использовав-

---

⁴⁸Гаспаров М.Л., Лотман Ю.М. Очерк истории европейского стиха. С. 235–236; Lotz J. Uralic // *Versification. Major language types* / Ed. by W.K. Wimsatt. New York, 1972. P. 100.

⁴⁹Warder A.K. Pali metre. A contribution to the history of Indian literature. London, 1967. P. 88.

⁵⁰Барроу Т. Санскрит. Пер. с английского. М., 1976. С. 110.

⁵¹Gray J.E.B. An analysis of ṛgvedic recitation // University of London. Bulletin of the School of Oriental and African studies. 1959. Vol. 22. P. 86–94.

⁵²См.: Felber E. Die indische Musik der Vedischen und der Klassischen Zeit // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse. 1912. Bd 170. Teil 7.

⁵³Warder A.K. Pali metre ... P. 19–21, 53–63.

шемся в пракритах, эти стихи и сейчас речитируются в чисто квантитативном ритме, который не аннулируется сохраняемым при речитации динамическим ударением на своих местах⁵⁴.

Анализ стихотворных текстов на языке пали указывает, по мнению Уордера, на квантитативный характер их метрики⁵⁵.

Аналогичным образом на чередовании долгих и кратких слогов построено стихосложение на пракрите Апабрамса⁵⁶, очевидно, восходящее преемственно к санскритскому. Использование рифмы сближает поэзию на Апабрамса с арабской⁵⁷, которую часто приводят рядом с греческой в качестве примера поэзии с квантитативным принципом стихосложения⁵⁸.

В классической арабской метрике, как и в греческой (и в латинской) долгими являются все закрытые слоги (не принимая во внимание деление на слова) и все слоги, гласный которых долгий; краткими являются открытые слоги, гласный которых краток. В конце стиха любой слог становится долгим⁵⁹. Наиболее существенным отличием является недопущение в большинстве позиций в стихе слогов структуры согласный + долгий гласный + согласный⁶⁰. В основе стихосложения, как и в греческом языке, правильное чередование долгих и кратких слогов. Попытки Т.Вейля доказать смешанный, опирающийся и на долготу и краткость слогов, и на музыкальное ударение характер классического арабского стихосложения⁶¹, на которые ссылает-

---

⁵⁴Sonnenschein E.A. Op. cit. P. 206–207; Groot A.W. de. Der Rhythmus // Neophilologus. 1932. P. 19, 81–100; 177–197, 190–191, 241–264.

⁵⁵Warder A.K. Pali metre ... P. 62.

⁵⁶Mayrhofer C.M. Scansion and analysis of prakrit verses by text processing program // Revue. Informatique et statistique dans les sciences humaines. 1987. A. 23. №1–4. P. 101.—Уордер высказывал на этот счет некоторые сомнения, считая, что в Апабрамса могли играть роль ударение и иктус (Warder A.K. Pali metre ... P. 61–63).

⁵⁷Ibid. P. 107.

⁵⁸См., напр.: Холшевников В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. 2-е изд. Л., 1972. С. 9.

⁵⁹Brunschvig R. La versification arabe classique, essai d'une méthode nouvelle // Revue Africaine. 1937. Vol. 81. P. 327; Fleisch H. L'Arabe classique ... P. 15.

⁶⁰Fleisch H. L'arabe classique ... P. 16; Bohas G. 1) Unités minimales en métrique Arabe // Institut Français de Damas. Bulletin d'études Orientales. 1975. T. 28. P. 7–17 (P. 8); 2) La métrique ... P. 61.

⁶¹Weil G. Arud // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1. fasc. 11. Leiden; London, 1958. P. 667–677.

ся Аллен⁶², не находит сочувствия у его коллег — арабистов⁶³, хотя Флейш и отмечает, что в широкоупотребительном размере ямбического типа наблюдается тенденция к совпадению метрически сильного долгого слога со слогом, несущим на себе музыкальное ударение⁶⁴.

Музыкальная природа арабского классического ударения, очевидно, как-то связана с квантитативным и во многом похожим на древнегреческое и латинское стихосложением⁶⁵.

Из арабской поэзии квантитативное стихосложение перешло в персидскую средневековую поэзию⁶⁶. Затем, как известно, квантитативный принцип был перенесен после принятия большинством тюркских народов ислама из арабского и персидского стихосложения в классическое тюркское⁶⁷.

По мнению Е.Д.Поливанова, китайское стихосложение в момент своего формирования было квантитативным. В настоящее время стихосложение это основывается на правильном чередовании так называемых "косых" слогов с "прямыми", причем в категорию "косых" входят слоги с первым и третьим тоном, а в категорию прямых — слоги со вторым и четвертым тоном. Между тем, сопоставление китайских диалектов говорит о том, что первый и третий тоны являются наследниками долгих слогов, а второй и четвертый — наследниками кратких, что и позволяет

---

⁶²Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 100.

⁶³Fleisch H. [Рец. на кн.]: Blachère R. Histoire de la littérature arabe. T. 1. Fasc. 2. Paris, 1964 // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 1966. T. 42. P. 312-314. Fück J. Bemerkungen zur altarabischen Metrik // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1962. Bd 112. S. 464-469. — Позицию Вейля поддерживает, исходя из своих общих взглядов на стихосложение Е.Курилович (Kurylowicz J. Metrik und Sprachgeschichte. Wrocław etc., 1975. S. 211-216).

⁶⁴Fleisch H. L'arabe classique. Esquisse d'une structure linguistique // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 1956. T. 33. Fasc. 1. P. 52-53; Bohas G. Unités minimales ... P. 16.

⁶⁵Fleisch H. L'Arabe classique. P. 19. — Существенным отличием является систематическое использование классической арабской поэзией рифмы. (Brunschvig R. La versification arabe classique. Essai d'une méthode nouvelle // Revue Africaine. 1937. T. 81. P. 372-373 (Troisième Congrès de La Fédération des Sociétés Savantes de l'Afrique du Nord. T. 1). P. 329; Bohas G. La métrique ... P. 59-68.)

⁶⁶The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1. Fasc. 11. Leiden; London, 1958. P. 676-677; Kurylowicz J. Metrik und Sprachgeschichte. S. 97-101.

⁶⁷См.: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 664.

утверждать, что традиционное китайское стихосложение было построено вначале на чередовании долгих и кратких слогов⁶⁸.

Нельзя однако не отметить, что гипотеза об исконной количественности китайского классического стихосложения встречает возражения⁶⁹.

Определенное значение для решения нашей проблемы имеет и тот факт, что, как выясняется в результате экспериментально-фонетического исследования, современный монгольский стих, использующий и *parallelismus membrorum* и аллитерации, использует в качестве важнейшего ритмообразующего элемента изохронность стихов или ритмико-синтаксических фигур, из которых состоит стих⁷⁰. В работе Л.К.Герасимович экспериментально устанавливается, что современный монгольский стих делится на изохронные, т.е. одинаковые по длительности произнесения строки, которые, в свою очередь, могут делиться на изохронные "ритмико-синтаксические фигуры" — синтагмы, по терминологии Л.К.Герасимович, сопоставляющей эти синтагмы со стопами.

Экспериментальное исследование не подтвердило ни одну из высказывавшихся точек зрения о монгольском ударении и заставило исследовательницу прийти к выводу об отсутствии в настоящее время ударения в монгольском языке: единственная закономерность, четко прослеживаемая здесь, — большая интенсивность долгих гласных и дифтонгов.

Таким образом, ударение не может создавать ритм монгольского стиха. Не может его создавать и чередование интенсивности или правильное чередование долгих и кратких, как мы это предполагаем для греческого: последовательности долгих и кратких в монгольских стихах неупорядочены. Тем не менее, стихи существуют, воспринимаются как таковые и, главное, произносятся сходным образом, с членением на те же не обозначаемые в печатных текстах ритмико-синтаксические синтагмы. Стихотворный характер речи достигается посредством изохронности синтаксическо-смысловых отрезков.

Что дает этот факт для реконструкции принципов древнегреческой метрики? Природа монгольского стиха доказывает

---

⁶⁸Поливанов Е.Д. О метрическом характере китайского стихосложения // Доклады Российской Академии наук. 1924. С. 156–158.

⁶⁹Lotz J. Elements of versification. P. 14.

⁷⁰Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Опыт экспериментально-фонетического исследования. Л., 1975. С. 122–123.

а *fortiori* возможность существования греческого в том виде, как о нем учит традиционная теория.

Выясняется, что в эпоху формирования древнегреческого стиха греческие поэты имели в своем распоряжении больше возможностей обеспечить четкий ритм стиха. Кроме приближительной изохронии стихов, они использовали не только принцип, при котором стих представлял собой синтактико-смысловое единство: ведь стихотворный перенос (*enjambement*) представлял собой первоначально редкость и был сильным выразительным средством, как всякое сознательное нарушение правила. Оказывается, для четкого ритма стиха достаточно уже этих средств, но в греческом стихосложении с самого начала использовался еще один мощный фактор ритмической организации — правильное чередование долгих и кратких слогов.

Наконец, возможность существования квантитативного стиха доказывается даже, так сказать, экспериментально на греческом и латинском материале. Так, Чарльз Беннетт в результате систематических упражнений освоил чтение латинских стихов без иктусов, но с соблюдением долгот и краткостей слогов. Стихи звучали⁷¹. Ряд филологов нашего поколения греческие стихи читали и читают квантитативно, а В.Б.Стенфорд, В.Шадевальдт и Ст.Дайц записали свое чтение. Особое впечатление произвела на автора этих строк запись чтения Гомера В.Шадевальдтом.

Таким образом, чисто квантитативный стих реально засвидетельствован и, следовательно, в принципе возможен и в древнегреческой, и в римской поэзии. Вопрос нужно решать, исходя из конкретных фактов.

Предметом данной работы является древнегреческое стихосложение, и латинский стих рассматривается в ней, как правило, там, где речь идет об их несомненных или предполагаемых общих свойствах⁷². Поэтому, хотя автор убежден, что латинский стих — в частности и стих римской драмы⁷³, и стих эпоса являются в основе квантитативными, природа их сложнее, и в тех случаях, когда та или иная аргументация в отношении при-

---

⁷¹ Bennett Ch.E. What was ictus ... P. 373–377.

⁷² Чаще всего речь о них идет в первой главе исследования.

⁷³ В отношении латинского ямбического и трохаического стиха автор, в общем, солидаризируется с позицией Жана Субирана, выпустившего недавно фундаментальный труд: Soubiran J. Essai sur la versification dramatique des Romains: Sénair iambique et septénaire trochaïque. Paris, 1988. P. 472–473.

роды стиха относится только к латинскому стиху, она здесь не будет рассматриваться.

Обычные представления о ритмической природе древнегреческого стиха, представления о том, каким образом создавался в греческой поэзии необходимый для стиха ритм, восходят к свидетельствам античных грамматиков и теоретиков музыки, прочно связанной в античности со стихотворным текстом и, в то же время, эти представления в общем подтверждаются при непосредственном рассмотрении дошедших до нас стихотворных текстов.

При этом основные принципы древнегреческого стихосложения проявлялись, очевидно, более просто и отчетливо в простейших размерах, где ритм должен был создаваться самим произносимым текстом, а не музыкальным сопровождением, которое выполняло эту функцию в более сложных лирических размерах, о которых Цицерон, возможно несколько преувеличивая, говорил: *quos cum cantu spoliaveris, nuda paene remanet oratio* (если ты устранишь из них пение, останется чуть ли не одна прозаическая речь — *Cic. Orator, 55, 183*).

Если бы до нас дошли только тексты Пиндара и Вакхилида, а вся остальная греческая поэзия и грамматическая традиция была бы утрачена, мы едва ли смогли бы вообще даже подступить к вопросу о природе древнегреческого стиха. К счастью, в нашем распоряжении находятся отзвуки эллинистической традиции изучения метрики в сочинениях авторов эпохи Империи и византийцев и есть тексты — гексаметрические, ямбические, трохаические, которые можно исследовать непосредственно.

Сочетая оба подхода, мы с необходимостью приходим к выводу о том, что неотъемлемым свойством древнегреческого стиха является правильное чередование долгих и кратких слогов. Так и Аристид Квинтилиан (*De Mus, 1, 13, p. 31 W. — I.*) начинает характеристику ритма древнегреческого стиха с ясного положения: *ῥυθμὸς τοῖνυν ἐστὶ σύστημα ἐκ χρόνων κατὰ τινὰ τάξιν συγκατένων* (ритм есть система временных интервалов, расположенных в определенном порядке), в таком духе пишут и другие античные авторы. В то же время в наших стихотворных текстах мы обнаруживаем правильно чередующиеся последовательности долгих и кратких слогов, чего, в общем, не бывает в прозе.

Все это очевидно и не вызывает никаких споров. Основная проблема заключается в том, являлось ли это чередование дол-

гих и кратких единственным или хотя бы основным средством создания ритма, т.е. не играли ли важную роль в формировании ритма какие-либо дополнительные моменты, и это-то и вызывает споры.

Обращаясь непосредственно к текстам, мы видим, что древнегреческое ударение, музыкальное по природе, заведомо не могло поддерживать ритм стиха: чередование ударных и безударных слогов во всех жанрах древнегреческой поэзии беспорядочно и не имеет никакого отношения к стихотворному размеру.

Играл ли какую-то роль в греческом стихе динамический элемент, различие в громкости произнесения тех или иных гласных и вместе с ними и слогов? С точки зрения общefonетической в этом могло бы проявляться и различие между арсисом и тесисом античных метриков.

Трудно представить себе, чтобы длинные гласные греческого языка произносились постоянно с большей интенсивностью, чем краткие: это, очевидно, привело бы в какой-то форме к синкопированию или редукции кратких. Однако в стихе произношение долгого гласного в сильной метрической позиции с большей интенсивностью представляется вполне вероятным, тем более, что очевидное сочетание большей интенсивности и долготы является вполне естественным: недаром оно свойственно, в частности, русским⁷⁴, немецким, голландским, английским⁷⁵ ударным гласным.

Первым филологом, сформулировавшим представление о роли в древнегреческом стихе динамического иктуса, был основоположник научного исследования древнегреческих стихотворных размеров Готфрид Герман⁷⁶. Вскоре идеи Германа сделались доминирующими среди немецких и англо-саксонских филологов⁷⁷. Так, о роли иктусов в древнегреческом стихе говорит без колебаний автор влиятельного в свое время и полезно-

---

⁷⁴Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. С. 110-113.

⁷⁵Groot A.W. de 1) *Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften* // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. IV. 1931. P. 116-132; 2) *Der Rhythmus* // *Neuphilologus*, 1932. Bd 19. S. 81-100; 177-197; 241-264; Wallin Z.E. Wallace. *Researches on the rhythm of speech* // *Studies from the Yale Psychological laboratory*. 1901. Vol. 9.

⁷⁶Отчетливее всего его взгляды сформулированы в работе: Hermann G. *Elementa doctrinae metricae*. Lipsiae, 1816.

⁷⁷Kabell A. *Metrische Studien, II: Antiker Form sich nähernd*. Uppsala, 1960. S. 55, 229-232.

го еще и сегодня компендиума по античной метрике Вильгельм Крист⁷⁸.

На протяжении многих лет неоднократно излагал свою теорию древнегреческой метрики, в которой доминировал жесткий ритм и метрические иктусы, Рудольф Вестфаль⁷⁹, причем теория Вестфалья была в значительной мере порождена допущенным им проецированием в греческую поэзию и музыку ритмов европейской музыки его эпохи⁸⁰.

Для Пола Шори необходимость иктусов в греческом стихе была самоочевидной, и он утверждал, например, что без динамического начала в стихе невозможна была бы даже разница между восходящим и нисходящим ритмом⁸¹.

Энергично настаивал на роли динамического элемента в древнегреческом стихе Вильям Томсон, который вслед за Вестфалем перенес на античную поэзию ритмические закономерности новой европейской музыки⁸².

С развитием фонетики и фонологии стали также предприниматься попытки опровергнуть квантитативную теорию древнегреческого стиха теоретически. Так, Р.Стетсон выражал уверенность в том, что в греческом языке на основе чередования "долгих" и "кратких" слогов⁸³ складывался ритм интенсивности, но каких-либо определенных гипотез относительно его характера он не выдвигает, а конкретной аргументации не приводит, будучи, очевидно, уверенным в том, что это с необходимостью вытекает из его теории слога⁸⁴. Об идеях кембриджского лингвиста Сидни Аллена, считающего чисто квантитативный

---

⁷⁸Christ W. *Metrik der Griechen und Römen*. 2. Aufl. Leipzig, 1879.

⁷⁹Истор его исследований представлен в кн.: Rossbach A., Westphal R. *Theorie der musischen Künste der Hellenen*. I, II, III, 1. Leipzig, 1885, 1886, 1887, 1889. (Россбаху принадлежит в этом труде описание конкретных стихотворных размеров древнегреческой поэзии).

⁸⁰Westphal R. *Allgemeine Metrik der indo-germanischen und semitischen Völker auf Grunde der vergleichenden Sprachwissenschaft*. Berlin, 1892.

⁸¹Shorey P. *Choriambic dimeter and the rehabilitation of the antispast* // *Transactions and proceedings of the American Philological Association*. 1907. Vol. 38. P. 83-84.

⁸²Thomson W. *The rhythm of speech*. Glasgow, 1923. P. 16, 421-552.

⁸³Stetson R.H. *Motor phonetics*, Amsterdam, 1951. Стетсон заключает в кавычки слова "долгий" и "краткий", так как пытается все традиционные представления о слоге перестроить в духе собственной теории.

⁸⁴Stetson R.H. *Bases of phonology*. Oberlin, 1945. P. 70 f.

стих вообще невозможным, мы говорили уже выше⁸⁵; подробнее его теорию мы разберем в конце главы.

Насколько нам известно, первым европейским филологом, считавшим ритм древнегреческого и латинского стихосложения чисто квантитативным, был Николай Мадвиг⁸⁶. На Мадвига ссылается как на своего предшественника американский латинист Беннетт, выступивший с критикой традиционного представления об иктусе в латинском стихе и отстаивавший попутно также чисто квантитативную природу греческого стиха⁸⁷. Не зная, по-видимому, статей Беннетта, весьма энергично отстаивал отсутствие и в греческом и в латинском стихе динамического иктуса Г. Шульц⁸⁸. Чисто квантитативную природу древнегреческого стихосложения защищал Томас Дуайт Гудел⁸⁹. У нас чисто квантитативную природу древнегреческого и латинского стиха принимал Ф. Е. Корш⁹⁰.

Квантитативную природу греческого стиха отстаивают А. Мейе, А. Шмитт, Э. Дейл, Т. Коул, Ааге Кабелл, М. Л. Гаспаров⁹¹. Нужно сказать, что не все аргументы сторонников квантитативности греческого стиха могут быть приняты. Так, Беннетт говорит о *level stress* в латинском языке, т. е. о равномерной громкости латинской речи⁹². Стертевант вполне справедливо отмечает, что равномерная громкость вообще невозможна ни в

---

⁸⁵ См. с. 10–12 в настоящем издании.

⁸⁶ Madvig N. Lateinische Sprachlehre für Schulen. 3. Aufl. Braunschweig, 1857. S. 474, 498. — Вполне возможно, что сложность акцентуальной системы датского языка удержала его от проецирования в античность основанной на динамическом ударе системы стихосложения; носителям немецкого и английского языка, видимо, было труднее преодолеть такое искушение.

⁸⁷ Bennett Ch. E. 1) What was ictus ... ; 2) Rhythmic accent in ancient verse. A reply // Ibid. 1899. Vol. 20. №4. P. 412–428.

⁸⁸ Schultz G. Beiträge zur Theorie der antiken Metrik // Hermes, 1890. Bd 35. S. 308–325.

⁸⁹ Goodell Th. D. Chapters on Greek metric. New York; London, 1902. P. 155–162.

⁹⁰ Корш Ф. Е. Введение в науку о славянском стихосложении // Статьи по славяноведению / Под ред. В. И. Ламанского. Вып. 2. СПб., 1906. С. 300–378.

⁹¹ Meillet A. Les origines ... P. 10; Schmitt A. Musikalischer Akzent und antike Metrik. Münster, 1953. S. 30; Dale A. M. The lyric metres of Greek drama. Cambridge, 1948. P. 4–6; Cole Th. Classical Greek and Latin // Versification: Major language types / Ed. by W. K. Wimsatt, New York, 1971. P. 80. Note 24; Kabell A. Metrische Studien. II: Antiker Form sich nähernd. Upsala, 1960. S. 3–11; Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. С. 85.

⁹² Bennett Ch. E. What was ictus ... Rhythmic accent. P. 412.

каком языке, и ссылается также на Есперсена в подтверждение того, что без колебания громкости внутри слога вообще невозможно само деление на слоги⁹³. Надо сказать, что хотя единой теории слога фонетика до сих пор не выработала, необходимость колебаний интенсивности звука внутри никаких сомнений не вызывает⁹⁴.

Колебания интенсивности звука в греческом языке признает Э. Дейл, отмечая в то же время, что эти колебания не влияют существенно на стихотворный ритм⁹⁵. Прав Стертевант и в том, что нельзя а priori утверждать, что динамический иктус в стихе, и притом могущий оказаться то на одном, то на другом слоге того же самого слова, должен был непременно вступить в противоречие со звуковым строем языка⁹⁶.

Иногда в пользу квантитативного характера древнегреческого и латинского стихосложения выдвигаются аргументы, которые не только не могут всерьез подкрепить эту теорию, но в состоянии, скорее, ее скомпрометировать. Как это часто оказывается, энергичнее всех выразился Фридрих Ницше. Для него античные ритмы были моральными и эстетическими, а современные германские — варварскими и патологическими (1884 г.)⁹⁷. Джильберт Меррей, хотя и более осторожен, но все же говорит о переходе от квантитативного стиха к тоническому как о проявлении деградации⁹⁸. Даже Пауль Маас высказывался так, что можно подумать, что он разделял это представление о деградации⁹⁹. Фан Гиннекен считал квантитативные ритмы характерными для детства человечества¹⁰⁰. Полностью отвергает значение свидетельств греческих и римских авторов В. Томсон, считавший, что они вообще не осознавали колебаний в интенсивности звука в речи¹⁰¹.

---

⁹³Sturtevant E.H. Op. cit. P. 319–322.

⁹⁴Зиндер Л.Р. Указ. соч. С. 251–285.

⁹⁵Dale A.M. The lyric ... P. 5.

⁹⁶Sturtevant E.H. Op. cit. P. 322.

⁹⁷Nietzsche F.W. *Philologica*. II: Unveröffentlichtes zur Literaturgeschichte, Rhetorik und Rhythmik. Hrsg. v. O. Crusius. Leipzig, 1912 (Werke, Bd XVIII). S. 336; Middleton C. Nietzsche on music and metre // *Arion*. 1967. Vol. 6. P. 58–63; Allen W.S. Prosody and prosodies in Greek // *Transactions of the Philological Society*. 1966. P. 116.

⁹⁸Murray G. The classical tradition in poetry. London, 1927. P. 83.

⁹⁹Maas P. Greek metre / Transl. by H. Lloyd-Jones. Oxford, 1966. P. 3.

¹⁰⁰Ginneken J. *Principes de linguistique*. Paris, 1907. P. 43.

¹⁰¹Thomson W. The rhythm of speech. Glasgow, 1923. P. 14

Антиисторичность такого рода представлений очевидна. Восприятие метрики Пиндара или Еврипида требовало, несомненно, большой культуры от слушателя, но эта метрика была результатом длительного развития. Основные принципы древнегреческого стихосложения сложились еще в догомеровскую эпоху. Приписывать грекам изначально особую тонкость восприятия поэзии можно только с позиций признания их таинственной природной исключительности, наличествовавшей якобы еще тогда, когда они ходили в звериных шкурах¹⁰². Отвечая на критику теории количественного греческого стиха с общелингвистических позиций, нужно искать аргументы, отвечающие современному уровню развития языкознания.

О чисто количественном характере древнегреческого и латинского стихотворного ритма говорят прежде всего свидетельства античных грамматиков и метриков, всегда говорящих о долготях и краткостях, а не о громкости звука¹⁰³. Конечно, хорошо известны трудности интерпретации их свидетельств, вытекающие как из того, что большая часть их трудов и, в частности, все самые ранние и относящиеся ко времени расцвета греческой поэзии, например, сочинение Дамона и работы метриков эллинистической эпохи, когда люди еще были склонны к самостоятельному исследованию материала, утеряны для нас¹⁰⁴, так и в результате единодушной ориентации их, как и античных грамматиков, на букву записанного текста, а не на реальное звучание¹⁰⁵. Тем не менее, пренебречь их свидетельствами нельзя¹⁰⁶.

Много затруднений вызывает терминология греческих метрических авторов и их римских преемников. Запутано понятие

---

¹⁰²Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985 (см. Введение).

¹⁰³Bennett Ch.E. What was ictus ... P. 361-383; Schultz G. Beiträge. S. 315-322; Sonnenschein E.A. What is rhythm? P. 56; Groot A.W. de. Der Rhythmus // Neuphilologus. 1932. Bd 19. S. 179, 190-192; Goodell Th.D. Chapters on Greek metric. New York; London, 1902. P. 157.

¹⁰⁴О трудностях этого рода см.: Leonhard J. Die beiden metrischen Systeme des Altertums // Hermes, 1989. Bd 117. H. 1. S. 43-62; Wilamowitz-Moellendorff U.V. Griechische Verskunst. Berlin, 1921. S. 59, 69.

¹⁰⁵Plat. Crat. P. 424; Aristot. De part. anim. 660 a; Aristox. Rhyth. P. 274 Meib.; Aristid. Quintil., I 20; Long. ap. Schol. Hephaest. 81, 83; Sturtevant E.H. Op. cit. P. 322-323.

¹⁰⁶Schultz G. Beiträge zur Theorie der antiken Metrik // Hermes, 1900. Bd 35. S. 308.

о противостоящих друг другу арсисе и тесисе¹⁰⁷. Судя по всему, исконно они, как и лат. *ictus* (см. ниже), относились к движению тела¹⁰⁸. Только во II в. н. э. Теренциан Мавр отождествляет арсис с подъемом и тесис с падением звука: *parte nam attollit sonorem, parte reliqua deprimit: ἄρσιν hanc Graeci vocarunt, alteram contra θέσιν* (Grammatici Latini VI 366 Keil)¹⁰⁹.

Кажущееся вполне естественным предположение Б.В.Казанского о том, что арсис всегда, в любом размере представлял собой начало стопы¹¹⁰, не дает ему, как, в сущности, он сам признает в заключении статьи¹¹¹, возможности построить непротиворечивую теорию греческого стихового ритма, которую можно было бы противопоставить и произвольным интерпретациям Р.Вестфаля, и его оппонентам, сторонникам квантитативной теории, в частности Г.Шульцу, с которым он спорит.

Даже такой решительный сторонник динамической основы древнегреческого стиха, как Аллен, признает, что античные свидетельства об арсисе и тесисе не дают возможности утверждать о наличии в греческом стихе динамического иктуса¹¹².

Очевидно, все-таки прав Беннетт, считающий, что греческие грамматики и метрические писатели называли словом *θέσις* заполнявшийся, как правило, долгим слогом и тем самым выделенный элемент метрической схемы¹¹³.

Что значит само слово *ῥυθμός*, которым греки обозначали стихотворный размер? Стертевант пытается опереться на этимологию этого слова, приводимую Бузаком, согласно мнению которого слово это, образованное от глагола *ῥέω*, первоначально означало волну¹¹⁴; с другой стороны, Бенвенист считал, не отвергая этимологии от *ῥέω*, что первоначальное значение этого

¹⁰⁷ Казанский Б.В. Указ. соч. Август. С. 365–374; Декабрь. С. 543–551; Dale A.M. *Lyric metres of Greek drama*. Cambridge, 1948. P. 200.

¹⁰⁸ Schultze G. *Beiträge* ... S. 316; Beare W. *Latin verse* ... P. 59.

¹⁰⁹ Beare W. *Latin verse* ... P. 60; 64.

¹¹⁰ Казанский Б.В. Указ. соч. Август. С. 272. — В ряде случаев античные грамматики употребляют эти термины именно так (Beller-mann J.F. *Fragmentum Graecae scriptionis de musica*. Berolini, 1840. P. 21).

¹¹¹ См.: Казанский Б.В. Указ. соч. Декабрь. С. 550.

¹¹² Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 275–276.

¹¹³ Bennett Ch.E. *What was ictus* ... P. 379.

¹¹⁴ См.: Boisacq. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1916; Schröder O. 'ῥυθμός // *Hermes*. 1918. Bd 53. S. 324; Waltz R. 'ῥυθμός et numerus // *Revue des études Latines*. 1948. T. 26. P. 112–113.

слова было "форма"¹¹⁵. Надо сказать, что оба варианта не дают убедительной картины развития значения этого слова. В любом случае вывод Стертеванта о том, что употребление слова *ῥυθμός* для обозначения стихотворного размера говорит в пользу динамического иктуса¹¹⁶, представляется произвольным.

Многие термины римских писателей, как-то: *ictus*, *ferire*, *pedem supplodere*, *plausus pedis*, *pulsus pedis*, *strepitus digitorum*, *pollicis sonor* вызывают у нас ассоциации с динамически акцентом и рядом исследователей рассматриваются как довод в пользу акцентной природы греческого и латинского стиха¹¹⁷.

Однако хорошо известно, что эта терминология относится не непосредственно к произнесению стиха, а к широко практиковавшимся различным способам отбивания ритма, в частности ногой¹¹⁸, а потому вполне совместима и с квантитативной природой стиха¹¹⁹.

Более того, столь настойчивая тенденция античности к подкреплению ритма механическими движениями или ударами, возможно, как раз и связана с тем, что квантитативный ритм больше нуждался во внешней поддержке, чем привычный нам ритм альтернирующих в стихе ударений. Нельзя бездоказательно утверждать, как это делает В.Томсон, что свидетельства античных авторов об иктусе гарантируют стихообразующую функцию пиков интенсивности в древнегреческой и римской поэзии¹²⁰. Не помогают решению вопроса и попытки доказать на основании свидетельств древних авторов наличие ди-

---

¹¹⁵ Benveniste E. La notion de "rythme" dans son expression linguistique // *Journal de Psychologie*. 1951. Т. 44. Р. 401. (Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966; Понятие "ритм" в его языковом выражении // *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 448, 385).

¹¹⁶ Sturtevant E.H. Op. cit. P. 330.

¹¹⁷ Hendrickson G.L. Op. cit. P. 203–204; Sturtevant E.H. *The ictus* ... P. 325.

¹¹⁸ Pind. *Ol.*, III, 5; Aeschin. In Timarch., 126; Lucian. *De saltat.*, 10; Horat. *Od.*, IV, 6, 35; *Ars poet.*, 274. Поэтому неправомерными являются выводы в пользу динамического иктуса, которые делает Редфорд на основании Plut. *Dem.*, 20: Radford R.S. *Studies in Latin accent and metric* // *Transactions and proceedings of the American Philological Association*. 1904. Vol. 35. P. 51, n. 1. Ничего не говорят в пользу иктусов и цитаты о *χρότος* стихов (*ibid.*).

¹¹⁹ Bennett Ch.E. Op. cit. P. 417–418; Schultz G. *Beiträge* ... S. 315f; Kabell A. *Metrische Studien*. S. 3.

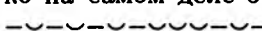
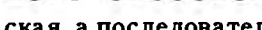
¹²⁰ Thomson W. *The rhythm of speech*. Glasgow, 1923. P. 16.

намических иктусов в ораторской речи¹²¹. И сами эти попытки не представляются убедительными, и законы звучания прозы и стихов могли быть различными.

Στιγμή над долгим элементом второго ямба каждой диподии во фрагменте с музыкальной нотацией (Anonymus. De musica, 97), которую сторонники динамического иктуса в греческом языке истолковывают как знак усиления звука, может иметь и совсем другое значение: στιγμή в обычном употреблении обозначала паузу в речи.

В объяснениях¹²² мы читаем: ἡ μὲν θέσις σημαίνεται, ὅταν ἀπλῶς τὸ σημεῖον ἢ . . . , ἡ δ' ἄρσις ὅταν ἐστιγμένον. Но здесь мы снова оказываемся перед трудностью, с которой мы уже сталкивались: что означают арсис и тесис? Беллерман и Гендриксон считают, что арсис здесь сильное время стопы, в то время как Виннингтон-Инграм полагает, что арсис означает здесь слабое время¹²³. Появление στιγμή в метрической эпитафии Сикила не принесло ясности¹²⁴, и соображения Аллена о том, что распределение этих στιγμαί в тексте соответствует его представлениям о пиках интенсивности древнегреческого слова¹²⁵, остаются голословными.

Гендриксон, отрицавший в принципе возможность чисто квантитативного ритма (см. с. 7), обращается к античным источникам, пытаясь найти в них доводы в пользу наличия в греческом и латинском стихе динамического ритма¹²⁶.

Аристоксен (§ 17 Westphal) говорит о стопах ἐξ δύο χρόνων . . . , τοῦ τε ἄνω καὶ τοῦ κάτω, и Гендриксон понимает под этим пиррихий. Чем же отличаются в такой стопе ὁ ἄνω χρόνος и ὁ κάτω χρόνος? По Гендриксону они могут отличаться только динамическим иктусом, дающим схемы или . Однако на самом деле это не так. Реально и последовательность , конечно, воспринималась как трохаическая, а последовательность как ямбическая,

¹²¹Radford R.S. Op. cit.

¹²²Bellermann J.P. Fragmentum graecae scriptionis de musica. Berolini, 1840. P. 21; Hendrickson G.L. Op. cit. P. 202.

¹²³Winnington-Ingram R.P. Fragments of unknown Greek tragic texts with musical notation. II: The music // Symbolae Osloenses. 1955. Vol. 31. P. 77f.; Ancient Greek music. 1932–1957. Lustrum, 1958. Vol. 3. P. 8.

¹²⁴Beare W. Latin verse ... P. 91.

¹²⁵Allen W.S. Accent and rhythm. P. 294.

¹²⁶Hendrickson G.L. Op. cit. P. 199.

и аномальная стопа $\sim\sim$ должна была в восприятии подчиниться общему ритму и восприниматься как два противостоящих, как $\delta \acute{\alpha}\nu\omega \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ и $\delta \chi\acute{\alpha}\tau\omega \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ слога¹²⁷. Скорее всего имело место и какое-то удлинение соответствующего гласного в произношении. Однако существенно еще и то, что Гендриксон неправильно понял Аристоксена. Ниже в § 31 Westphal, Аристоксен заявляет: $\tau\acute{\omega}\nu \delta\epsilon \pi\omicron\delta\iota\kappa\eta\iota \acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\iota \mu\acute{\epsilon}\nu \epsilon\iota\sigma\iota\nu \omicron\iota \acute{\epsilon}\nu \tau\tilde{\omega} \tau\rho\iota\sigma\tilde{\eta}\mu\omega \mu\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\theta\epsilon\iota$, что, как отмечает оппонент Гендриксона Беннетт, означает, что Аристоксен считает двухморные стопы (т.е. пиррихии $\sim\sim$) вообще невозможными, и следовательно, делать из слов Аристоксена какие-то выводы о том, как мог бы звучать пиррихий, мы не имеем права, тем более что объяснение Аристоксена, почему пиррихий невозможен как стопа ($\tau\acute{o} \gamma\alpha\rho \delta\iota\sigma\tilde{\eta}\mu\omicron\nu \mu\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\theta\omicron\varsigma \pi\alpha\nu\tau\epsilon\lambda\omega\varsigma \acute{\alpha}\nu \acute{\epsilon}\chi\omicron\iota \tau\eta\nu \pi\omicron\delta\iota\kappa\eta\nu \sigma\eta\mu\alpha\sigma\iota\acute{\alpha}\nu$), непонятно, ибо понимание Беннеттом $\pi\alpha\nu\tau\epsilon\lambda\omega\varsigma$ как "слишком часто" вызывает сомнение¹²⁸.

Точно также и общие формулировки Аристоксена в § 4 Westphal ($\omicron\upsilon\tau\omega \chi\alpha\iota \tau\acute{\omega}\nu \rho\upsilon\theta\mu\iota\zeta\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu \acute{\epsilon}\chi\alpha\sigma\tau\omicron\nu \pi\lambda\acute{\epsilon}\iota\omicron\upsilon\varsigma \lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota \mu\omicron\rho\phi\acute{\alpha}\varsigma, \omicron\upsilon \chi\alpha\tau\acute{\alpha} \tau\eta\nu \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\nu, \acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha} \chi\alpha\tau\acute{\alpha} \tau\eta\nu \tau\omicron\upsilon \rho\upsilon\theta\mu\omicron\upsilon. \acute{\eta} \gamma\alpha\rho \alpha\upsilon\tau\acute{\eta} \lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma, \epsilon\iota\varsigma \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\upsilon\varsigma \tau\epsilon\theta\epsilon\iota\sigma\alpha \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu\tau\alpha\varsigma \acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\eta}\lambda\omega\nu, \lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota \tau\iota\nu\acute{\alpha}\varsigma \delta\iota\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma \tau\omicron\iota\alpha\upsilon\tau\alpha\varsigma, \acute{\alpha}\iota \epsilon\iota\sigma\iota\nu \iota\sigma\alpha\iota \alpha\upsilon\tau\alpha\iota\varsigma \tau\eta\varsigma \tau\omicron\upsilon \rho\upsilon\theta\mu\omicron\upsilon \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\omega\varsigma \delta\iota\alpha\phi\omicron\rho\alpha\iota\varsigma$) не дают оснований для делаемых Гендриксоном выводов, будто греческий стихотворный размер определяется динамическими ударениями¹²⁹. Аристоксен хочет сказать, что слово или вообще какой-то отрезок текста, будучи включен в стихотворение, подчиняется стихотворному размеру стихотворения, но о природе этого размера ничего не говорится, что вполне справедливо отмечает Беннетт¹³⁰.

Серьезнейшим доводом в пользу роли в греческих стихотворных размерах динамического элемента считается широкое использование в древнегреческом эпосе стихов с большими скоплениями спондеев ($— —$) подряд, т.е. стихов, состоявших в большей своей части из одних долгих слогов. Без какой-то разницы в произношении первого и второго слога стопы ритм был бы неизбежно утрачен. Аналогичные трудности вызывает использование трибрахов в ямбическом и трохаическом размере,

¹²⁷ Сам Аристоксен (§ 4 Westphal) говорит о подчинении слов ритму стихотворения.

¹²⁸ Bennett Ch.E. Rhythmic accent ... P. 414.

¹²⁹ Hendrickson G.L. 1) Op. cit. P. 200–201; 2) Comment on professor Bennetts reply // American Journal of philology. 1899. Vol. 20. №4. P. 430.

¹³⁰ Bennett Ch.E. Rhythmic accent ... P. 415–416.

дактилей в ямбическом размере с разрешением¹³¹.

Особенно показательны в этом отношении гексаметры, состоявшие из шести спондеев (сами греки называли их *δλοσπόνδαιοι*) как, например, Н., XIV, 334, XXIII, 221 и др.

Было сопряжено с трудностями восприятие ритма паремиака в последовательности из двадцати одного долгого слога, служившей эподом хоровой песни в Soph. El., 233–235 и дохмиев в Eur. Or., 149–150 из тридцати двух кратких слогов¹³².

Не может примириться с возможностью ямбического и трохаического размера в греческой поэзии без участия колебаний в интенсивности итальянский филолог А.Сетти¹³³.

Однако несомненно, что последовательность долгих (или кратких) слогов, окруженная стихами с четким чередованием долгих и кратких, должна была естественно восприниматься в уже усвоенном ритме¹³⁴. Ведь хорошо известно, что даже мысленно вложив какой-то ритм в абсолютно равномерные удары маятника, мы затем начинаем его ощущать без всякой поддержки со стороны реального звучания¹³⁵.

В отношении ритма последовательностей долгих слогов высказывалось также весьма правдоподобное предположение о том, что долгий в метрически сильном месте мог звучать еще немного дольше, чем долгий в метрически слабом¹³⁶. Оно как будто находит и конкретное подтверждение. Де Гроот обнаружил, правда, на сравнительно небольшом материале, любопытную закономерность: долгие закрытые слоги, которые должны были звучать еще дольше, чем долгие открытые, используются в гексаметре "Илиады" в арсисе охотнее, чем в тесисе¹³⁷.

---

¹³¹ Mühl P. von der. Der Rhythmus im antiken Vers. // Jahrbuch des Vereins schweizerischer Gymnasiallehrer. 46. S. 12–41. Aarau, 1918; Hale, Proceedings of the American Philological Association. Vol. 26. P. XXX; Allen W.S. 1) Prosody and prosodies ... P. 117; 2) Accent and rhythm ... P. 98; 278. Cf.; Dale A.M. Observations on dactylic // Wiener Studien. 1964. Bd 77. S. 16–17.

¹³² Beare W. Latin verse ... P. 90.

¹³³ Setti A. Ictus e verso antico // Atti dell'Accad. Toscana La Colombaria. Firenze, 1962. P. 48.

¹³⁴ Bennett Ch.E. What was ictus ... P. 372–380, 381; Meillet A. Les origines indoeuropéennes des mètres grecs. Paris, 1923. P. 26.

¹³⁵ Groot A.W. de. Der Rhythmus. S. 191 f.

¹³⁶ Dale A.M. Observations on dactylic. S. 16.

¹³⁷ Irigoin J. Trimètre iambique et tétramètre trochaïque // Revue des études grecques. 1959. T. 72. №339–343. P. 68; Groot A.W. de. Der Rhythmus ... S. 191.

Наличие так называемых бицпсов, т.е. сочетаний двух кратких слогов в сильном времени, вызывающее затруднение уже у В.Криста¹³⁸, нужно тогда объяснять как позднейшее распространение ритмической закономерности стиха на труднее воспринимающий ее звуковой материал. В самом деле, бицпсы не свойственны в сильном времени ни гексаметру, ни элегическому дистиху, ни ранним ямбическим и трохаическим размерам.

Стертевант приводит в качестве примера стиха, в котором, по его мнению, без динамического иктуса невозможно было бы ощутить ритм, триметр Аристофана (Nub., 212): ἡδὶ παρὰ τέταται μακρὰ πόρρω πάνυ, и указывает на то, что он по чередованию долгих и кратких не более упорядочен, чем произвольный отрезок прозы¹³⁹. Однако как раз стих, предшествующий рассматриваемому, является прямо-таки образцом четкого ритма: ἐνταῦθ' ἔνευσιν, ἥ δέ γ' Εὐβοί' ὥς ὄρεας (Nub., 211). Стертевант сам замечает, что "импульс к ритмическому группированию" в ст. 212 исходит от предыдущих стихов, но все же говорит, что "лучшим ключом ... является динамический иктус".

Трудно ощутим ритм в триметре с большим количеством разрешений, как, например, Eur. Cycl., 203¹⁴⁰.

Если Эми Марджори Дейл отмечает, что "дактили" и "анapestы" в ямбическом и трохаическом ритме воспринимаются совсем по-разному¹⁴¹, это вполне естественно и в квантитативном стихе с инерцией ритма, и слова Дейл никак не вступают в противоречие с тем, что она являлась убежденной сторонницей квантитативного ритма в греческой поэзии¹⁴², как это представляется Аллену¹⁴³.

Очевидно, опорными точками ритма служили долгие слоги и слоги, стабильные по метрической схеме, что во многих раз-

¹³⁸ Christ W. *Metrik der Griechen und Römer*: 2. Aufl. 1879. S. 55.

¹³⁹ Sturtevant E.H. *Op. cit.* P. 327-328. Об этом свойстве ямбического размера говорил и Аристотель (*Poet.* 1449 a 24-28).

¹⁴⁰ Sonnenschein E.A. *What is rhythm?* P. 57-58.

¹⁴¹ Dale A.M. *Resolutions in the trochaic tetrameter* // *Glotta*. 1958. Bd 37, H. 1/2, S. 102-105. Вполне аналогично Жан Иригуен отмечает, что трибрах в ямбическом размере звучал не так, как в трохаическом (*Irigoin J. Lois et règles dans le trimètre iambique et le tétramètre trochaïque* // *Revue des études grecques*. 1959. T. 72. №339-343. P. 70).

¹⁴² Dale A.M. *The lyric metres of greek drama*. 2nd ed. Cambridge, 1968. P. 4.

¹⁴³ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 98.

мерах, как, например, в гексаметре, сводилось к одному и тому же¹⁴⁴.

В тех случаях, когда с метрически амбивалентного места начиналось стихотворение, как например, начало второй пифийской оды Пиндара Μεγαλόλιες ὦ¹⁴⁵, желаемый поэтом ритм, очевидно, задавался музыкой, скорее всего уже музыкальными тактами, предшествовавшими вступлению хора¹⁴⁶: очевидно, не случайно такого рода зачин мы обнаруживаем в лирическом произведении, которое не мыслилось вне музыкального сопровождения¹⁴⁷.

Музыка поддерживала восприятие ритма лирической поэзии и на всем протяжении произведения¹⁴⁸.

Греческие поэты время от времени даже сознательно использовали как художественный прием повторение одного и того же слова в разных метрических интерпретациях. Виламовиц приводит в качестве примеров ὦ χάχ' ἐνεγχοῦσαι Τρωιάδες, ὦ χάχ' ἐνεγχοῦσαι (Eur. Нес., 165); в анапестах в первый раз мы

имеем ἔ|νεγ|χοῦ|σαι—, а во второй ἐνεγ|χοῦσαι, & καλλίστα и καλλίστα в начале двух идущих один за другим эолийских периодов (Eur. Her., 647–648), и аналогичным образом μέλλω и γᾶς

μέλλω (Eur. Heraclid, 755–756), в ямбах μαχά||ριος| и μαχάριος—| (Eur. Bacch., 1242–1243)¹⁴⁹, в гексаметрах у Арата καὶ δὴ ποὺ πόλεμοι καὶ δὴ καὶ ἀνάρσιον αἶμα (Arat. Phaen., 125)¹⁵⁰.

Виламовиц, собравший эти примеры, признавая, что в основе

¹⁴⁴Sonnenschein E.A. What is rhythm? P. 47.

¹⁴⁵На это начало оды уже неоднократно ссылались сторонники динамического иктуса: Westphal R. Allgemeine Metrik ...; Hendrickson G.L. 1) Op. cit. P. 200–201; 2) Comment on Professor Bennetts reply // American Journ. of Philol. 1899. Vol. 20. P. 430–431.

¹⁴⁶Bennett Ch.E. Op. cit. P. 415–416.

¹⁴⁷Очевидно, таким же образом был задан ритм в дактилях κατὰ συζυγίαν, приписанных Терпандру и состоявших реально из одних спондеев:

Zeū, πάντων ἀρχά, πάντων ἀγῆτωρ,

Zeū, σοὶ πέμπω ταῦτα βῆμων ἀρχάν

(Snell B. Griechische Metrik. 3. Aufl. Göttingen, 1962. S. 22.).

¹⁴⁸Sonnenschein E.A. What is rhythm? P. 58.

¹⁴⁹Euripides. Herakles. Erkl. v.U. von Wilamowitz-Moellendorff. 2. Bearb. Berlin, 1909. S. 360; Wilamowitz-Moellendorff U.v. Griechische Verskunst. Berlin, 1921. S. 10. Anm. 1; Казанский Б.В. Указ. соч. С. 519.

¹⁵⁰Wilamowitz-Moellendorff U.v. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd 2. Berlin, 1924. S. 270.

греческого стихосложения лежал количественный ритм, находя аргументы Герхарда Шульца¹⁵¹ впечатляющими, колебался, допуская все же какую-то роль стихового акцента (*Versakzent*)¹⁵². Нередко прибегает к этому приему Софокл¹⁵³: например, в *Oed. Tug.*, 216 мы читаем: αἰτεῖς, & δ' αἰτεῖς ... Однако приемы такого рода отлично объясняются и без допущения динамического иктуса: и в чисто количественном размере появление одного и того же слова в структурно различных отрезках метрической схемы должно было привлекать к себе внимание.

В своей аргументации против чисто количественного ритма древнегреческих и латинских стихов Стертевант придает важное значение тому, что, по его мнению, количественный ритм стиха должен был бы зависеть не от расстояний между слого-разделами, а от расстояний между вершинами слогов¹⁵⁴. По поводу его мысли, что ощущение греками длительностей между слого-разделами невозможно, мы уже высказали свои соображения¹⁵⁵. Мысль же о том, что для ритма имели значение расстояния между вершинами слогов, вступает в очевидное противоречие с тем фактом, что такое расстояние, скажем, в последовательности $\check{V}kt\check{V}$ — должно было быть достаточно близко к расстоянию в последовательности $\check{V}kr\check{V}$, но в аттическом диалекте первая из них воспринималась как $\sim$, а вторая как $\cup$. Если же идея Стертеванта ошибочна, отпадает и его объяснение феномена *syllaba anceps* в конце периода, тем, что "ритмическая последовательность заканчивалась на вершине последнего слога, и то, что следовало далее, не имело значения для стиха"¹⁵⁶.

Справедливо, очевидно, традиционное объяснение, по которому в конце периода пауза была обязательна, в частности и для вдоха перед произнесением следующего периода, и притом вне зависимости, заканчивался ли с периодом самостоятельный смысловой отрезок или имел место стихотворный перенос.

Исходя из своего невероятного предположения, что ритм гре-

---

¹⁵¹Schultz G. Beiträge zur Theorie der antiken Metrik // Hermes. 1900. Bd 35. S. 314.

¹⁵²Wilamowitz-Moellendorff U.v. 1) Griechische Verskunst. S. 88f.; 2) Hellenistische Dichtung ... S. 270.

¹⁵³Platt A. Sophoclea // Classical Review. 1899. Vol. 13. P. 148.

¹⁵⁴Sturtevant E.H. The ictus ... P. 324.

¹⁵⁵См. с. 10 в настоящем издании.

¹⁵⁶Sturtevant E.H. The ictus ... P. 324.

ческого стиха создавался вершинами слога, Стертевант пытается затем показать, что без динамического иктуса на сильном времени размера ритм стиха не мог бы быть воспринят. В подтверждение этого он рисует график колебания естественной интенсивности звучания в зависимости от характера согласного и тембра гласного, справедливо отмечает, что он не дает достаточно оснований для того, чтобы усмотреть в стихе гексаметрический да и вообще какой бы то ни было ритм, и не замечает того, что он в своем графике откладывает для каждой фонемы одинаковый отрезок по оси абсцисс, т.е. заранее игнорирует колебание длительности, рисует график, исходя из собственного, уже сложившегося, представления о ритме греческого стиха¹⁵⁷.

В качестве аргумента в пользу наличия иктуса в греческом стихе приводится так называемое метрическое удлинение, встречающееся в арсисе гексаметра значительно чаще, чем в тесисе и удлинение слога за счет его закрытия перед цезурой¹⁵⁸.

На самом деле для "метрического удлинения" или удлинения слога перед цезурой иктус вовсе не обязателен. Для объяснения этих явления вполне достаточно факта ожидания долгого слога на соответствующем месте¹⁵⁹, ибо без какого-то ожидания вообще невозможен стихотворный размер¹⁶⁰.

Совершенно произвольным является предположение Гендриксона, будто для ощущения членения ямбического триметра на три диподических метра обязателен был не только динамический иктус в каждой стопе, но и усиление этого иктуса в конце каждого метра по схеме $\cup - \cup - \cup$ ¹⁶¹. Членение на метры обеспечивалось совсем другим способом — возможностью появления долгого слога в начале каждого метра¹⁶². Латинский размер, в котором с долгого может начинаться каждая стопа, римляне, начиная с Цицерона (Ог., 55, 184; 56, 189), именовали сенарием, т.е. шестистопным ямбом, а не триметром.

Высказывалось предположение, что использование анапестов в маршевых песнях — пародах и эксодах аттической драмы —

¹⁵⁷ Ibid. P. 325–327.

¹⁵⁸ Mühl P. von der. Der Rhythmus im antiken Vers ...

¹⁵⁹ Groot A.W. de. Der Rhythmus ... S. 191f.

¹⁶⁰ Колмогоров А.Н. К изучению ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. 1963. №4. С. 64.

¹⁶¹ Hendrickson G.L. Op. cit. P. 202.

¹⁶² Bennett Ch.E. What was ictus ... P. 417 — Беннетт отмечает, что так, в сущности, объясняет диподию уже Теренциан Мавр (De metris, 2249).

свидетельствует о наличии в греческой поэзии динамического ритма. Так, Курт Закс предполагал, что одна анапестическая стопа могла вместить в себя два шага — одной и другой ногой¹⁶³, например, левой — правой, если считать, что шаг правой должен был приходиться на сильное время¹⁶⁴. Однако, как отмечает Дейл, для того, чтобы синхронизировать шаги марширующих с конечными гласными анапестических стоп, потребовался бы невероятно быстрый темп произнесения стихов¹⁶⁵, а более обобщенный параллелизм ритма текста и ритма шагов достаточно хорошо обеспечивается и квантитативным ритмом.

Отстаивая квантитативный характер не только греческого, но и латинского стихосложения, Вильям Бир обратил внимание на такой показательный факт, как использование для римских солдатских триумфальных песенок вполне регулярного семистопного трохея с неоднократно встречающимся несовпадением метрически сильного и ударенного слога: солдаты явно маршировали, отпечатывая шагом не ударные слоги, а сильное время трохея¹⁶⁶.

Сидни Аллен приводит в качестве аргумента против квантитативной природы греческого стиха следующее обстоятельство: в простейших греческих размерах — гексаметре, ямбическом и трохайческом размере — константой метрической схемы всегда является долгий слог. В гексаметре в каждой стопе первый слог — долгий, а за ним в слабом времени могут быть либо один долгий, либо два кратких; в ямбическом и трохайческом константами также являются два долгих в каждом метре, в то время как один из слогов метра может быть либо долгим, либо кратким (мы отвлекаемся от разрешений). Иными словами, греческому языку не свойственны размеры с четким порядком кратких слогов, перемежаемых факультативно долгими или краткими. Аллен приводит сопоставительный материал, касающийся венгерского стихосложения из работы А. Керека¹⁶⁷, который, признавая роль долгих слогов в конструировании венгерского стиха, все же предполагает, что его ритм воспринимается но-

---

¹⁶³ Sachs K. Rhythm und tempo. P. 127; Beare W. Latin verse ... P. 78.

¹⁶⁴ Beare W. Latin verse ... P. 58–59.

¹⁶⁵ Dale A.M. The lyric metres ... P. 47, 220.

¹⁶⁶ Beare W. Latin verse ... P. 15–19, 296.

¹⁶⁷ Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 277.

сителями языка с опорой на сопутствующий слабый пик интенсивности¹⁶⁸.

Однако сам Керек выдвигает роль пика интенсивности лишь как возможность, и его гипотезу, очевидно, надо проверить более точными и тонкими исследованиями, благо венгерский язык является живым. Что же касается возможной аналогии между венгерским стихом и древнегреческим, которую проводит Аллен, то подосновой ее является убеждение в том, что чередование долгих и кратких слогов не может обеспечить четкий ритм стиха, а мы пытались показать, что это исходное положение неверно¹⁶⁹. В самом деле, из интересного факта, отмеченного Алленом, следует всего лишь то, что долгие слоги играют в создании ритма древнегреческого стиха более важную роль, чем краткие, но предполагать сопутствующую роль пиков интенсивности у нас нет никаких оснований, если мы не отрицаем вообще чисто квантитативный ритм.

Ничего определенного не говорят нам и свидетельства, приводимые Стертевантом¹⁷⁰ о том, что чтение стихов как-то отличалось от прозы. Такого рода отличие вероятно a priori, но из свидетельств никак не вытекает, чтобы отличие поэзии заключалось в динамических иктусах. Наоборот, важнейшим аргументом в пользу квантитативного характера греческого стиха является то обстоятельство, что греки, а за ними и римляне, обнаружив в прозе комбинацию долгих и кратких, тождественную одному из обычных стихотворных размеров, немедленного отождествляли ее с этим размером и, вообще говоря, не одобряли (Aristot. *Rhet.*, III 8, 1408 b 21–1409 a 24; Cic. *De or.*, III, 47, 182–183). Почему стали бы они поступать так, если бы стихи четко отличались от прозы дополнительными динамическими иктусами¹⁷¹?

Признавая природу древнегреческого стиха квантитативной, мы в то же время не поддерживаем позицию тех, кто настаивает на строгой изохронности греческих метров, стоп или их частей¹⁷². Против такой изохронности, исходя из данных о раз-

---

¹⁶⁸ Kerek A. Stress, length and prominence: linguistic aspects of prosody in Hungarian quantitative-iambic verse. Diss. Ph. D. Indiana, 1968. P. 23, 38.

¹⁶⁹ См. выше. С. 6 и сл.

¹⁷⁰ Sturtevant E.H. The ictus ... P. 331–333.

¹⁷¹ Schultz G. Beiträge zur Theorie der antiken Metrik // *Hermes*. 1900. Bd 35. S. 322.

¹⁷² Против такой постановки вопроса возражал Г.Шульц: *Ibid*. S. 323.

личной длительности и долгих и кратких гласных в зависимости от их тембра и из того, что закрытый слог с долгим гласным не должен быть равен по длительности закрытому слогу с кратким гласным, выступает А.Мейе¹⁷³. Его утверждение, что для стиха имеют значение не столько объективные длительности, сколько ощущение противопоставлений по длительности¹⁷⁴, опирается на весь опыт фонетических исследований, безусловно правильно, и вовсе не является уловкой и вынужденным отступлением от позиции последовательного защитника квантитативного ритма, как это представляется Аллену¹⁷⁵. На недоумение Аллена, как могли возникнуть такие ощущения¹⁷⁶, ответ совершенно очевиден: в результате усвоения носителем языка противопоставления в речи сходных слогов — своеобразных просодических минимальных пар, дистинктивным признаком которых была именно долгота / краткость, например, слога -хр̄а- и слога -хр̄а-, слога -т̄ες и слога -т̄ης и т.п.

Де Гроот отмечает, что строгая изохрония метрических отрезков вообще не свойственна стиху, который декламируется, а бывает присуща лишь песне, мелодия которой создана в музыкальной системе, основанной на изохронии¹⁷⁷.

М.Уест рисует довольно убедительную в целом картину семи ступеней долготы греческого слога, от самых кратких (слог с кратким гласным в открытом неконечном слоге) до самых долгих (с долгим гласным в конечном слоге, заканчивающемся двумя или тремя согласными): эти семь типов слогов использовались в разной мере в разных местах того или иного греческого стиха¹⁷⁸. Однако все эти различия отступали в языковом сознании перед ощущением фундаментальной противоположности между долгим и кратким слогом¹⁷⁹; так что, очевидно, прав Джон Лотц, говорящий: "Бинарные оппозиции могут

---

¹⁷³ Meillet A. Les origines ... P. 9, 26.

¹⁷⁴ Ibid. P. 26.

¹⁷⁵ Allen W.S. Accent and rhythm. P. 62; 98.

¹⁷⁶ Ibid. P. 62.

¹⁷⁷ Groot A.W. de. 1) Der Rhythmus. S. 192-195. 2) Manual of Phonetics ed. by B.Malmberg, Amsterdam, 1968. P. 542f.

¹⁷⁸ West M.L. A new approach to Greek prosody // Glotta, 1970. Bd 48. H. 3-4. S. 185-194.

¹⁷⁹ Postal P.M. Aspects of phonological theory. New York, 1968. P. 59; Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 98; La Drière J.C. Prosody // Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. by A.Preminger et al. Princeton, 1965. P. 677.

оказаться метрической универсалией или квазиуниверсалией" (Dual opposition may prove to be a metric universal or at least a universal tendency)¹⁸⁰. На чисто количественной природе греческого стиха настаивал Гуделл, А.Мейе, Зонненшейн, А.Шмитт, В.Бир¹⁸¹.

В условиях, когда древнегреческое ударение явно не играет роли в стихе, и все теории лингвистически необоснованного иктуса на сильных временах метрической схемы вызывают сомнения еще и с точки зрения общелингвистической, преобладание динамического иктуса в европейской поэзии логично привело к возникновению теории о роли в греческом стихе не связанных с ударением органически присущих греческому слову пиков интенсивности. Именно такова выдвинутая Сидни Алленом теория, согласно которой древнегреческое стихосложение было основано не только на чередовании долгих и кратких, но на поддерживавшем его нефонологичном, существовавшем рядом с музыкальным ударением, несильном пике интенсивности (stress), место которого, вообще говоря, не совпадало с местом ударения¹⁸². В качестве своего предшественника Аллен называет Гуделла, который, хотя и защищал количественную природу древнегреческого стиха, однажды высказался в пользу того, что в древнегреческом языке существовал иктус (word-ictus), который был существенным элементом стихотворного ритма¹⁸³.

Более определенно высказался в 1882 г. Гансен, считавший, что в греческом языке пик интенсивности падал на конечный слог, если его гласный был долгим или он оканчивался на два согласных, а в противном случае пик интенсивности приходился на предпоследний слог¹⁸⁴. Аллен не принимает его гипотезу

---

¹⁸⁰ Lotz J. Elements of versification // Versification. Major language types // Ed. by W.K. Wimsatt. New York, 1972. P. 15.

¹⁸¹ Goodell T.D. Chapters on Greek metric. New York; London, 1901; Meillet A. 1) Les origines ..., 2) Aperçu d'une histoire de la langue grecque. 7-e éd. Paris, 1965. P. 145; Sonnenschein E.A. What is rhythm? P. 56-59; Schmitt A. Musicalischer Akzent und antike Metrik. Münster, 1953. S. 30; 37; Beare W. Latin verse ... P. 90.

¹⁸² Allen W.S. 1) Prosody and prosodies in Greek // Transactions of the Philological Association. 1966. P. 117; 2) Accent and rhythm ... P. 274-334. — Теория эта, конечно, связана с разобранным выше (с. 10-11) убеждением Аллена, будто чисто количественный ритм стиха вообще невозможен.

¹⁸³ Goodell T.D. Quantity in English verse // Transactions of American Philological Association. 1885. Vol. 16. P. 83.

¹⁸⁴ Hansen F. Über den griechischen Wortiktus // Rheinisches Museum für

вследствие неправдоподобия постулируемого Гансеном положения вещей, когда исход ~VC оставался бы безударным и во фразе, где следующее слово начинается с согласного. Кроме того, отмечает Аллен, принцип Гансена не дает достаточно систематического совпадения лингвистических пиков интенсивности с сильным временем в греческих стихах¹⁸⁵.

В 1879 г. Гильберг выдвинул идею о том, что греческий язык первоначально имел динамическое ударение, место которого определялось тем же законом, что и место латинского¹⁸⁶. Произвольность его построений отметил Гансен, Эрлих, Миллер, Герман¹⁸⁷. Аллен отмечает, что гипотеза Гильберга никак не укладывается в метрику греческого стиха¹⁸⁸. Не встретила поддержки и гипотеза Миллера, который предполагал пик интенсивности на последнем слоге, если он долгий, а также, что особенно неправдоподобно, и на третьем, и на втором слоге от конца подряд, если они оба долгие¹⁸⁹.

К. Пандер пытался доказать, что пик интенсивности был в некоторых случаях присущ конечным долгим слогам, но если слово оканчивалось на два долгих, пик интенсивности непременно падал на предпоследний долгий, что, по мнению Пандера, опиравшегося в основном на прозаический ритм ораторской речи, поддерживало также стиховой ритм холиямба¹⁹⁰.

Обосновывая свою гипотезу, Аллен прежде всего ссылается на данные ряда исследователей о том, что "в языках с музыкальным ударением или тональными различиями слова могут иметь

Philologie. 1882. Bd 37. S.252.

¹⁸⁵ Allen W.S. 1) Accent and rhythm ... P. 282; 2) Prosody and prosodies ... P. 123.

¹⁸⁶ Hilberg A. Das Prinzip der Silbenwägung und die daraus entspringenden Gesetze der Endsilben in der griechischen Poesie. Wien, 1879. S. 275.

¹⁸⁷ Hanssen F. Über den griechischen ... S. 259; Ehrlich H. Untersuchungen über die Natur der griechischen Betonung. Berlin, 1912. S. 155; Miller C.W.E. The pronunciation of Greek and Latin prose, or ictus, accent, and quantity in Greek and Latin prose and poetry // Transactions of American Philological Association. 1922. Vol. 53. P. 169; Hermann E. Silbenbildung im griechischen und in den andern indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1923. S. 107.

¹⁸⁸ Allen W.S. Prosody and prosodies ... P. 112-114.

¹⁸⁹ Miller G.W.E. Op. cit. P. 169; Allen W.S. 1) Prosody and prosodies ... P. 123; 2) Accent and rhythm ... P. 283.

¹⁹⁰ Zander K.M. Eurythmia vel comp. rhythmica prosae antiquae. I: Eurythmia Demosthenis. Lipsiae, 1910. P. 439 sqq. (cf. p. 469 nota); Allen W.S. 1) Prosody and prosodies ... P. 123f. 2) Accent and rhythm ... P. 283.

независимую от них систему интенсивности" (stress pattern)¹⁹¹. Резонно замечание Аллена о том, что отсутствие упоминания о пике интенсивности у греческих авторов само по себе ничего не доказывает, принимая во внимание отсутствие у него фонологической функции¹⁹². Вполне уместно и напоминание о том, что греки, скажем, не характеризовали ни звонкие смычные, ни плавные и носовые, являющиеся звонкими, как таковые¹⁹³.

Зато именно в том случае, если бы ударение латинского языка было динамическим, как это вместе с многими исследователями принимает Аллен¹⁹⁴ (что нам кажется ошибочным), то в этом случае представляется совершенно немыслимым, чтобы римляне не только не замечали, пусть даже более слабый, чем

---

¹⁹¹ Allen W.S. 1) On quantity and quantitative verse: In honour of Daniel Jones. Papers contributed on the occasion of eightieth birthday. London, 1964. P. 6; 2) Prosody and prosodies ... Аллен ссылается на Р.Якобсона, который постулировал для западных диалектов общеславянского нефонологическое динамическое ударение на первом слове: Jakobson R. Contributions to the study of Czech accent (1925) // Selected Writings, I. The Hague; Paris, 1971. P. 619; Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 94; в языках банту: Schmitt A. Musikalischen Akzent ... S. 21; Doke C.M. The Southern Bantu languages. London, 1954. P. 43; Bell A.E. A state-process approach to syllabicity and syllabic structure. Ph. D. Stanford, 1970. P. 64; относительно языка бамбара cf.: Woo N.H. Prosody and phonology. Diss. Ph. D. MIT, 1969. P. 34; в языке таос, в Нью Мексико: Trager G.L. The theory of accentual systems: Language, Culture and Personality: Essays in memory of Edward Sapir. Menasha, 1941. P. 141; в языках амузго, чинантек и запотек: Pickett V. Nonphonemic stress: a problem in stress placement in Isthmus Zapotec // Word, 1951, 7. P. 60; Robbins F.E. Quioatepec Chinantec syllable patterning // International Journal of American Linguistics, 1961. Vol. 27. P. 237; Merrifield W.R. Palantla Chinantec syllable types // Anthr. Ling. 1963. Vol. 5. №5. P. 1; Bauernschmidt A. Amuzgo syllable dynamics // Language. 1965. P. 41, 471; в языке гурунг в Непале: Pike K.L. The role of nuclei of feet in the analysis of tone in Tibeto-Burman languages of Nepal // Prosodic feature Analysis (Studia Phonetica 3). Monreal, 1970. P. 153; в пекинском диалекте китайского: Woo N.H. Op. cit. P. 14.

¹⁹² Allen W.S. Prosody and prosodies ... P. 107.

¹⁹³ Ibid. P. 274. — Ссылка на то, что Аристотель в "Риторике" намекает на различия в интенсивности слогов, не убеждает; в самом деле, Аристотель пишет: "Другой (вид пеона), напротив, тот, в котором три первых слога короткие, а последний долгий ... Этот вид пеона помещается в конце, так как короткий слог по своей неполноте делает (окончание как бы) увечным. Следует кончать долгим слогом, и конец должен быть ясен не благодаря писцу или какому-нибудь знаку, а из самого ритма" (Aristot. Rhet. 1409 а 15-21; см.: Античные риторика / Пер. Н.Платоновой. М., 1978. С. 139). Ясно, что Аристотель говорит только о долготе и краткости слогов и ничего об их интенсивности.

¹⁹⁴ Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 151-199.

их ударение, пик интенсивности греческого слова¹⁹⁵, но единодушно сопоставляли свое динамическое несвободное и нефонологичное ударение с музыкальным, в значительной мере свободным, и смысловоразличающим греческим.

Параллель Аллена с восприятием англичанами хинди, в котором пик интенсивности не совпадает с пиком высоты голоса, когда англичане воспринимают как ударение пик высоты и именно его пытаются, в первую очередь, воспроизвести¹⁹⁶, не вполне точна: Аллен не может утверждать, что англичане совсем не замечают пика интенсивности в хинди.

Аллен вводит понятие матрицы интенсивности, состоящей из одного долгого или двух кратких слогов и затем следующим образом формулирует свою гипотезу о пиках интенсивности в греческом языке: слово или группа тесно примыкающих слов, бо́льшая по объему, чем матрица интенсивности, включает в себе противопоставление слогов по интенсивности.

Различаются первичный и вторичный пик интенсивности. Первичный пик интенсивности падает на конечный слог, если он долгий; если конечный слог краткий, первичный пик интенсивности падает на предшествующую матрицу интенсивности, кроме слов формы $\Sigma\Sigma\Sigma\Sigma$, где пик интенсивности может падать на конечную двусложную матрицу (если ее ядра разделены минимально, обычно нулем согласного или ρ). Вторичный пик интенсивности падает на матрицу, более близкую к началу слова и отделенную от матрицы с первичным пиком интенсивности при помощи $\underbrace{\quad}$, $\underbrace{\quad}$ или $\underline{\quad}$.

В словах, стоящих перед паузой, перечисленные закономерности перестают действовать, и правило о вторичном пике интенсивности применяется прогрессивно (слева направо), начиная с первичного пика интенсивности предшествующего слова. Конечный краткий слог Σ получает пик интенсивности, если ему не предшествует матрица интенсивности.

Особенно невероятным является, конечно, последнее правило, ставящее динамический контур слова в двойную зависимость как от динамического контура предшествующего слова, так и от того, следует за рассматриваемым словом еще какое-то другое или далее следует пауза, и Аллену следовало бы приве-

¹⁹⁵ Ibid. P. 275.

¹⁹⁶ Ibid. P. 75, 275.

сти какие-то более убедительные параллели в пользу того, что такое вообще возможно, чем удлинение конечных слогов перед энклитикой в эскимосском языке¹⁹⁷.

Почему в греческом языке в эпоху Империи динамическое ударение стало развиваться на месте музыкального и как бы из него, а не из уже существовавших, по Аллену, пиков интенсивности? Куда они делись, когда сложилось динамическое ударение? Все это вызывает много недоуменных вопросов, которые Аллен предвидит¹⁹⁸, но не дает на них удовлетворительного ответа. Далее, Аллен сам признает, что его закономерности выполняются в стихе лишь статистически¹⁹⁹. Он сам указывает на пример из II, 1, 8, где, по его теории, *ἐρίδι* должно получить пик интенсивности на открытом слоге с кратким гласным, и оправдывает такое нарушение тем, что иначе эта словоформа вообще не могла бы войти в гексаметр²⁰⁰.

Это объяснение неправдоподобно. В греческом языке имеется много словоформ, которые не могут употребляться в гексаметре, и они либо действительно не употребляются, либо дают повод к более или менее искусственным деформациям словоформы, частично отражаемым на письме, частично не отражаемым но отмеченным греческими грамматиками.

Если мы еще можем допустить, что греки и, в частности, греческие грамматика не замечали пика интенсивности из-за того что он не выполнял фонологической функции, можно ли допустить, что они не заметили того, что в словоформе *ἐρίδι* в нормальном произношении пик интенсивности падал на два первых слога *ἐ-ρί-*, а при рецитации "Илиады" на конечный слог *-ди*, и не замечая этого, возможность употребления *-ди* в сильном времени гексаметра объясняли всегда только тем, что следующее слово начиналось с двух согласных звуков?

При применении правил Аллена получается, что заключительная часть гексаметра или ямбического триметра лучше подчиняется им, чем начало стиха²⁰¹. Аллен указывает как

---

¹⁹⁷ Ibid. P. 297. Предварительную формулировку правил Аллена см. Allen W.S. *Prosody and prosodies* ... P. 122.

¹⁹⁸ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 334.

¹⁹⁹ Allen W.S. 1) *Prosody and prosodies* ... P. 122; 2) *Accent and rhythm* ... P. 304 (около 95% совпадений в гексаметре).

²⁰⁰ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 294.

²⁰¹ Allen W.S. 1) *Prosody and prosodies* ... P. 124; 2) *Accent and rhythm* ... P. 286.

на параллельные явления совпадения ударения и иктуса в конце латинского гексаметра, на большую метрическую урегулированность каденции ведийского стиха²⁰². Общая тенденция к большей урегулированности конца стиха наблюдается очень широко, вплоть до русских силлабо-тонических размеров, но это не подтверждает гипотез Аллена.

Аллен не имеет каких-либо независимых от метрики подтверждений реальности своих гипотетических контуров интенсивности. Он эмпирически ищет такие, которые дали бы удовлетворяющее его объяснение реально существующим размерам²⁰³, и формулирует свои правила, считая слоги от конца слова. Так как в рассматриваемых Алленом размерах (гексаметре и ямбическом триметре) конец стиха совпадает с концом слова, эмпирически найденные Алленом закономерности, естественно, соблюдаются лучше всего в конце стиха.

Для того чтобы пики интенсивности Аллена хотя бы в преобладающем числе случаев совпадали с метрически сильными местами в стихе (иначе Аллену не удалось бы объяснить статус первого слова "Илиады": в $\mu\eta\upsilon\nu$ пик интенсивности должен приходиться, по правилам Аллена, не на предпоследний слог, а на последний), Аллену приходится прибегнуть к допущению, будто слово ведет себя в отношении пика интенсивности в зависимости от своей контекстуальной формы, в зависимости от того, следует ли затем слово, начинающееся с гласного, с согласного или пауза (только в последовательности $\mu\eta\upsilon\nu \acute{\alpha}\iota\delta\epsilon$ последний слог слова $\mu\eta\upsilon\nu$, оказавшись кратким, не принимает на себя пик интенсивности)²⁰⁴. Но если принять это допущение, окажется, что в греческом языке облик словоформы в существенно большей мере зависел от фразовых условий, чем это можно было бы предполагать из того, что мы знаем о греческой фонетике, которой явления сандхи свойственны в минимальной степени²⁰⁵. Кроме того, предложение Аллена приводит к допущению, что греки не замечали не только наличие в каждом слове контура интенсивности, но и радикальное изменение его в зависимости от фразовых условий.

Теории Аллена очевидно противоречит то обстоятельство, что в триметре перед цезурой в 3-й стопе часто используется

²⁰² Allen W.S. Prosody and prosodies ... P. 125.

²⁰³ Ibid. P. 122.

²⁰⁴ Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 295.

²⁰⁵ Lejeune M. Phonétique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972.

слово, заканчивающееся долгим слогом, что требовало бы, по правилам Аллена, иктуса на этом слоге, нарушающего ямбический ритм. Аллен пытается выйти из этого затруднения, постулируя паузу в цезуре, которая отменяет конечный пик интенсивности в слове перед паузой²⁰⁶.

Но почему не появляется тогда апсера, а следовательно иногда и долгий слог в цезуре во 2-й и в 3-й стопе? Ведь аргументы Аллена против объяснения паузой апсера в конце стиха наталкиваются на свои трудности.

Аллен пытается со своих позиций оспаривать традиционные объяснения появления слогов произвольного количества в конце стиха. Разумеется, они "не вызваны к жизни всего лишь поэтическим изобретением, а имеют, в конце концов, основу в (свойствах) речи"²⁰⁷. Возражая Маасу и Дейлу²⁰⁸, которые постулируют удлинение краткого слога перед паузой, он характеризует их гипотезы как "весьма сомнительное фонетическое рассуждение" и цитирует сочувственно статью Люко, который говорит: "Каким образом молчание может сообщить даже иллюзорную долготу краткому (слогу), произнесение которого закончено до того, как началось молчание"²⁰⁹. Однако Дейл формулирует совершенно четко: краткий слог вместе с паузой воспринимался как долгий. Не следует, однако, пренебрегать здесь и неожиданными результатами экспериментального изучения живых языков. Так, в русском языке "заударные гласные в абсолютном конце предложения ... имеют очень большую длительность, которая часто бывает даже больше, чем длительность ударного гласного, не несущего синтагматического ударения"²¹⁰, и это несмотря на то, что, как мы теперь знаем, удлинение гласного является основным признаком русского ударения.

Попытка Аллена объяснить, исходя из контуров интенсивности, т.е. явления, присущего языку в целом, закон Порсона²¹¹ вызывает прежде всего недоуменный вопрос: почему он не со-

---

²⁰⁶ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 313.

²⁰⁷ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 296-297.

²⁰⁸ Maas P. *Greek metre: Trsl. by H.Lloyd-Jones*. Oxford, 1966. P. 29; Dale A.M. 1) *The lyric metres* ... P. 157, note; 2) *Observations* ... P. 15.

²⁰⁹ Lucot R. *Sur l'accent de mot dans l'hexamètre latin* // Pallas, 1969. T. 16. P. 83; Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 302.

²¹⁰ Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. С. 165-166.

²¹¹ Allen W.S. *Prosody and prosodies* ... P. 129.

блюдается в комическом триметре, более близком к живой речи, чем трагический²¹²? Аллен полагает, что комедия была более склонна допускать нарушение строгого метрического ритма²¹³, но тогда оказывается, что этот жанр греческой поэзии соблюдал квантитативный принцип построения стиха, чувствуя, что без него стих разрушится полностью, и игнорировал постулируемый Алленом.

Если триметр греческой комедии оставался стихом, несмотря на достаточно слабую метрическую урегулированность и несоблюдение чередования пиков интенсивности по Аллену, то это вступает в противоречие с исходным положением Аллена о том, что чисто квантитативный, даже достаточно четкий ритм недостаточен для конституирования стиха.

На самом деле закону Порсона для трагического триметра и его обобщениям убедительное объяснение в развитие мысли Г.Германа²¹⁴ дано Б.Снеллем. А именно, конец слова удлиняет приходящийся на соответствующий слог промежуток времени. Поэтому ... долгота на месте *elementum anceps*, которая при четком произнесении и так уже требует много времени (см. выше), воспринимается как чрезмерная, если она выпадает к тому же еще на конец слова²¹⁵. Эта гипотеза объясняет, в частности, и факт, что закон Порсона не соблюдается в комическом триметре, где нет необходимости в четком выделении анкепсов в нечетных стопах. Вполне естественно, что гипотеза Снелля была принята целым рядом исследователей²¹⁶.

Аллен возражает против этого объяснения, отвергая самое основание его — положение, что долгий слог перед словоразделом должен быть несколько более долгим, чем аналогичный долгий слог в другой позиции. Однако его аргументация сводится к неправдоподобности чисто временных противопоставлений, в особенности между и без того долгими слогами²¹⁷, т.е. в

²¹²Newton B.E. *Metre and Stress in Greek* // *Phoenix*. 1969. P. 358.

²¹³Allen W.S. *Prosody and prosodies* ... P. 134.

²¹⁴Euripidis *Hecuba*. G.Hermann ad eam et ad R.Porsoni notas *animadversiones*. Lipsiae, 1800. Ad v. 341.

²¹⁵Snell B. *Griechische Metrik*. 3.Aufl. Göttingen, 1962. P. 56.

²¹⁶Irigoin J. *Lois et règles dans le trimètre iambique et le tétramètre trochaïque* // *Revue des études grecques*. 1959. T. 72. P. 69; Perret J. *Un équivalent latin de la loi de Porson* // *Hommages à L.Hermann*. Coll. Latomus. XLIV. Bruxelles, 1960. P. 590; Soubiran J. *Essai sur la versification dramatique des Romains: sénnaire iambique et septénaire trochaïque*. Paris, 1988. P. 376.

²¹⁷Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 292, 306.

сущности Аллен исходит из своего общего представления о недостаточности количественного фактора для конституции стиха. На самом деле такое удлинение вполне естественно, если мы рассматриваем слог в границах от начала подъема интенсивности до начала следующего подъема (см. выше, с. 9 и сл.): тогда в длительность конечного слога должна входить и пауза между словами, которая, пусть не была обязательна в живом произношении, всегда могла быть соблюдена трагическим актером.

Постулируемый Алленом динамический акцент неизбежно вызвал бы заметные изменения в гласных остальных слогов, как в предшествующих носителю этого акцента, так и в следующих за ним²¹⁸. Наиболее подробному разбору с негативным выводом подверг теорию Аллена голландский исследователь Рейг²¹⁹, в то время как его сторонники по большей части ограничиваются одобрением в общей форме²²⁰. Как видно из всего сказанного, мы вполне согласны с Рейгом и Ж.Субираном, который теорию Аллена характеризует как еретическую и, как кажется, авантюристическую (*hétérodoxe et, nous semble-t-il, aventureuse*)²²¹.

Наконец, мы должны еще очень кратко остановиться на неоднократно высказывавшихся соображениях о том, что и древнегреческое музыкальное ударение могло играть какую-то роль в организации греческого стиха. При этом, разумеется, имеется в виду не эпоха Империи, когда в ударении начинает усиливаться динамический элемент, и это явление вскоре выходит на поверхность в холиямбах Бабрия²²², а греческая поэзия архаической эпохи.

Так, Р.О. Якобсон считал какую-то форму участия ударения в древнегреческом стихосложении вероятной, исходя из общезонологических соображений, и рекомендовал обследовать материал статистически, учитывая, в то же время, предлагаемую им новую классификацию греческого ударения по его месту²²³.

---

²¹⁸ См., в частности: Meillet A. *Aperçu d'une histoire ...* P. 18.

²¹⁹ Ruijgh C.J. [Рец.] // *Mnemosyne*. 1981. Т. 34. P. 399–409.

²²⁰ Последователи Аллена есть и у нас в стране: Муравьев С.Н. Силлабо-тоничность ритмической прозы Гераклита Эфесского: Античность и современность. М., 1972. С. 236–251.

²²¹ Soubiran J. *Essai sur la versification ...* P. 377.

²²² Koster W.J.W. *Traité de métrique grecque suivi d'un précis de métrique Latine*. Leyde, 1936. P. 88.

²²³ Jakobson R. *On ancient Greek prosody* (1937) // *Selected writings, I. The Hague; Paris, 1971*. P. 270–271.

Не отрицая возможной плодотворности подобного рода исследований, мы должны прежде всего повторить давно уже высказанное по этому поводу соображение, опирающееся на строфическую респонзию в греческой лирике: точно соответствующие слог в слог по долготам и краткостям строфы не имеют между собой ничего общего по последовательности ударений. Ничего общего не имеет между собой рисунок ударений в следующих друг за другом гексаметрах или триметрах. Как могла осуществляться роль ударения в этих условиях?

К этому надо добавить и то обстоятельство, что сформировавшиеся в эолийской поэзии колоны были очень рано легко перенесены в дорийскую хоровую лирику, а оттуда были заимствованы аттической трагедией. Между тем, принципы акцентуации существенно отличались в эолийских, дорийских и аттическом диалектах. Можно ли думать, что до нас не дошло никаких сведений о неизбежных в этом случае трансформациях в метрике?

В будущем, когда техника синтеза речи достигнет более высокого уровня, на повестке дня окажутся эксперименты по синтезу древнегреческих (и латинских) стихов в соответствии с нашими теоретическими взглядами на звуковой строй древнегреческого языка и на природу древнегреческого стихосложения. Изучение того, как будут восприниматься такие стихи²²⁴, очевидно, поможет нам точнее представить себе природу подлинных древнегреческих стихов.

Мне представляется, что на сегодняшний день мы в нашем исследовании корней древнегреческого стиха, и в особенности гексаметра, должны отправляться от традиционных представлений о его квантитативной природе.

---

²²⁴ Сконструированные ритмы, если они действительно воспроизведут античные, должны быть прежде всего узнаваемы. См.: Sonnenschein E.A. What is rhythm? P. 16.

ПРАИНДОЕВРОПЕЙЦЫ И ИХ ПОЭЗИЯ

Задачей данной главы, предмет которой несколько удален от основной темы книги и не касается непосредственно проблем стихосложения, является обоснование гипотезы о жанровом континуитете древнегреческого эпоса от, вероятно, примитивных эпических песен праиндоевропейцев до поэм Гомера. Для доказательства этого континуитета мы будем опираться не только на данные сравнительного индоевропейского языкознания и сопоставление следов праиндоевропейской поэзии в поэтической традиции различных индоевропейских народов, но и на данные археологических исследований на предполагаемой индоевропейской прародине. Для того, чтобы использовать эти данные, нужно прежде всего представлять себе, где мог находиться очаг расселения индоевропейцев. Наш вклад в решение этой проблемы заключается прежде всего в некоторых общих соображениях.

Вопрос об индоевропейской прародине ставится здесь только применительно к индоевропейскому праязыку непосредственно перед началом его распада. Дальше удастся пойти, только если окажутся удачными более глубокие сравнительно-исторические реконструкции: ностратическая, бореальная и т.п. Методы внутренней реконструкции, не говорящие нам о словарном запасе, здесь не помогут.

Решение вопроса о более ранних судьбах индоевропейцев, в частности, вопроса о том, откуда они пришли на территорию, где жили, прежде чем разделиться, сегодня не подлежит ведению лингвистов ортодоксального направления. Я не считаю особенно перспективными и попытки археологов в этом направлении.

Легче ответить на вопрос о месте жительства общности перед ее распадом, и именно это нужно нам в связи с историей поэтической традиции. Вопрос этот давний: он разрешался исходя из места одомашнивания лошади, распространения бука, березы, лосося; все эти аргументы резонные. Однако к решению вопроса можно продвинуться, как мне кажется, исходя из более общих соображений. Я изложу здесь два соображения. Одно основывается на характере распространения языков отдельных индоевропейских ветвей. Второе исходит из соотношения единства и диалектных различий в индоевропейском языке перед его распадом.

Итак, как распространились индоевропейские языки по своему очень широкому ареалу? Для нас важное значение имеет здесь характер связи распространения языка с распространением его носителей. Язык может распространяться, с одной стороны, за счет массового распространения его носителей. Первый вариант представлен в Северной Америке — распространение английского языка путем массового переселения его носителей и вытеснения индейского населения. Возможна, однако, диффузия языка, завоевание им какого-то ареала при проникновении сравнительно малого числа носителей за счет перехода на распространяющийся язык иноязычного местного населения.

Возьмем второй вариант распространения. Каковы его предпосылки? Очевидно, наиболее масштабным примером такого рода является распространение испанского и португальского языка в Латинской Америке. Приезжих из Испании и Португалии было не так много, многие приезжали без жен, женились на индейках, и в смешанных семьях воцарялся испанский или португальский язык. Вот ключевой пункт такого способа распространения. Что-то похожее происходит при вытеснении кельтских языков на Корнуэлле, в Шотландии, в Уэльсе, Бретани. А у нас в Ленинградской области сменяются поколения, и даже чистокровные вепсы переходят на русский язык. Каково основное условие такого распространения языка? Подавляющее превосходство престижа этого языка в сложившихся условиях. Во всяком случае, явного превосходства в престижности французского языка Вильгельма Завоевателя и его рыцарей оказалось недостаточным: английский язык остался германским, лишь восприняв обширные лексические наслоения. Какой тип распространения доминировал при распространении индоевропейских языков? При решении этого вопроса

сплошь и рядом высказываются сомнения в возможности переселения больших групп людей в IV–III тысячелетии до н. э., и тогда, соответственно, приходится постулировать распространение языка в результате диффузии незначительных групп. Однако априорные соображения здесь недопустимы. Факты говорят о том, что в эпоху верхнего палеолита был заселен через Берингов пролив весь американский континент, — естественно, целыми племенами, снявшимися с места и отправившимися искать новой жизни. Больше того, *homo sapiens* вообще возник в одном центре и распространился повсеместно, вытесняя и истребляя неандертальцев; это была заря верхнего палеолита. Следовательно, ничего невозможного в массовых переселениях в дописьменную эпоху нет.

Надо обратиться к конкретным случаям и попытаться выяснить, как распространялись индоевропейские языки. Так вот в Индию и Иран пришли индоиранские народы, шли всем племенем, с женами и детьми. Общество, в котором сложились Веды, иначе возникнуть не могло. Так двинулись позднее на Запад кельты, а за ними германцы. Все, что мы знаем о распространении индоевропейских языков в древнюю эпоху, говорит за распространение носителей этих языков семьями, входящими в состав племени. Культурный престиж распространяющихся индоевропейских языков не мог быть повсеместно подавляющим. Арии разрушили более высокую протоиндийскую цивилизацию. Греки учились письменности у покоренных носителей минойской культуры. Хетты пришли на территорию с древними культурными традициями и заимствовали очень многое. Почему же почти повсеместно победили индоевропейские языки? Очевидно, потому, что их носителей приходило много и они были завоевателями!

Я, в сущности, повторяю то, в чем были уверены первые поколения индоевропейцев, но об этом приходится напоминать. Никто не оспаривает того, что кельты и германцы двигались в I тысячелетии до н.э. как завоеватели на запад, греки во II тысячелетии на юг, арии во II тысячелетии на юго-восток.

Приходится констатировать, что индоевропейские племена, покидая свою прародину, двинулись в разное время в разные стороны в довольно большом числе на места своего будущего расселения.

Вывод получается принудительным: 1) ареал обитания индоевропейских племен к началу распада общности должен был

быть достаточно обширным, чтобы прокормить при тогдашней экономике достаточно большое количество людей, которые могли бы, выселяясь, заполнить территорию от Индостана до Пиренейского полуострова; 2) у этого ареала должна была быть какая-то особенность, непрерывно побуждавшая целые племена сниматься с места и отправляться в завоевательные походы (дело же не в изначальной кровной воинственности праиндоевропейцев, которую приписывали индоевропейцам некоторые ученые, поддавшиеся гитлеровскому расовому бреду); 3) этот ареал должен находиться, грубо говоря, где-то между Средней Европой и Индией; этому условию удовлетворяют три конкурирующие сейчас теории прародины: малоазийская, балканская и южнорусская¹.

Как можно уточнить второе условие — тенденцию ареала "выталкивать" из себя все новые и новые порции своего населения? Обратившись к истории лучше известных нам более поздних эпох, мы находим гипотетическую параллель: это — степь с кочевым или полукочевым скотоводством, степь, где климатические условия заставляют все время колебаться число людей, которое она может прокормить, степь, где условия жизни, непрерывные конфликты с соседями поддерживают в племенах дух воинственной предприимчивости, который помогал в случае критических ситуаций решиться сняться с места и отправиться всем племенем в новые места, полагаясь на собственную храбрость, крепость оружия и помощь богов. Из степи и через степь шли на запад кочевники от гуннов в IV в. до калмыков в XVIII в.; нам известно, что в XIII в. монголы-степняки двинулись на восток — в Китай, якуты пошли на север; степь рассылала завоевателей в разных направлениях. Побудительные причины ясны. В основе — нехватка территории, порождавшая появление завоевателей.

Аналогичные явления происходили и в других степных районах: степи Аравии на протяжении тысячелетий выбрасывали один за другим семитские народы, от аккадцев до арабов в VII в.н.э., а возможно и хамитские народы. Следовательно, общие исторические соображения о индоевропейской прародине говорят за то, что индоевропейцы расселялись из степи. Другое соображение относительно индоевропейской прародины ве-

---

¹ В меньшей мере балтийская. См., напр.: Radulescu M.-M. The Indo-European position of Illyrian, Daco-Mysian and Thracian: a historico-methodological approach // Journ. Indo-Europ. stud. 1987. Vol. 15. №3-4. P. 239-271.

дут нас в том же направлении, но оно совсем иной природы: оно лингвистическое.

Как мне кажется, индоевропеисты не придают обычно должного значения определенному противоречию, на которое мы наталкиваемся при реконструкции индоевропейского праязыка. Как это было четко обосновано А.Мейе², реконструируемый нами индоевропейский праязык предстает перед нами диалектно расчлененным еще до того, как из него начали выделяться различные ветви. Само по себе это ничуть не удивительно, диалектно расчленены едва ли не все известные нам языки как письменные, так и дописьменные.

Однако при реконструкции праиндоевропейского языка возникает, как мне кажется, ощутимое противоречие между существенными отличиями диалектов индоевропейского праязыка между собой и прямо-таки неожиданной степенью единства праиндоевропейского языка в целом. С одной стороны, мы, я уверен в этом, надежно реконструируем формульные сочетания праиндоевропейской поэзии типа "неувядаемой славы" $\chi\lambda\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma \acute{\alpha}\phi\theta\iota\omicron\nu$ или "тканья (или плетения) слов" $\acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\omega\nu \tau\acute{\epsilon}\chi\tau\omicron\nu\epsilon\varsigma$. В то же самое время, как известно, очень плохо восстанавливается система окончаний в склонении множественного числа. Там не только разграничивалось шесть надежных форм вместо восьми, но и невозможно привести к общему знаменателю прадатив-прааблатив, праинструменталис, возникают трудности с пралокативом. Отсюда отчасти и сопротивление попыткам восстановления праиндоевропейских поэтических словосочетаний.

С другой стороны, так называемая сатемизация, очевидно, началась еще до расселения или в самом начале расселения индоевропейцев. При этом сатемизация разделяет греческий и древнеиндийские языки, как раз языки, которые сохранили больше всего остатков индоевропейских словосочетаний. Снова получается противоречие. Поищем модель, поищем другой, лучше знакомый нам пример такого несоответствия. Я думаю, что нас наведет на правильное решение положение с общим предком романских языков. Здесь мы можем частично проконтролировать наши реконструкции, имея в распоряжении латинские тексты.

К концу V в.н.э., как показывают надписи и вульгарно-латин-

---

²Meillet A. Les dialectes indo-européens. Paris, 1922; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М; Л., 1938. С. 420.

ские тексты, имело место глубокое изменение вокализма, по-разному в разных частях ареала распространения латинского языка. Однако какая-то прослойка образованных людей противостоит этой тенденции, пишет по-старому, как надо писать, очевидно, старается и говорить так же. Аналогичные изменения происходят и в консонантизме. Еще удивительнее картина со страдательным залогом: в романских языках нет никаких следов синтетических латинских пассивных форм; сохранились лишь причастия *part. perf. pass.*, служившие в латинском для образования аналитических форм. Но даже в самых "вульгарных" памятниках мы встречаем синтетические пассивные формы, скажем, *Per. Aeg., II, 2 ostenditur*.

В чем причина такого положения вещей? Очевидно, в своеобразном двуязычии. Наряду с быстро расхोдившимися во всем строе языка диалектами сохранялось своеобразное койне, лишь постепенно обретавшее черты мертвого языка образованной части населения³. Мне кажется, что противоречие между единством и диалектной расчлененностью индоевропейского праязыка лучше всего разрешается, если исходить из гипотезы о сосуществовании уже в праиндоевропейскую эпоху незадолго до распада языковой общности отчетливо дифференцированных диалектов и своеобразной *koivnē*, какой-то *lingua franca*, способствовавшей возможности межплеменного общения.

Жизнь людей дописьменной эпохи определялась природными условиями в гораздо большей степени, чем не только наша жизнь, но и жизнь разрушавшейся Римской Империи. В каких природных условиях мог естественнее всего сложиться союз племен с только что очерченными языковыми отношениями? Думаю, что, представив себе индоевропейцев в виде союза племен, расселившихся на степной и прилегающей к ней лесостепной территории, способных поддерживать между собой контакт благодаря степи, как удобному средству сообщения (как греки будут использовать море), мы легче всего сможем объяснить себе упомянутые особенности реконструируемой картины.

В общем итоге оказывается, что оба общих соображения, выдвинутых нами, — об индоевропейской прародине как достаточно обширной территории, порождавшей избыточное население, и об общиндоевропейской прародине как вместилище достаточно четко дифференцированных диалектов, находившихся в

---

³См. напр.: Palmer L.R. The Latin language. London, 1954. P. 176.

то же время в какой-то форме общения, — оба эти соображения ведут нас к степной и лесостепной территории, а такая территория в ареале между Индией и Атлантическим океаном одна — это полоса степей севернее Черного и Каспийского моря и дальше на восток.

Как же соотносится этот предварительный вывод с построениями исследователей, руководствующихся, прежде всего, более частными и конкретными соображениями? Надо сказать, что именно южнорусская гипотеза рассматривается сейчас большинством исследователей как наиболее правдоподобная⁴. Локализацию праиндоевропейцев в южнорусских степях принимают В.И.Абаев, В.Леман, П.Фридрих, Ф.Адрадос, А.Мартине, М.Леруа⁵. Мартину Уэсту эта локализация представляется даже общепринятой⁶. Альтернативное предложение Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, ищущих индоевропейскую прародину в Малой Азии⁷, встретило серьезные возражения как специалистов по истории Древнего Востока⁸, так и со стороны археологов⁹.

---

⁴Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 37-48.

⁵Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 26-36; Lehmann W.P. Proto-Indo-European syntax. Austin; London, 1974. P. 5, 251; Friedrich P. Proto-Indo-European trees // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 11-34; Adrados Fr.R. Arqueologia y diferenciacion del indoeuropeo // Emerita. 1979. T. 47. №2. P. 261-282; Martinet A. Des steppes aux océans // L'indo-européen et les "Indo-Européens". Paris, 1986; Leroy M. Les Indo-Européens et leurs errances // Bull. Classe let. sci. morales et politiques. Académie Royale de Belgique. 1988. T. 74. №5. P. 176-194.

⁶West M. The rise of the Greek epic // Journ. Hellen. stud. 1988. Vol. 108. P. 152.

⁷Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1) Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестн. древней истории. 1980. №3. С. 3-27; 2) Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Т. 2. Тбилиси, 1984.

⁸Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестн. древней истории. 1982. №3. С. 3-30.

⁹Кузьмина Е.Е. О балканском или центральноазиатском пути миграции индоевропейских народов // Симпоз. Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология / Под ред. С.Б.Вернштейна. М., 1980.

Совершенно неприемлема новейшая теория археолога К.Ренфрю¹⁰, связывающего миграцию индоевропейских племен из Малой Азии в Европу с распространением земледелия¹¹.

Гипотеза Н.Я.Мерперта, связывающая формирование индоевропейской племенной общности со всей циркумпонтийской областью¹², вызывает немедленно вопрос о возможности формирования в такой области, разделенной на части Черным морем, единого, пусть диалектно и расчлененного, языка.

Гипотеза о балканской прародине индоевропейцев, против которой говорят, как нам кажется, и высказанные выше соображения, с трудом объясняет также и миграции индоарьев и так называемых тохарцев так далеко на восток.

Нам представляется невозможным и отождествление с праиндоевропейцами эпохи непосредственно перед распадом совокупности культур Лендьел и воронковидных кубков — совокупности неоднородной археологически, обширной территориально и расчлененной географически, в том числе разрезанной Карпатами. Такое отождествление предлагает В.А.Сафронов¹³.

Из конкретных соображений, приводимых обычно в пользу Причерноморской степной прародины индоевропейцев, мы остановимся только на реконструируемом для праиндоевропейского языка названии лошади *eḱuos. Как убедительно показывает В.Бранденштейн *eḱuos, в праиндоевропейском долж-

---

С. 34–36; Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Там же. С. 39–42; Кузьмина Е.Е. Миграции в евразийских степях и Подунавье в свете некоторых археолого-этнографических данных / Античная балканистика: (Карпато-балканский регион в диахронии). М., 1984. С. 22–23.

¹⁰Renfrew C. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. London, 1987.

¹¹Current anthropology. 1988. Vol. 29. №3. P. 437–468; Quarterly Review of Archaeology. 1988. Vol. 9, №1. P. 1–3, 8–10; Доклад Э.Поломе на советско-американском симпозиуме по исторической лингвистике в июне 1988 г.

¹²Мерперт Н.Я. 1) Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984; 2) Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 7–36.

¹³Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 135–154.

но было обозначать уже одомашненную лошадь¹⁴. Очевидно, если лошадь одомашнили не сами праиндоевропейцы, они одни из первых стали широко разводить и использовать лошадей. Однако именно Северное Причерноморье является местом первоначального одомашнения лошади¹⁵. В свое время Ф.Ганчар относил его к началу III тысячелетия до н.э.¹⁶ Как отмечает Ш.Бекени¹⁷, первые следы одомашненной лошади, найденные у села Деревка на Украине, относятся к культуре Среднего Стога и по радиоуглеродному методу датируются второй половиной IV тысячелетия до н.э.

Но, исходя из вывода о северопричерноморских степях как исходном ареале расселения праиндоевропейцев и датируя начало расселения праиндоевропейцев концом IV — началом III тысячелетия до н.э., мы с неизбежностью приходим к выводу о справедливости гипотезы М.Гимбутас¹⁸, отождествившей пра-

---

¹⁴Brandenstein W. Das Pferd-eine Hauptfrage der indogermanischen Altertumskunde // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1962. Bd 92. S. 30-34.

¹⁵Telegin D.J. Über einen der ältesten Pferdezuchtherde in Europa: Actes du VIIIe Congrès International de Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. II. Beograd, 1973. P. 324-327; Бекени Ш. Роль степей Евразии в распространении коневодства: Проблемы археологии степей Евразии: (Сов.-венг. сб.) / Под ред. А.И.Мартынова. Кемерово, 1984. С. 9-14.

¹⁶Hancar F. Das Pferd in prähistorischer und frühhistorischer Zeit. Wien; München, 1951.

¹⁷Бекени Ш. Указ. соч. С. 10-11. Ср. также: Кузьмина Е.Е. 1) Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху неолита и бронзы: (К проблеме миграции индоиранских племен) // Вестн. древней истории. 1980. №4. С. 31; 2) Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28-31; Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху неолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М., 1979.

¹⁸Gimbutas M. 1) Cultural change in Europe at the start of the second millennium B.C. A contribution to the indo-european problem // Men and cultures: Selected papers of the Fifth international congress of anthropological and ethnological sciences. Philadelphia, 1960 (1956). P. 540-552; 2) Proto-Indo-European culture: the Kurgan culture during the fifth and third millennia B.C. // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 155-197; 3) The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans (3 500-2 500 B.C.) // J. Indo-Europ. stud. 1973. Vol. 1. P. 163-214; 4) An archaeologists view of PIE in 1975 // Journ. Indo-Europ. stud. 1974. Vol. 2. P. 289-307; 5) The three waves of the Kurgan people into Old Europe. 4 500-2 500 B.C. // Archives Suisses d'Anthropologie générale. 1979. T. 43. P. 113-137. — Cfr.: Mallory J.S. 1) The chronology of the early Kurgan tradition // Journ. Indo-Europ. stud. 1976.

индоевропейцев с носителями культуры Среднего Стога и преемственной по отношению к ней древнейшей культуры. Эту последовательность культур М.Гимбутас называет "культурой курганов". Предшественниками М.Гимбутас были В.Г.Чайлд и Т.Сулимирский¹⁹. Эти культуры энергично изучаются в последние десятилетия отечественными археологами²⁰.

Основными в системе доказательств М.Гимбутас были отслеживаемые археологически пути миграции из Северного Причерноморья IV—III тысячелетия до н.э. в места, где мы застаем потомков праиндоевропейцев уже в историческую эпоху. Важным подкреплением ее построений являются поэтому новые находки, подтверждающие переселение носителей "культуры курганов" на запад и на восток. Так, Иван Панайотов обнаружил в северо-восточной Болгарии типично ямные погребения со следами сплошных колес и с антропоморфными изображениями²¹.

Изложенные соображения позволяют, на наш взгляд, считать отождествление праиндоевропейцев с носителями культу-

---

Vol. 4. P. 257—294; 2) Time perspective and proto-Indo-European culture // *World Archaeology*. 1976. Vol. 8, №1. P. 44—56.

¹⁹Child V.G. *The Aryans*. New York, 1926; Sulimirski T. *Die Schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropäische Problem* // *La Pologne au VIIIe congrès International des Sciences Historiques*. T. 1. Varsovie, 1933. P. 287—308.

²⁰Лагодовська О.Ф. и др. Михайлівські поселення. Київ, 1962; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы волжско-уральского Междуречья. М., 1974; Збенович В.Г. К проблеме связей Триполья с неолитическими культурами Северного Причерноморья // *Неолит и бронзовый век Украины: Исслед. и матер.* Київ, 1976. С. 57—69; Ковалева И.Ф., Марина З.П., Чернявская Н.В., Никитин С.В. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашево // *Курганные древности Степного Поднепровья* / Под ред. И.Ф.Ковалевой. Вып. 3. Днепропетровск, 1979. С. 15—16; Ковалева И.Ф. Вытянутые погребения днепровского ареала волгоднепровской культурно-исторической общности эпохи неолита // *Там же*. С. 61—79; Марина З.П. Культурно-хронологическое положение погребений орельско-самарского междуречья в системе древнейших памятников // *Там же*. С. 80—87.

²¹Панайотов, Иван. Могилният некропол до с. Плачидол, Толбухински окръг и проблемите на ямната култура в България // *Североизточна България: Древност и съвремие*. София, 1985. С. 21—37. — Ср. также: Йорданов, Иордан Ал. Антропологични данни за погребените в Могилният некропол от ранната бронзова епоха до с. Плачи Дол, Толбухински окръг // *Там же*. С. 32—38; Бобчева, Любка. Гети през хилядолетие пр. н.е. на територията на днешния Толбухински окръг (по археологически данни) // *Там же*. С. 39—48; Toncheva G. *Monuments sculpturaux en Bulgarie du Nord-Est de l'âge du bronze* // *Studia Praehistorica*. 1981. №5—6.

ры Среднего Стога и преемственной по отношению к ней древнейшей культуры достаточно достоверным и обратиться к археологически данным об этих культурах для того, чтобы сопоставить их с тем, что мы знаем о праиндоевропейцах, их языке и поэзии на основании языковых данных.

Однако прежде чем перейти к этому пункту изложения, мы хотели бы изложить еще один собственный, пусть весьма гипотетический, аргумент в пользу южнорусской прародины праиндоевропейцев. Древнегреческое прилагательное διίπετής, встречающееся впервые у Гомера, было не вполне понятно грекам уже в классическую эпоху и привлекало к себе пристальное внимание родившейся из интерпретации Гомера древнегреческой филологии. В дошедших до нас следах работы александрийских грамматиков обнаруживаются, прежде всего, колебания относительно самой формы слова: Зенотот защищал вместо διίπετής чтение διαιπετής²². Однако чтение это можно объяснить, как это и сделал Ф.Сольмсен²³, только как результат вторичного распространения форм дательного падежа ед.ч. в первом элементе сложного слова на такие композиты, в которых этот дательный падеж не имеет смысла. Всего естественнее считать, что Зенотот своим прочтением просто пытался избавиться от непонятной ему долготы ι, возникающей на самом деле в результате метрического удлинения. Аналогичным образом возникло, очевидно, и чтение διαιπετή, которое мы находим в папирусном фрагменте "Ипсипилы" Еврипида²⁴, вне зависимости от того, принадлежит ли оно самому Еврипиду или появилось при переписке текста.

Что же касается смысла, слово это объясняли как χατάρρους, προαλής — "стекающий вниз" (Schol. Gen. II., XVII, 263), с другой стороны, как διαφανής, διαυγής — "прозрачный" (Schol. Od., IV, 477), еще иначе как διαπετασμένος — "распростертый" (Schol. Gen. II., XVII, 263; Hesych. δ 1784 Latte) и, наконец, как ἀπὸ Διὸς

²²Schol. Od., IV, 477. — Cf.: Ludwig A. Aristarchs homerische Textkritik. Bd 1. Königsberg, 1884. S. 547.

²³Solmsen F. Zur Geschichte des Dativs in den indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1911. Bd 44. S. 162. — С тем же объяснением принимают форму διίπετής в качестве исконной Фр.Бехтель и Я.Фришк (Bechtel Fr. Lexilogus zu Homer. Halle a.d. Saale, 1914. S. 101; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 5. Heidelberg, 1957. S. 392).

²⁴Euripides / Hypsipyle by G.W.Bond. Oxford, 1963. Fr. 1. Col. IV, 31.

πεπτωχός — "упавший от Зевса", т.е. происходящий от посылаемого Зевсом дождя (Schol. Gen. II., XVII, 263; Schol. B. II., XVII, 263; Eustath., 1053, 7ff.; 1505, 58 ff.).

Однако все эти объяснения представляют собой явным образом лишь догадки, опирающиеся на контекст, либо, в последнем случае, также и на предполагаемую этимологию слова. Надо сказать, что именно это последнее объяснение — "упавший от Зевса" — принималось до недавнего времени и современной лингвистикой²⁵. Тем не менее необъяснимость формы дательного падежа единственного числа в первом элементе сложного слова διπλετής заставила искать иные объяснения. Однако те из них, которые отрывают δι- от индоевропейского корня *deiu-/diu-, представляются неприемлемыми.

Одна из таких попыток, предпринятая Карлом Гофманом и Гельмутом Гумбахом, связывает δι<*diei- с прилагательным διερός с использованием закона Каланда — Вакернагеля²⁶. Однако неясность первоначального значения самого διερός делает неприемлемыми сложные и сами по себе построения, направленные на объяснение διπλετής²⁷. Предложение М.Трея объяснить первый элемент διπλετής как восходящий к наречию διά (Трей опирается на чтение διαιπλετής в папирусе Алкмана — fr. 3 Page) убедительно опровергается рассмотревшим весь материал Рюдигером Шмиттом²⁸. В итоге представляется, что наиболее вероятным является объяснение διῖ- < *diῖ-, предложенное индологом Генрихом Людерсом, согласно которому исходной формой первого элемента была форма локатива ед.ч. *diui-, где

²⁵Schulze G. Quaestiones epicae. Gueterslohe, 1892. P. 238 (с уточнением: река, ниспадающая по воле и стараниями Зевса); Fränkel E. Geschichte der griechischen Nomina agentis auf -τήρ, -τωρ, -της (-τ-); Teil I. Strassburg, 1910. S. 63; Solmsen F. Zur Geschichte des Dativs in den indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1911. Bd 44. S. 163; Bechtel Fr. Lexilogus zu Homer. Halle a.d. Saale, 1914. S. 101; Chantraine P. La formation des noms en Grec ancien. Paris, 1933. P. 426; Leumann M. Homerische Wörter. Basel, 1950. S. 311; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 5. Heidelberg, 1957. S. 392.

²⁶См.: Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 221, Anm. 1296; Humbach H. διπλετής und διοπετής // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1967. Bd 81, H. 3/4. S. 276–283.

²⁷Schmitt R. Op. cit. S. 221, Anm. 1296. — Ср.: Chantraine P. Sur quelques composés sigmatiques en -ής (vealής, composés en -πετής, ἐμμενές) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. Paris, 1975. P. 80.

²⁸Schmitt R. Op. cit. S. 226–236. Ср.: Chantraine P. Op. cit. P. 80.

затем выпало интервокальное *и*, а второе *і* подверглось в гексаметре метрическому удлинению, и, следовательно, первоначальным значением было не "с неба" или "от Зевса (бога неба)", а только "на небе", "по небу"²⁹.

С другой стороны, тщательный анализ всей совокупности древнегреческих сложных прилагательных на *-κτῆς*, который предпринял П. Шантрэн, привел его к убедительному выводу, что *διεκτῆς*, как и некоторые другие, засвидетельствованные со времен Гомера, прилагательные этого типа, имеет второй элемент, связанный с глаголом *κτῶμαι* — "летать", а не *κίπω* — "падать"³⁰. Таким образом, первоначальное значение этого прилагательного должно было быть "летающий по небу", так что употребление его именно в этом значении в применении к птицам в гомеровском гимне к Афродите (Нумп. hom., V, 4), очевидно, весьма архаично и восходит к первоначальному значению этого слова. В свете этого наблюдения получает особое значение сделанное Людерсом сопоставление древнегреческого *διεκτῆς*³¹ с текстом из Риг-Веды (II, 28)³²:

prá śīm adityó asrjad vidhartān
rtām síndhavo várūnasya yanti
ná śrāmyanti ná ví mucanty eté
váyo ná paptū raghuṃ párijman.

Буквально:

Адитья отослал (их: т.е. реки) разделенными;
(эти) реки идут по закону Варуны,
Они не устают и не расслабляются,
Как птица летают, быстро двигаясь по кругу.

Речь здесь явно идет о реках, текущих на небе, причем они сравниваются с птицами.

Таким образом, ведийский текст включает в себе параллель и к *διεκτῆς* гомеровских поэм, где реки характеризуются эпи-

²⁹Lüders H. Die magische Kraft der Wahrheit im alten Indien // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1944. Bd 98. S. 11; Lüders H. Varuna. Bd 1. Göttingen, 1951. S. 141–142; Bd 2. 1959. S. 677–679.

³⁰Chantraine P. Op. cit. P. 80–83.

³¹У нас нет оснований считать праиндоевропейской всю гомеровскую формулу *διεκτῆς ποταμῶ* (Nagy G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge, 1974. P. 9; Ritook Zs. Vermutungen zum Ursprung des griechischen Hexameters // Philologus. 1987. Bd 131. S. 10).

³²Lüders H. Varuna. Bd 1. S. 146.

тетом, который первоначально означал "летающий по небу", и к *διπλῆς* гимна Афродите, где это прилагательное прямо характеризует летающих по небу птиц. Едва ли можно предполагать здесь параллельное развитие, так что предложенная Людерсом реконструкция праиндоевропейского представления о небесных реках³³ получает теперь дополнительное подтверждение.

Мы сможем, однако, сделать, как кажется, еще шаг вперед. *διπλῆς* у Гомера является всегда эпитетом вполне реальных рек — Сперхея (II., XVI, 174; XVII, 263), Скамандра (II., XXI, 268, 326) или Нила (Od., IV, 477, 581; VII, 284), хотя первоначальное значение этого эпитета и параллель из Риг-Веды указывают на небесные реки. Самым естественным объяснением такого развития было бы исходное представление о том, что реальные земные реки в то же время, скажем, в своем верхнем течении текут по небу.

Тогда встает вопрос, где, в каких условиях могло естественнее всего зародиться представление о таких реках. Нам кажется, что наиболее естественной ситуацией для возникновения такого представления была бы жизнь на берегах крупных, многоводных рек, непонятно откуда текущих, не получающих заметного дополнительного количества воды ни от дождей, ни от впадающих в них притоков. Очевидно, что из обсуждаемых в науке гипотез относительно прародины индоевропейцев лучше всего согласуется с таким представлением о реках гипотеза о южнорусских степях. Большие реки — Урал, Волга, Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут — с неизвестно откуда взявшейся водой легко могли бы породить представление о том, что где-то далеко на севере, за горизонтом, эти реки текут по небу, где во всяком случае должна быть вода, ибо иначе откуда мог бы идти дождь³⁴?

Менее обоснованной кажется нам альтернативная попытка подойти к вопросу о характере рек индоевропейской прародины, которая была недавно предпринята Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым³⁵, которые, как известно, считают родиной индоевропейцев изрезанную горными цепями Малую Азию. Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов исходя из реконструируемого

---

³³Ее принимает Рюдигер Шмитт (Schmitt R. Op. cit. S. 221–236).

³⁴Аналогично, по-видимому, возникло представление древних египтян о небесном Ниле.

³⁵Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С. 670–671.

или праиндоевропейского словосочетания *Нар^[h]-os *t^[h]ek^[h]o- — "вода теч(ет)", однако материал, приводимый ими для реконструкции, не представляется достаточным. Они приводят соответствующие словосочетания в палайском, авестийском и латышском языках, но такие словосочетания из слова со значением "вода" и глагола, первоначальное значение которого было "быстро двигаться, устремляться", могли развиваться в этих языках независимо и параллельно, так как развитие значения от "быстро двигаться" к "течь" вполне естественно, и естественность его подтверждается хотя бы тем, что гораздо позже и вне сочетания с корнем *Нар^[h]- (или каким-либо его вариантом) оно повторилось в русском языке. В самом деле, глагол tekǫ старославянского языка означал "бегу", и таково было, очевидно, и общеславянское значение этого глагола (ср. сохранившееся до сего дня в русском языке выражение "бросился наутек"). Однако в русском языке этот глагол применяется только к жидкостям, в частности, к воде, повторив через несколько тысяч лет развитие, когда-то совершившееся в палайском.

Следовательно, во-первых, развитие значений корня *t^[h]ek^[h]- от "быстро двигаться" к "течь" нет оснований считать непременно праиндоевропейским и, во-вторых, его не следует связывать непременно с жизнью на берегах быстротекущих горных рек: как показывает русский пример, это развитие легко происходит вне зависимости от природных условий. Нам кажется, что представление о небесных реках, как более специфичное, скорее может послужить опорным пунктом для догадок относительно стоящих за ним индоевропейских реалий, и южнорусский ареал обитания праиндоевропейцев хорошо объясняет возникновение такого представления. То, что археологические данные характеризуют носителей древнеямной культуры как энеолитических скотоводов и земледельцев, какими были праиндоевропейцы, не вызывает сомнений у исследователей, и мы на этом останавливаться не будем.

Переходя к образу жизни племен древнеямной культуры, мы убедимся, что он вполне соответствует формам существования народов так называемой героической эпохи, для которой является типичным формирование героического эпоса³⁶. Война с соседними племенами играла важную роль в жизни "древнеям-

³⁶ Chadwick H.M. Heroic age. Cambridge, 1912; Bowra C.M. Heroic poetry. London, 1952.

ников". Об этом свидетельствуют не только находки оружия, типичного для эпохи энеолита, но в особенности найденные при раскопках поселения Михайловка остатки оборонительных сооружений, на постройку которых было затрачено много времени и сил³⁷.

Наиболее характерной чертой погребений представителей племенной верхушки древнеямных племен был курган. Уже сама его природа указывает на цель, с которой он создавался, — создание видного издали и могущего сохраниться на долгие века памятника умершему. Именно такое назначение кургана подтверждается прямыми свидетельствами там, где они могли сохраниться (см. для гомеровской Греции — II, VII, 85–91). Однако, не ограничиваясь курганом, носители древнеямной культуры ставили в ряде случаев на кургане изображение умершего — антропоморфную стелу из камня³⁸ и притом иногда даже с индивидуализированными чертами, передававшими властность характера, так что приходится предполагать попытку придать изображению черты портретного сходства³⁹. Посох, пояс, топор, булава явно изображаются как атрибуты власти⁴⁰.

На антропоморфных стелах, принадлежащих родственной

---

³⁷См.: Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення.

³⁸Стелы появляются впервые в западной части ареала ямной культуры. Недавно они обнаружены в погребениях носителей ямной культуры, переселившихся в Болгарию (см. выше). Ср. Jones-Bley K. So that fame might live forever — the Indo-European burial tradition // *Journ. Indo-Europ. stud.* 1990. Vol. 18, №1–2. P. 215–224.

³⁹Все сказанное говорит против предположения М.Гимбутас о том, что на курганах ямной культуры ставились изображения божества (Gimbutas M. Proto-Indo-European culture ... P. 170–172). Действительно религиозно-магическим является, по-видимому, изображение на так называемой Керносковской стеле из Днепропетровской обл., датированной концом III — началом II тыс. до н.э. (Крылова Л.П. Керносковский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины: Исслед. и матер. Киев, 1976. С. 36–46).

⁴⁰Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // Сов. этнография. 1965. №6. — Ср.: Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 24; Субботин Л.В. Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днепра (по данным раскопок Семеновской экспедиции) // Северо-западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Київ, 1980. С. 52–63. — Племенные властители праиндоевропейцев, видимо, носили титул, образованный от корня *reg-: Winter W. Some widespread Indo-European titles // *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia, 1970. P. 49–54.

древнеямной кемиобинской культуре Крыма, обнаруживаются иногда и парные изображения, которые А.А.Формозов толкует как изображения поединков, прямо восходящие к уже существующему эпосу⁴¹. Это, разумеется, лишь догадка, да и стелы с парными изображениями относятся к более поздней эпохе, когда индоевропейская племенная общность уже должна была распасться, но стелы на древнеямных курганах достаточно убедительно говорят об обществе, где слава, в том числе посмертная слава, и в особенности слава воинских подвигов рассматривается как нечто самое важное для человека. А мы знаем, что выражением такой идеологии на рубеже между догосударственным бытом и эпохой письменности и государства у большинства народов был героический эпос.

Героический эпос является, как известно, древнейшим жанром греческой поэзии. Как глубоко уходят его корни? Изучая непосредственно древнегреческий эпос, исследователи пришли к убеждению в преемственности греческой эпической традиции от раннемикенской эпохи до Гомера⁴². Ряд исследований, и в особенности работа голландского ученого Хукстры⁴³, показывают, опять-таки опираясь только на греческий материал, что греческая эпическая традиция микенской эпохи пользовалась уже в общем сформировавшимся гексаметром.

Однако, пытаясь еще дальше углубиться в историю и предысторию гексаметра, мы вынуждены обратиться к иным приемам исследования, основанным на сравнительном изучении языков и поэзии различных народов индоевропейской языковой семьи. Такого рода исследования способны в случае успеха пролить свет на древнейшие этапы истории поэзии вообще и стихотворных размеров любого из индоевропейских народов, если только древнейшие дошедшие до нас памятники его поэзии сохранили какие-то осязаемые следы праиндоевропейского прошлого.

Исследования эти ведутся, начиная с середины XIX в., и мы должны будем в настоящей, второй, и в следующей, третьей,

---

⁴¹Формозов А.А. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века // Краткие сообщ. Ин-та Археол. АН СССР. 1970. Вып. 123. С. 48–55.

⁴²Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley etc., 1959. — Новейшая литература учтена в статье: West M.L. The rise of Greek Epic // Journal of Hellenic Studies. 1988. Vol. 108. P. 151–172.

⁴³Hoekstra A. Homeric modifications of formulaic prototypes. Studies in the development of Greek epic diction. Amsterdam, 1965.

главе рассмотреть, что дают эти исследования для предистории греческого гексаметра. При этом третья глава будет посвящена непосредственно попыткам реконструкции праиндоевропейских стихотворных размеров, в то время как тема данной главы требует своего оправдания, хотя бы в нескольких словах.

Основные итоги более чем столетних попыток изучения праиндоевропейской поэзии подведены в работе Р.Шмита⁴⁴.

Основным методом исследования в этой области являются, начиная со статьи Адальберта Куна, положившей начало такого рода исследованиям⁴⁵, поиски в памятниках поэзии различных народов словосочетаний, несущих на себе черты поэтического языка, сходных по значению, а главное, совпадающих по форме с точностью до неизбежных фонетических расхождений, вызванных разными путями фонетического развития в различных ветвях индоевропейской языковой семьи. При этом главная проблема заключается в том, чтобы отсеять случаи, когда аналогичные словосочетания могли появиться вторично, независимо в поэзии различных народов с использованием, разумеется, унаследованного лексического материала, от случаев, когда независимое возникновение словосочетания даже в двух индоевропейских языковых ветвях неправдоподобно из-за самой его нетривиальности или даже неожиданности.

Ясно, что для реконструкции мотивов праиндоевропейской поэзии имеют значение только сопоставления последнего рода. В то же время очевидно, что решение в каждом случае может оказаться очень трудным. Некоторые сопоставления представляются бесспорными, вероятность других меньше, а многие вовсе неубедительны.

Попытаемся сейчас разобрать более достоверные сопоставления под нашим специфическим углом зрения, пытаясь выяснить, что могут они дать для выявления жанровой природы поэзии праиндоевропейцев.

Сделанное уже А.Куном сопоставление гомеровского χλέ(F)ος ἄφθιτον буквально "unverwelklich" (Hom., IX, 413; Hes., fr. E, 1, 5 Merkelbach; Sappho, fr. 44, 4 L.-P.; Ion Chius, fr. 7, 3 D; Ibycus, 1, 47 Page), надпись на алтапе в Крисе (GDI, 1537; Griech. Grabged., №222 (III-II вв.)) с ведийским śrávaḥ ákṣitam (RV, 1, 9, 7) и

---

⁴⁴Ibid.

⁴⁵Kuhn A. Über die durch Nasale erweiterten Verbalstämme: Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1853. Bd 2. S. 46.

áksiti śrávaḥ (RV, 1, 40, 4 = 8, 103, 5): áksiti бахуврихи от kṣiti ||φθίσις (RV, 9, 66, 7))⁴⁶, сопоставление, остающееся и по сей день одним из наиболее убедительных⁴⁷, реконструирует для праиндоевропейской поэзии центральный мотив героического эпоса — "непреходящую славу"⁴⁸.

Э.Д.Флойд попыталась противопоставить гомеровское κλέος ἄφθιτον, как относящееся к смерти, ведийскому śrávo ... áksitam, как относящемуся к славе при жизни, что ставит под вопрос индоевропейское происхождение этой поэтической формулы⁴⁹. Но Ахилл (Ил., IX, 413) предсказывает себе, если он останется под Троей, славу, которую он приобретет не самой своей героической гибелью⁵⁰, а подвигами, которые он совершит при жизни и которые обеспечат ему славу также и после его скорой смерти. κλέος ἄφθιτον здесь и везде по самому существу и после смерти, ибо человек смертен (эпос всегда подчеркивает смертность человека и краткость его жизни), а "неувядаемая" слава останется после него.

Никак нельзя поэтому согласиться и с Марианной Наафс-Вильстра⁵¹, будто Сапфо (fr. 44, 4, Lobel), говоря о "неувяда-

⁴⁶Ibid. S. 46.

⁴⁷Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache ... S. 6: Indogermanische Dichtung / Hrsg. von R.Schmitt. Darmstadt, 1967. — При этом áksiti — это уже новообразование ведийской эпохи, вызванное тем, что áksita казалось странным в сочетании со столь неконкретной вещью, как слава. Греки, как показывает Ксенофан (Xenophan, fr. 5, 30), продолжали воспринимать славу очень конкретно: глагол ἀπολλύω, употребленный Ксенофаном, относится исконно прежде всего к растительной жизни (Porzig W. Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und im Indogermanischen. Berlin, 1942. S. 48 f). Gerckens J. Zur Entstehungsgeschichte der ti-Abstracta. Borna; Leipzig, 1923; Liebert G. Das Nominalsuffix -ti- im Altindischen. Lund, 1949. S. 7 f.; Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. Bd 2. T. 2. S. 286; Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 451–473 (= Indo-Eur. Stud. 1981. IV); Nagy G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge, 1974. Epilogue: κλέος ἄφθιτον and śráva(s) áksitam. P. 162–163.

⁴⁸С особой четкостью выражен он в германском эпосе: "Умирает имущество, умирают роды, ты сам умираешь, как они; я знаю только одно, живущее вечно — славу деяний умерших" (Hávamál, 77, 1–8).

⁴⁹Floyd E.D. Kleos aphthiton, an IE perspective on early Greek poetry // Glotta. 1980. Bd 58. S. 133–156.

⁵⁰В этом месте Гомер, конечно, не думает о гибели от ранения в пятку стрелой, пущенной Парисом и Аполлоном, как об этом рассказывалось в "Малой Илиаде".

⁵¹Naafs-Wilstra M.C. Indo-European "Dichtersprache" in Sappho and Alca-

ющей славе Гектора и Андромахи" по случаю их свадьбы, следует ведийскому значению этого выражения и продолжает восходящую к праиндоевропейской эпохе независимую от Гомера традицию. Весь фрагмент, написанный дактилическим размером, на эпическую тему и эпически окрашенным языком, говорит о "неувядающей славе" совершенно так же, как Ахилл в Илиаде, — как о славе при жизни и после смерти: славу при жизни саму по себе назвать неувядающей нелепо. Неудачную попытку Маргалит Финкельберг⁵² поставить под сомнение глубочайшую древность словосочетания $\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma \acute{\alpha}\varphi\theta\iota\tau\omicron\nu$, исходя из формалистически воспринимаемых ею положений теории устной поэтической формулы Парри-Лорда, убедительно опровергает Э.Эдвардс⁵³. Напрасно придал серьезное значение соображениям М.Финкельберг Ж.Ритоок⁵⁴.

В общем итоге именно рассматриваемое нами сейчас сопоставление А.Куна дает в наше распоряжение наиболее убедительное и весьма важное для характеристики праиндоевропейской поэзии словосочетание. Со времени В.Шульце к этому сопоставлению присоединяется параллель $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha \chi\lambda\acute{\epsilon}(F)\omicron\varsigma$ // $mah\acute{i} \acute{s}r\acute{a}vaḥ$ (ср. аристократическое имя $M\epsilon\gamma\alpha\chi\lambda\eta\varsigma$)⁵⁵. Несколько дальше отстоит $\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma \epsilon\acute{\upsilon}\rho\acute{\upsilon}$ // $p\acute{r}th\acute{u} \acute{s}r\acute{a}vaḥ$ (неожиданное сочетание: "широкая слава")⁵⁶. Как отмечает Р.Шмитт, слава щедрых мужей, которую должен обеспечить в Ведах Агни (RV, 5, 18, 5 с — е), неорганична, вторична по отношению к славе героев эпоса. (Ср.: *clarorum virorum laudes atque virtutes*. Cato ap. Cic. *Tusc. Dispp.*, 4, 23; cf. *Brut.* 19, 75; германцы: *Tac. Germ.*, 2, 3; cf. 3, 1.)

Затем Фр.Шпехт указал, что $\chi\lambda\epsilon\alpha \acute{\alpha}\nu\delta\rho\omega\nu$ (II., IX, 189; 524; Od., VIII, 73) у Гомера соответствует $\acute{s}r\acute{a}vaḥ$ (sing!) $n\acute{r}\acute{n}\acute{a}m$ —

eus // *Journ. Indo-Europ. stud.* 1987. Vol. 15. №3-4. P. 276-277.

⁵²Finkelberg M. Is $\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma \acute{\alpha}\varphi\theta\iota\tau\omicron\nu$ a Homeric formula? // *Classical Quarterly*. 1986. Vol. 36. №1. P. 1-5.

⁵³Edwards A.T. $\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma \acute{\alpha}\varphi\theta\iota\tau\omicron\nu$ and oral theory // *Classical Quarterly*. 1988. Vol. 38. №1. P. 25-30.

⁵⁴Ritook Zs. Vermutungen zum Ursprung des griechischen Hexameters // *Philologus*. 1987. Bd 131. H. 1. S. 7. Anm. 20.

⁵⁵Schulze W. "Tocharisch tseke peke": Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. 1921. S. 294 (= *Kleine Schriften*. S. 258); Meister K. *Homerische Kunstsprache*. Leipzig, 1921. S. 227; Schmitt R. Op. cit. S. 77-80.

⁵⁶Schulze W. Op. cit. S. 73-74 (Шульце обращает внимание и на гомеровское имя $\epsilon\acute{\upsilon}\rho\acute{\upsilon}\chi\lambda\epsilon\alpha$ и на ведийское $P\acute{r}th\acute{u}\acute{s}r\acute{a}va\varsigma$); Schmitt R. Op. cit. S. 73-74.

"слава мужей" (RV, 5, 18, 5)⁵⁷ и к этому же праиндоевропейскому словосочетанию относятся греческие личные имена Ἀνδροχλῆς, Κλέανδρος и Κλεάνωρ⁵⁸. С ведийским śrávo' járam (т.е. śrávas ajáram — RV, 1, 126, 2) параллельно греческое словосочетание κλέος ἀγήραον ("нестареющая слава") — не вызывающая особых сомнений конъектура Ричля вместо ἀγήρατον (Eurip. Iph. Aul., 567)⁵⁹.

Параллельны древнегреческие поэтическое словосочетание ὄνομα κλυτόν (Od., IX, 364; XIX, 183) и сложное прилагательное ὀνομάκλυτος (Il., XXII, 51 и др.) — "славный именем" ведийскому словосочетанию nāma śrútyam (RV, 8, 46, 14)⁶⁰.

Вся система праиндоевропейских личных имен, поразительно слабо связанная с религией, но зато включающая в себя типично эпические элементы (в особенности с корнем kleu-), говорит в пользу того, что не только существовал, пусть примитивный, праиндоевропейский эпос, но и что он был одним из краеугольных камней всего мироощущения праиндоевропейцев⁶¹.

Уже в микенских текстах засвидетельствовано erikerewe = Ἐρικλέφης, затем в наших источниках появляются Ἡρακλῆς, Κλυτομήδης и многие другие. В ряде случаев ведийские и древнегреческие имена эквивалентны по способу образования: Suśrávas ≈ Εὐχλῆς, Prthuśrávas ≈ Εὐρυκλῆς и др. Составные имена с корнем *kleu- присутствуют в большинстве ветвей индоевропейской языковой семьи. Добавим к приведенным ведийским именам Uramáśravas-, Śrutarvan-; в авестийском находим Haosrauuah; в славянской традиции обнаруживается Святослав, Ярослав, Всеслав, Венцеслав и др.; в германской — руническое древнескандинавское имя Hlewazastir ≈ Κλεόξενος, франкские Хлодерики, Хильперики и др.; кельтские — британское Clutorix и древнеирландское Clotéchu⁶².

Адальберт Кун в свое время убедительно сопоставил ἱερὸν

⁵⁷ Specht Fr. Zur indogermanischen Sprache und Kultur // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1937. Bd 64. S. 1-23.

⁵⁸ Schmitt R. Op. cit. S. 94-102.

⁵⁹ Ibid. S. 69-70.

⁶⁰ Ibid. S. 90-93.

⁶¹ Schramm G. Namenschatz und Dichtersprache. Studien zu den zweigliedrigen Personennamen der Germanen. Göttingen, 1957. S. 58-59, 86-88, 91, 112-119; Schmitt R. Op. cit. S. 121-123.

⁶² West M.L. The rise of the Greek epic // Journ. Hellen. Stud. 1988. Vol. 108. P. 153.

μένος Ἀλκινόοιο (Od., η 167 и др.) с ведийским *iṣireṇa ... manasā* (instr. sing. — RV, VIII, 48.7)⁶³, причем с фонетическими трудностями, связанными с сопоставлением *ἱερός* || *iṣirah*, пытается справиться Семереньи⁶⁴. При этом развившееся в греческом значении *ἱερός* ("священный") — вторично⁶⁵; об этом свидетельствуют параллели: применительно к Одиссею мы находим выражение *χρατερή ... ἱς* (Ψ 720), явно параллельное *ἱερῇ ἱς Τηλεμάχοιο*, а также выражение *χρατερὸν μένος* (Π 189· Ψ 837).

Наличие в микенском (см. KN K 875) *ἱερός*, *ἱερεύς* и *ἱεροφόρος* в сакральном значении демонстрируют еще раз, что эпические формулы иногда более архаичны, чем документы микенской эпохи⁶⁶. Mehr magisch zu fassende(n) Ausgangspunkt⁶⁷ для первоначального значения **iṣə₂rō-*⁶⁸ едва ли правильно характеризует положение, а может быть, представляет собой в какой-то мере отражение тенденции окрашивать глубокую древность непременно в религиозно-магические краски. Для реконструируемого праиндоевропейского словосочетания оказывается наиболее

⁶³Kuhn A. Über das alte S und einige damit verbundene Lautentwicklungen: Vierter Artikel. Die Verbindung des s mit liquiden Buchstaben // Kuhn's Zeitschrift. 1853. Bd 2. S. 274; Duchesne-Guillemin J.Gr. *ἱερός*-Skr. *iṣirā*: Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves 5 (= Mélanges Emile Boisacq, I), 1937. P. 333-338; Schmitt R. Op. cit. S. 109-114.

⁶⁴Szemerényi O. Etyma Graeca IV // Homeric et Mycenaica; 22 *ἱερός* // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. 1979. №20. P. 207-211.

⁶⁵Burrow T. Vedic *iṣ-* "to prosper" // University of London. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1955. Vol. 17. P. 326; Schaefer H.H. Op. cit. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1940. №94. S. 401. n. 9; Palmer L.R. A Mycenaean Calendar of offerings // Eranos. 1955. №53. P. 6, вопреки тому, что писали: Martitz P. Wülfing von. *ἱερός* bei Homer und in der älteren griechischen Literatur. 1, 2 // Glotta, 1960. Bd 38. S. 304; Wilamowitz-Moellendorf U.von. Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884. S. 106. Anm. 17; Glaube der Hellenen. Bd 1. Berlin, 1931. S. 21.

⁶⁶Durante M. Untersuchungen zur Vorgeschichte der griechischen Dichtersprache. Das Epitheton: Indogermanische Dichtersprache. Hrsg. v.R.Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 315-316 (= Ricerche sulla preistoria della lingua poetica greca. L'epiteto: Rendiconti della Accad. Naz. dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. 1962. Vol. 17. P. 25-43; Gallavotti C. Il valore di hieros in Omero e in Miceneo // Antiquité Classique. 1963. T. 32. №2. P. 409-428.

⁶⁷Schmitt R. Op. cit. S. 113.

⁶⁸П.Рамат также принимает как исходное юго-восточноиндоевропейское недифференцированное значение "священный/сильный" с религиозно-магическим оттенком: Ramat P.Gr. *ἱερός*, Skr. *iṣirah* e la loro famiglia lessicale // Sprache. 1962. Bd 8. H. 1. S. 4-28.

правдоподобным значение "огромная мощь", типичное для эпического жанра.

Вильгельм Шульце⁶⁹ сопоставил гомеровское *χύνες ἀργοί* и "Ἄργος — имя собаки Одиссея с ведийским именем собственным *Rjśvan-*, восходящим к нарицательному сложному прилагательному типа *bahuvrihi* "быстрых собак имеющий"). Быстрые собаки — это не пастушеские, не сторожевые, не лягавые, а гончие: охота с гончими нигде не была промысловой, так что перед нами реликт формы демонстративного потребления — аристократической охоты⁷⁰, обычной темы эпизодов эпоса.

А.Куну принадлежит сопоставление греческого *ἥλιος κύκλος* ("колесо солнца") (Aesch. *Prometh.*, 91; Persae, 504; Soph. *Ant.*, 416; Eurip. *Electr.*, 465; Нес., 412) на этот раз не только с ведийскими эквивалентами *sūgyasya ... sakrām* (RV, 4, 17, 14; 4, 28, 2; 5, 29, 10; 6, 31, 3), но и с древнегерманскими формулами — древнеанглийским *sunnan hweogul*⁷¹ и с древнескандинавским *sunnu hvel* (Harmsol, 36, 7)⁷².

Колесо, изобретенное в Месопотамии и проникшее в причерноморские степи, видимо, еще до начала распада праиндоевропейской общности как основная деталь повозки со сплошными колесами, в которую запрягали быков⁷³, произвело, очевидно, сильнейшее впечатление на праиндоевропейцев.

⁶⁹Schulze W. *Etymologisches: Sitzungsber. der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*. 1910. S. 787–808. (= *Kleine Schriften* 1933. S. 111–130); Schmitt R. *Op. cit.* S. 244–246.

⁷⁰Сцена псовой охоты как будто обнаруживается на недавно найденной керносовской стеле (Днепропетровская область) конца III — начала II тыс. до н.э.: Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы. Киев, 1976. С. 40.

⁷¹См., однако, сомнения в работе: Смирницкая О.А. Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы: Пути эволюции. М., 1989. С. 20.

⁷²Kuhn A. *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertrankes*. Berlin, 1859. S. 51; Schmitt R. *Op. cit.* S. 9, 166–169. — Идея В.В.Иванова, будто *k^u-ek^u-los* первоначально обозначало не колесо, а повозку вступает в противоречие со значением корня **k^uel-*, ибо вращается не повозка, а колесо (Иванов В.В. К индоевропейским названиям колеса и колесницы // В честь на академик Владимир Георгиев. София, 1980. С. 112–117).

⁷³Кузьмина Е.Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме миграции индоиранских племен // Вестник древней истории. 1980. №4. С. 11); Childe G. *The first wagons and carts from the Tigris to the Severn* // *Proceedings of Prehistoric Society*. 1951. Vol. 17; Smoljan J. *Studien zur Entstehung und Ausbreitung des Wagens* // *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. 1964. Bd 1. №5.

Для эпохи бронзы типичны широко распространенные наскальные изображения колеса Солнца. Хорошо известны изображения такого рода, найденные в Скандинавии⁷⁴. За то, что солнце ассоциировалось с колесом в эпоху бронзы широким кругом народов, освоивших использование колеса, говорит наличие среди солярных знаков петроглифов Саймалы Таша изображения колеса со многими спицами⁷⁵. В реконструируемом нами праиндоевропейском слове *k^uek^ulā/o- колесо не стоит изолированно: восстанавливаются тематически связанные *rot(h)a- "повозка", "колесница", *dhur- "дышло", *ueǵh- "ехать"⁷⁶, отражающие древнейший тип колесного транспорта. Позднее, когда индоевропейской общности уже не существовало, появились легкие колесницы с колесами со спицами, в которые научились запрягать лошадей. Соответственно, появились и новые названия колеса, разные в различных ветвях индоевропейской языковой семьи, как τροχός в греческом и rota в латинском⁷⁷.

Остатки деревянных повозок со сплошными колесами и глиняные модели таких повозок находят в погребениях ямной культуры⁷⁸. Тот факт, что повозки, их модели или колеса входили в скудный в целом инвентарь древнеямных погребений, говорит за то, что заимствованные из Месопотамии повозки произвели сильное впечатление на носителей древнеямной культуры.

Древнегреческая эпическая традиция, завершением которой являются гомеровские поэмы, сохранила, по-видимому, следы употребления примитивных повозок со сплошными колесами, запряженных быками, если можно так выразиться, в военнотранспортных целях. Если эпическая традиция сумела сохра-

⁷⁴ Bing J. Germanische Religion der älteren Bronzezeit. Studien über Skandinavische Felsenzeichnungen // Mannus, 1914. Bd 6. H. 1/2. S. 149-180.

⁷⁵ Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша // Первобытное искусство / Под ред. Р.С.Васильевского. Новосибирск, 1971. С. 181-202.

⁷⁶ Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. С. 57.

⁷⁷ Letoublon F., Lamberterie C. de. La roue tourne // Revue de philologie, d'histoire et de littératures anciennes. 1980. T. 54. P. 314.

⁷⁸ Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Раскопки курганов в низовьях Днестра // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 255-256; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М., 1974. С. 94; Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей // Вестник древней истории. 1974. №4. С. 68-87.

нить от праиндоевропейской эпохи такие стойкие поэтические формулы, как $\chi\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ $\alpha\phi\theta\iota\tau\omicron\nu$ или $\eta\lambda\iota\omicron\nu$ $\chi\acute{\upsilon}\chi\lambda\omicron\varsigma$, нет ничего невозможного в том, чтобы в гомеровском эпосе сохранялись и другие реминисценции не только домикенской эпохи (они доказаны, ибо таковыми являются башневидный щит и шлем с кабаньими зубами), но возможно, и эпохи переселения с индоевропейской прародины.

Я думаю, что таким следом является, прежде всего, вся тактика использования боевых колесниц, как ее нам рисует Илиада. Здесь гомеровские герои выезжают на колеснице на поле сражения, а затем спешиваются для того, чтобы сражаться. В стихе Илиады (XVII, 480) Автомедон прямо говорит: "Я с колесницы сойду, чтобы сражаться". В реальной жизни такая тактика бессмысленна⁷⁹. Легкая боевая колесница, в которую впрягали тщательно выученных быстрых и сильных коней, была создана для непосредственного участия в боевых действиях. Колесницы атаковали врага сомкнутым строем, воины осыпали врага дротиками и стрелами. Так было на Ближнем Востоке во II тыс. до н.э., как свидетельствуют многочисленные рельефы и литературные памятники, самым знаменитым из которых является описание битвы Рамсеса II с хеттами при Кадеше. Так использовал боевые колесницы Дарий III против Александра Македонского, так сражались в 309–308 гг. до н.э. 100 боевых колесниц Кирены. Сам Гомер был в какой-то мере знаком с этой реальной тактикой колесничного боя: он описывает ее устами Нестора в Илиаде (IV, 297 сл.), и воспоминания о ней, очевидно, дошли до него в поэтической традиции от микенской эпохи. Высказываются даже обоснованные предположения, что микенцы экспортировали в Египет лошадей для боевых колесниц⁸⁰. Легко понять, почему Гомер не хочет следовать этой традиции в основной части своего повествования: принципы поэтики героического эпоса требовали подробного описания поединков героев, а концентрированная атака колонны колесниц не оставляла места для таких поединков. Аналогичным образом нелепую практику — езду на колесницах с тем, чтобы спешиться для поединка — приписывает своим героям в духе той

⁷⁹Ehrenberg V. Society and civilization in Greece and Rome. Cambridge (Mass), 1964. P. 6–7.

⁸⁰Dickinson O.T.P.K. The origins of Mycenaean Civilisation. Göteborg, 1977. 4° (Studies in Mycenaean Archaeology, 49).

же эпической поэтики ирландская сага⁸¹. Реально, как сообщает Цезарь, (B.G. IV, 24.3), британцы, разумеется, использовали колесницы непосредственно для сражения, как и галлы начала III в. до н.э. (Liv, X, 28, 9). Разумеется, так же действовали в реальности и ирландцы на колесницах. Вопрос заключается в том, является ли практика, при которой герой спешивается для боя, чистым поэтическим вымыслом, или мы можем усмотреть какую-то реальную основу для такого рода гомеровских картин. Я думаю, что такая реальная основа есть и ею является древнейшая практика, когда высокопоставленные предводители ехали на войну на быках, окруженные толпой пеших воинов. Быки шли медленно и могли, вероятно, заметно ограничить подвижность войска и способность к маневру, но вещественным следом такого использования быков являются, судя по всему, захоронения шумерских царей с упряжкой, запряженной быками, в могилах Ура. Очевидно, передвижение на повозке должно было возвысить престиж царя или племенного вождя, и, заимствуя повозку с быками, народы "варварской периферии", очевидно, должны были заимствовать и формы ее использования. Во всяком случае, значение повозки как символа высокого положения в обществе убедительно доказываются ролью ее в захоронениях, в том числе предположительно и в праиндоевропейских.

Надо думать, что эпическая традиция, столкнувшись с нововведением — запряженной конями легкой колесницей и соответствующей тактикой — восприняла это новое престижное средство боя, но продолжала цепко держаться за традиционную тактику поединка лицом к лицу, отвечающую и исторической реальности эпохи до появления боевых колесниц и потребности героизации действующих лиц эпической поэмы.

Что еще можно привести в пользу высказываемого нами предположения? Прежде всего нужно вспомнить наблюдения Дельбека, который обратил внимание на то, что, хотя вообще говоря, гомеровские герои погоняли лошадей бичом, в эпическом языке многократно употребляются по отношению к лошадям выражения, подразумевающие использование стрекала. Дельбек высказал предположение, что мы имеем здесь дело с реликтом древнейшей эпохи, когда скотоводы погоняли стрекалом табу-

---

⁸¹ Михайлова Т.А. "Боевая колесница с серпами" как памятник, как текст, как реалия // Эпос северной Европы. Пути эволюции / Под ред. Н.С.Чемоданова. М., 1989. С. 136.

ны коней⁸². Однако, в свете вышеизложенного и учитывая, что стрекало было инструментом управления быками⁸³, следует, нам кажется, предположить, что перед нами снова реликт того времени, когда бык был единственным упряжным животным, и эпос, повествуя о том, как герой отправляется в сражение, заставлял его оперировать именно стрекалом, как обычным средством управления быками.

Наконец, обратимся еще к вопросу об этимологии древнегреческого прилагательного $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\iota$, gen. sg. $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\omicron\varsigma$ ("однокопытный"). Перед нами случай, когда решение этимологической проблемы должно опираться на историю употребления слов. В имеющихся в нашем распоряжении текстах прилагательное $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\iota$ впервые появляется уже у Гомера (свыше 30 раз в "Илиаде" и один раз в "Одиссее" (XIV, 46), что вполне естественно, так как в "Одиссее" почти не упоминаются лошади). Встречается оно в гомеровских поэмах всегда во множественном числе либо в номинативе, либо в аккузативе, и всегда как определение к существительному $\imath\pi\lambda\omicron\iota$ (лошади), т.е. либо в ном. мн.ч. $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\epsilon\varsigma \imath\pi\lambda\omicron\iota$, либо в акк. мн.ч. $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\alpha\varsigma \imath\pi\lambda\omicron\upsilon\varsigma$. Оба варианта стоят всегда в конце стиха, занимая две последние стопы гексаметра, так что перед нами типичная эпическая формула, из тех, что исследовал Мильман Пэрри, характерная для эпоса многих народов. Важно то обстоятельство, что формула эта никогда не встречается и не может встретиться в генитиве или дативе: соответствующие формы $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\omicron\nu \imath\pi\lambda\omicron\nu$ и $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\iota \imath\pi\lambda\omicron\iota\varsigma$ не укладываются в гексаметр. В то же время они не нужны поэту: ему нужно сказать "лошади бегут" в номинативе, "лошадей погнали" — в аккузативе; остальные варианты менее важны. Получается так, что слово может быть употреблено в гексаметре как раз в тех формах, которые являются наиболее употребительными в силу его значения.

Это обстоятельство сразу заставляет думать, что $\mu\acute{\omega}\nu\nu\chi\iota$ не просто впервые засвидетельствовано для нас в эпосе, а представляет собой элемент поэтического словаря греческого эпоса в самом полном смысле слова, т.е. впервые возникло в творче-

---

⁸² Delebecque E. Le cheval dans l'Iliade. Paris, 1951. P. 232.

⁸³ "Серебряным бодцом" пользуется возница в ирландском отрывке "Боевая колесница с серпами". Однако все, что говорить о боевых колесницах в ирландских сагах, полно условностей и, возможно, литературных заимствований (М и х а й л о в а Т.А. "Боевая колесница с серпами" ... С. 119-142).

стве аэдов дописьменной эпохи, нуждавшихся в эпитете для лошадей (забегая вперед скажу, что $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi$ — это, конечно, композит, так что в догадке о поэтическом происхождении этого слова нет а priori ничего неправдоподобного). Догадка эта сразу подтверждается при рассмотрении послегомеровской истории этого слова. Оно встречается в поэзии у Солона, у Еврипида, а у Геродота, Платона, Аристотеля и позднейших авторов используется как термин, характеризующий непарнокопытных (лошадь, осла, мула) в противоположность парнокопытным (корове, овце и т.д.). Слово это, очевидно, никогда не бытовало в обыденном разговорном языке, как не бытует в нем русское "однокопытный" и тем более "непарнокопытный" (книжными являются и соответствующие слова ряда современных европейских языков *solipède*, *perissodactyle* и т.п. Платон прямо говорит о ($\tau\acute{o}$ $\sigma\chi\iota\sigma\tau\acute{o}$ $\chi\alpha\iota$) $\tau\acute{o}$ $\chi\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omega$ $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi\iota$ (о "так называемом однокопытном"), ясно показывая, что перед нами несвойственное обыденной речи слово. Перед нами еще один случай любопытнейшего явления, частого в истории греческого языка: переход слов прямо из языка поэзии в формирующуюся научную терминологию, минуя разговорный язык. Сейчас для нас важно, что истоки прилагательного $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi$ лежат в поэтической традиции, очевидно, эпической.

Что касается непосредственно этимологии $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi$, очевидно, что перед нами сложное слово со вторым элементом $\delta\nu\chi$ - ("копыто, коготь"). Споры возникают только по поводу первого элемента. Упомяну сначала совершенно неудовлетворительную попытку Дедерлейна вывести $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ из $\delta\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$, или попытку увидеть в $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ композит с первым элементом от корня * $m\acute{p}$ - > $m\acute{a}$ - (нулевая степень) — "стремиться". Сейчас можно всерьез обсуждать, в сущности, только два предположения. Первое восходит к античности — уже древние грамматики видели в $\mu\acute{o}\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ результат гаплогогии из $\mu\omicron\nu\omicron\delta\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ (из $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ — один, $\delta\nu\chi$ — копыто). Сейчас, когда мы знаем, что $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ восходит к * $m\omicron\nu\omicron\upsilon\omicron\varsigma$, это объяснение выглядит так: * $m\omicron\nu\omicron\upsilon\omicron\omicron\nu\chi\epsilon\varsigma$ > $m\acute{o}\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$.

Объяснение это крайне неправдоподобно. В сущности, беспрецедентна гаплогогия * $m\omicron\text{-}\nu\omicron\omicron\text{-}\omicron\nu\chi$ -. Недаром Рунс, который в 1931 г. защищал это объяснение, оперирует с $\mu\omicron\nu\omicron\delta\nu\upsilon\chi\epsilon\varsigma$ ⁸⁴. Но в гомеровском языке основы $\mu\acute{o}\nu\omicron\text{-}$ никогда не существова-

⁸⁴Runes M. *Homerische Beiwörter* // Glotta, 1931. Bd XIX. S. 286–287.

ло. Было *топо-^и, давшее сравнительно незадолго до записи поэм топо- (μουνο-). Невероятно это объяснение еще и потому, что основа *топо-^и, присутствующая и в микенских текстах, и у Гомера в простом *τοπος > ион. μῶνος — "один, единственный", совершенно не дает в раннем языке композитов, становясь очень продуктивной в этом отношении позднее. В раннюю эпоху в греческом языке продуктивны в композиции синонимичные *топо- основы *οἶο- и *σπ-/*σπ- (нулевая ступень от *sem- — лат. *semel* — однажды).

Так вот вариант *сп- (перед согласными) нулевой ступени от *sem- — пытается привлечь для объяснения μῶνυxες Беекес⁸⁵. Беекес исходит из предположения, подробно обосновываемого им в его книге о ларингалах в греческом языке, будто ларингальные сохранялись еще некоторое время в отделившемся от праиндоевропейского общегреческом языке, и реконструирует для греческого основу *сп-эзnogh- > *σμῶνυx- > μῶνυx-. Но кроме сомнительности общего положения о длительном сохранении в греческом ларингальных, здесь есть еще целый ряд натяжек. Исходная форма *эзnogh- очень хорошо объяснила бы русское ног-оть, но вызывает затруднения при объяснении вокализма корня в греч. δυξ и требует считать начальное о- в δυξ возникшим из ларингального протетическим гласным. Но δυξ родственно латинскому *unguis* < *onguis, где о не может быть протетическим гласным и восходить к ларингалу: в латинском языке не бывает протетических гласных. Очевидно, надо отказаться от идеи Беекеса и исходить из реально засвидетельствованной в греческом формы основы δυx-, и тогда мы возвращаемся к идее де Соссюра, высказанной им еще в его Мемуаре о индоевропейских гласных в 1878 г.: μῶνυxες восходит к *σπῶνυghες, где первым элементом словосложения выступает та же нулевая ступень от *sem- ("один"), но в варианте, естественном перед гласным: не *сп-, дающее *sa->ṣ-, а *см-, переходящее в м-. Долгий гласный в μῶνυxες естественно появляется в композиции на стыке двух основ, как это нередко имеет место в греческом языке.

Почему же предположение де Соссюра не находит до сего дня

⁸⁵ Beekes R.S.T. Μῶνυxες ἵπποι // *Orbis*. 1971. Vol. 20. №1. P. 138–142.

единодушной поддержки⁸⁶? Веекес выдвигает возражения, которые нужно решительно отбросить: он утверждает, что сложные слова могут в греческом языке иметь в качестве первого элемента *sm- > *sa- > á-, но не *sm-. Как можно утверждать это? Если мы видим из ἀπᾶξ, ἀπλόος, ἀδελφός, что регулярной в словосложении была нулевая ступень от *sem-, то это значит, что она была закономерной в обоих вариантах: *sm- перед основой, начинающейся с согласного, *sm- перед основой, начинающейся с гласного. Если второй вариант плохо засвидетельствован, то это вполне естественно: до падения начальных *s-, *i-, *u- в греческом было гораздо больше основ, начинавшихся с согласного, чем начинавшихся с гласного. И во всяком случае, в общегреческом существовала форма, которая если и не была композитом на *sm-, то должна была восприниматься таковой. Общегреческий праязык знал две формы числительного "один" в женском роде: *smia и *ia; когда рядом существовали многочисленные прозрачные композиты на *sm- "один", как могло восприниматься smia, если не как композит k ia со значением "одна единица", наподобие *sm-kmt-om > ἑκατόν ("одна сотня"). Рядом со *smia, очевидно, появилось и поэтическое *smouukhes, а, возможно, и другие композиты, не дошедшие до нас.

Второй аргумент против этимологии де Соссюра высказывает в виде сомнений Фриск в этимологическом словаре греческого языка: образование композита пришлось бы отнести к очень ранней эпохе, когда еще сохранялось начальное *sm-, которое могло быть полновесным носителем значения "один". П.Шантрэн готов с этим примириться, и в этом он, по-видимому, совершенно прав⁸⁷. Соображения, идущие от истории древнегреческого эпоса, позволяют назвать наиболее вероятную дату появления стойкой формулы μῶνυχες ἵπποι в греческой эпической традиции. Все, что было сказано прежде, подводит нас к мысли о том, что появление поэтического эпитета μῶνυχες связано с внедрением лошади и легкой колесницы сначала в жизнь, а затем и в героический эпос. Когда лошади заняли в эпосе место быков, происшедшая трансформация пове-

⁸⁶Принял его Мильман Пэрри: Parry M. The making of Homeric verse. Oxford, 1971. P. 284.

⁸⁷Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. III. Paris, 1968. P. 731.

ла к дополнительной контрастирующей характеристике нового упряжного животного: не просто лошади, а "однокопытные лошади", т.е. не такие, как быки. За то, что это так, говорит то обстоятельство, что противопоставление быкам "однокопытных лошадей" было живо еще в сознании Гомера: в Илиаде (XX, 495) он говорит о быках, а в следующем стихе как контраст быкам фигурируют μόνυχες ἵπποι.

Перед нами снова след того же самого в полном смысле слова переворота в военной технике, происшедшего в середине II тысячелетия до н.э. Нам кажется, что гипотеза о том, что и в эпической традиции и в реальности запряженная быками повозка выступает как функциональная предшественница микенской боевой колесницы, имеет право на существование⁸⁸.

Наряду с остатками праиндоевропейской поэзии, прямо указывающими на принадлежность ее к эпическому жанру, есть и такие, которые могут относиться и к другим жанрам, но вполне подходят и для эпического. Здесь мы прежде всего упомянем реконструкцию *dhghóm- r̥tə́ú- ("земля широкая"), восстанавливаемую на основе ведийского kṣām pr̥thivīm (acc. sg.): R.V., 1, 67, 5 = 10, 31, 9) с авестийскими и германскими параллелями. Почему это должно относиться к магии⁸⁹ или сакральной фразеологии⁹⁰, непонятно. Я вижу здесь явное отражение жизни в степи, может быть, перехода от жизни в лесах к жизни в степи. Если это не параллельное развитие, то и греческое εὐρύδεια ≈ urú ... sádas (R.V., 1, 85, 6c)⁹¹ ("земля) с широкими местами для сидения") и ведийское kṣām pr̥thivīm вполне естественно объясняется как следы нарративного повествования в стихах.

Также и сопоставление греческого δωτῆρες ἑάων (Od., VIII, 325) с ведийским dātā vāsūnām (RV, 8, 51, 5) и с авестийским vohunam

---

⁸⁸ Предлагаемая гипотеза не противоречит выводам, сделанным Уайаттом на основании изучения всей гомеровской терминологии, прямо относящейся к различным видам повозок: Wyatt W.F.Jr. The Indo-Europeanization of Greece // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 89-111. №16.

⁸⁹ Gonda J. Semantisches zu idg. "rēg-"König" und zur Wurzel reḡ- (sich aus)-strecken // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1956. Bd 73. S. 154.

⁹⁰ Schmitt R. Op. cit. S. 181-183.

⁹¹ Ibid. S. 246-248.

dataro⁹² не ведет нас к специфически религиозному контексту⁹³, так как речь идет сразу о многих (или всех) богах и самых разнообразных благах, в то время как для примитивных религий характерно обращение к конкретному божеству.

Производный характер обращения к Гермесу Аполлона δῶτωρ ἐάων (Od., VIII, 335)⁹⁴ по сравнению с δῶτηρες ἐάων (Od., VIII, 325)⁹⁵ виден из самого контекста. δῶτηρ явно представляет собой трансформацию под влиянием δῶτωρ более древнего δῶτηρ, которое сохранилось у Гомера (Il., XIX, 44): σίτοιο δῶτηρες ταμίαι. δῶτηρ продолжает древнее индоевропейское *dǝtér-, входящее в окситонированный класс nomina agentis, которому Бенвенист приписал общее значение "l'agent voué á une fonction", в отличие от баритонированного типа, который имеет значение "l'auteur d'un act". К первому же типу восходит dātā vásūnām (RV, 8, 51, 5 a), причем отмечается в Риг-Веде тенденция соединять образование на -tǝ- с генитивом множественного числа, а на -tǝ- с аккузативом единственного⁹⁶. В общем итоге мы получаем очень расплывчатую формулу "долженствующий давать богатства", в которой самой по себе нет вообще ничего религиозного и которая могла первоначально характеризовать и богов, и в некультовом контексте предводителей дружин, от которых ожидали богатств воины и певцы.

К праиндоевропейской поэтической формуле ведет нас и сопоставление древнегреческой характеристики Гелиоса-Солнца

---

⁹²Benfey Th. Über die Entstehung des indogermanischen Vokativs // Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1872. Bd 17. S. 57-58; Schwyzler E. Zwei Vermutungen zu Homer: 2. ἐάων // Indogermanische Forschungen. 1917-20. Bd 38. S. 159-161; Schmitt R. Op. cit. S. 10-11, 142-149. Литургическую формулу видел в этом словосочетании А. Фик (Fick A. Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Göttingen, 1873. S. 276).

⁹³Шипп писал о ритуальной формуле (Shipp G.P. Studies in the language of Homer. Cambridge, 1953. P. 24), Дуранте о гимническом происхождении (Durante M. Ricerche sulla preistoria della lingua poetica greca: l'epiteto // Rendiconti della Accademia dei Lincei. 1962. P. 17, 28. n. 13).

⁹⁴Отсюда: Hymn. Hom. 18, 12; 29, 8.

⁹⁵Отсюда: Hes. Theog. 46, 111, 633, 664.

⁹⁶Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en Indo-Européen. Paris, 1948. P. 12, 62; Renou L. Le suffixe védique -tǝ- et les origines du futur periphrastique // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1938. T. 39. 112. n. 1.

как θεῶν σχολὸν ἥδ' καὶ ἀνδρῶν⁹⁷ ("соглядатая богов и людей") с ведийским *sūryam ... spāśam víśvasya jágato* (RV 4, 13, 3) — "Солнце, соглядатая всего одушевленного мира (буквально: всего ходящего)"⁹⁸. Похищение скота должно было быть одним из обычных мотивов реконструируемого нами праиндоевропейского эпоса, и характеристика Солнца как лучшего помощника в розысках идеально подходит для такого контекста.

В то время как попытки реконструировать праиндоевропейское обозначение певца или вдохновенного прорицателя⁹⁹ вызывают, на наш взгляд, справедливую критику¹⁰⁰, убедительной представляется предложенная еще в 1878 г. Дармстетером реконструкция праиндоевропейской поэтической, очевидно, мелиоративной самохарактеристики своей деятельности древними певцами как "прилаживания слов" — *uek^uos tēks-¹⁰¹. Рекон-

струкция эта опирается: 1) на пиндаровское словосочетание ἐπέων ... τέχτορες (Pind. Pyth., 3, 113), где и контекст, в котором говорится о Несторе и Сарпедоне, и ионийская форма имени Σαρπηδών говорят за эпический источник; 2) на неионийский(?) гексаметр об Олене, цитируемый Павсанием (Paus., X, 5, 8): πρῶτος δ' ἀρχαίων ἐπέων τεχνάνατ' αἰοιδάν; 3) на плавтовское *sermones possunt longi texier* (Trin., 797); 4) на ведийское *vácāmsy*

⁹⁷ Hymn. Hom. in Dem. 62. Контекст здесь скорее мифологический, чем религиозный.

⁹⁸ Kuhn A. Die Herabkunft des Feuers ... S. 101 f.; Sonne W. Sprachliche und mythologische Untersuchungen, angeknüpft an Rigveda I, 50. Dritter Artikel // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1866. Bd 15. S. 378; Schmitt R. Op. cit. S. 10, 163–164. Cf. Schlerath B. Die "WELT" in der vedischen Dichtersprache // Indo-Iranian Journal. 1962. Vol. 6. P. 103–109.

⁹⁹ См. напр.: Thieme P. Vorzarathustrisches bei den Zarathustriern // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1957. Bd 107. S. 67–104.

¹⁰⁰ Dahlmann H. Vates // Philologus. 1948. Bd 97. S. 337. Ряд исследователей категорически отрицает возможность существования в праиндоевропейскую эпоху поэтов или певцов как представителей самостоятельного рода занятий (Wissman W. Skor. Berlin, 1955. S. 27 (= Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg. 1954. №2); Смирницкая О.А. Индоевропейское в германской поэзии ... С. 24–25; Höfler O. Zwei Grundkräfte im Wodankult // Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974. S. 133–144.

¹⁰¹ Darmesteter J. Iranica, VI. Une métaphore grammaticale de la langue Indo-Européenne // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1878. T. 3. P. 319–322 (= Etudes Iraniques. T. II. Paris, 1983. P. 116–118); Durante M. Untersuchungen zur Vorgeschichte ... S. 271–272 (= Ricerche sulla ... P. 232–249; Schmitt R. Op. cit. P. 296–298.

āsā... takṣam "речи ртом буду прилаживать" (RV, 6, 32, 1; ср. 1, 130, 6); 5) на авестийское обозначение стиха как vacas-tašti ("скопление слов" — V 58, 8 и т.п.). Реконструкция эта едва ли может оспариваться — она свидетельствует о том, что создатели праиндоевропейской устной поэзии воспринимали плод своего творчества как речевую продукцию, противостоящую обыденной речи и, очевидно, высоко ценили ее.

Материалы, на которые мы можем опираться, как видно, весьма скудны, но представляется поразительным, насколько еще меньше в нашем распоряжении следов праиндоевропейского культового языка. В сущности, здесь надежно лишь только сопоставление ведийского *dyáuṣ pitā* (RV, 4, 1, 10 и др.), гомеровского Ζεύς πατήρ, латинских *Diēspiter*, *Diēs pater* и *Juppiter* и иллирийского(?) Διλατύρος (*Hesych.*)¹⁰².

Ж.Ритоок, опираясь на общую схему, согласно которой магическая поэзия должна предшествовать эпической, пытается истолковать тот факт, что формульный слой магического характера охватывает не только греческую и индоиранскую, но и древнегерманскую поэзию, в то время как формулы, связанные со славой, параллельны только в греческой и в индоиранской поэзии, в качестве свидетельства о возникновении древнейшего индоевропейского эпоса в эпоху, когда предки греков и индоиранцев еще находились в контакте, а германцы уже отделились от первоначальной общности (такое положение вещей предполагает для II тыс. до н.э. Харматта). В то же время слой магической ориентации должен, по мнению Ритоока, восходить к общеиндоевропейской магической поэзии¹⁰³. Однако сопоставление древнегреческих и древнеиндийских заклинаний, впервые предпринятое опять-таки А.Куном¹⁰⁴, приводит лишь к заключению об их типологической близости, а не о генетическом родстве¹⁰⁵, так что нельзя исключить и возможность параллельного развития уже после общеиндоевропейской эпохи.

¹⁰²Schmitt R. Op. cit. S. 149–152.

¹⁰³Ritook Zs. Stages in the development of Greek epic // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 23. 1975. №1–2. P. 127–140. Ср. сходные представления: Bowra C.M. *Heroic poetry*. London, 1952. P. 4–5.

¹⁰⁴Kuhn A. Indische und germanische Segenssprüche // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1864. Bd 13. S. 49–74, 113–157.

¹⁰⁵Schlerath B. Zu den Merseburger Zaubersprüchen // *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 15*. Innsbruck, 1962. S. 139–143. (= *Indogermanische Dichtersprache* / Hrsg. v.R.Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 325–333); Schmitt R. Op. cit. S. 289–294.

Убедительным представляется сделанное Фр.Шпехтом сопоставление первой строфы Волуспы из Старшей Эдды с AV, 1, 32, 1 и 20, 127, 1¹⁰⁶, к которому Г.Г.Шедер присоединил иранскую параллель (Yasna, 45, 1)¹⁰⁷. Однако попытка Шедера увидеть в этом материале следы вступления к праиндоевропейской космогонической поэме была опровергнута в результате более точной интерпретации авестийского контекста Г.Гумбахом¹⁰⁸, так что в итоге мы получаем предположительную реконструкцию праиндоевропейского зачина-призыва к слушателям, нейтрального по отношению к жанру поэзии.

Голландская исследовательница Марианна Наафс-Вильстра пытается доказать особую близость к праиндоевропейской поэзии древнегреческой волийской поэзии, принадлежащей к жанру песенной лирики. Свою гипотезу она старается подтвердить доводами за независимое от древнегреческой эпической традиции унаследование поэзией Сапфо и Алкея некоторых праиндоевропейских поэтических формул¹⁰⁹, что говорило бы за их праиндоевропейское лирическое происхождение. Но при сопоставлении всего материала оказывается, что все индоевропейские и предполагаемые индоевропейские поэтические формулы, встречающиеся у Сапфо и у Алкея, есть и у Гомера, причем появляются они у волийских поэтов именно в тех стихотворениях, в которых наиболее очевидно влияние гомеровского эпоса. Исключением является обращение *Zeū páter*, вообще не принадлежащее к поэтическому языку, а находящееся где-то на грани между культовой сферой и обыденной речью. Таким образом, буквально все поддающиеся гипотетическому восстановлению фрагменты праиндоевропейской поэзии либо прямо говорят в пользу своей принадлежности к жанру, пусть примитивного, героического эпоса, либо, во всяком случае, легко

¹⁰⁶Specht Fr. Zur indogermanischen Sprache und Kultur // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1937. Bd 64. S. 1-3. (= Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. v.R.Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 49-52)

¹⁰⁷Schaeder H.H. Ein indogermanischer Liedtypus in den Gathas // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1940. Bd 94. S. 399-408 (= Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. v.R.Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 61-71).

¹⁰⁸Humbach H. 1) Zur altiranischen Mythologie // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1957. Bd 107. S. 370; 2) Die Gathas des Zarathustra. Bd 2. Heidelberg, 1959. S. 60 ff.: Schmitt R. Op. cit. P. 30-32.

¹⁰⁹Naafs-Wilstra M.C. Indo-European "Dichtersprache" in Sappho and Alcaeus // Journal of Indo-European Studies. 1987. Vol. 15. №3-4.

могли принадлежать к этому жанру¹¹⁰.

Что же мы можем еще сказать об этом эпосе? Прежде всего нельзя пытаться реконструировать его содержание, постулируя наличие того или иного мотива на основании наличия его в древних традициях нескольких ветвей индоевропейской языковой семьи. Все мотивы такого рода, будь то божественные близнецы или мировое дерево или другие, встречаются и у неиндоевропейских народов и могли появиться у народов индоевропейского происхождения и путем самозарождения мотивов, хорошо известного фольклористам¹¹¹, и в результате заимствования¹¹².

Нельзя также проецировать в индоевропейское прошлое, как это часто делается, и встречающиеся в нескольких ветвях индоевропейской семьи народов общие мифологические сюжеты, если они представляют собой естественное сцепление всего лишь двух — трех широко распространенных фольклорных мотивов, как, например, сюжет о боже-громовержце, поражающем дракона. Наличие этого и других такого типа сюжетов у неиндоевропейских народов показывает, что и здесь необходимо воздержаться от бездоказательного проецирования этих сюжетов в праиндоевропейскую эпоху.

По нашему мнению, существует только один сюжет — поединок отца с неузнанным сыном, который, судя по всему, восходит к праиндоевропейскому творчеству. В русском былинном эпосе он представлен былинной о бое Ильи Муромца с его сыном Соколинцем (или Сокольников), он наличествует в Шах-Намэ — сделанной Фирдоуси обработке персидского народного эпоса, в древнегерманской "Песне о Гильдебранде", в древнегреческой "Телегонии" и в ирландском эпосе. У неиндоевро-

¹¹⁰Существование в праиндоевропейскую эпоху примитивного эпоса допускают Я.Васильков и С.Невелев (Васильков Я.В., Невелев С.Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги "Махабхараты") // Проблемы исторической поэтики литератур Востока / Под ред. И.В.Стеблевой. М., 1988. С. 170–172.

¹¹¹См., напр.: Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

¹¹²Schlerath B. Zu den Merseburger Zaubersprüchen: 1. Methodisches zur vergleichenden idg. Kulturgeschichte: Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. v. R. Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 325–328 (= II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10–15 Oktober 1961. Vorträge und Veranstaltungen: Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 15. Innsbruck, 1962. S. 139–143).

пейских народов встречаются только очевидные заимствования тех или иных версий, а основные индоевропейские версии объединяет ряд специфических деталей и, в особенности, коварное поведение сына¹¹³. В этих условиях неправдоподобно заимствование, а параллельное развитие граничило бы со сверхъестественным, так что остается только гипотеза индоевропейской генетической общности, выдвинутая Наттом и Шедером¹¹⁴. Но сюжет этот типично эпический по своей природе и представлен в памятниках эпического жанра. Постулируя его индоевропейский источник, мы и с этой точки зрения подходим к необходимости постулировать праиндоевропейскую поэзию в эпическом жанре¹¹⁵.

В своем изданном посмертно труде И.М.Тронский, высказываясь осторожно по поводу попыток реконструкции праиндоевропейских поэтических формул, не только скептически отнесся к сопоставлению *áksiti śrávaḥ* (не *áksitam!*), но и высказал общее соображение: "Само понятие непреходящей славы деяний и деятелей возникает, вероятно, на сравнительно поздней ступени родового общества, так что проецирование в общеиндоевропейскую эпоху сопряжено с опасностью модернизации"¹¹⁶. Мне кажется, что сомнения эти убедительно опровергаются тем, как носители древнейшей культуры пытались при помощи надгробных стел и курганов увековечить память о своих покойниках¹¹⁷.

Р.Шмитт группирует важнейшие следы праиндоевропейской поэзии прежде всего в рубрики *Heldendichtung* и

---

¹¹³Сопоставление вариантов см.: Веселовский А. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 546–557; Авижанская С.А. Сюжет боя отца с сыном: (дисс.). Л., 1946.

¹¹⁴Nutt A.J. Problem of heroic legend // The second international folklore congress. 1891. Papers and transactions. London, 1891. P. 113–114; Schaefer H.H. Auf den Spuren indogermanischer Dichtung (1943) // Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. v.R.Schmitt. Darmstadt, 1968. S. 76.

¹¹⁵Этот сюжет легко мог бы составить содержание сравнительно небольшой по объему поэмы-песни, наиболее типичной для эпоса различных народов (Гацак В.М. Восточнороманский воинский и южнославянский юнацкий эпос // Типология народного эпоса / Под ред. В.М.Гацака. М., 1975. С. 128–129). Во всяком случае, Песнь о Гильдебранде и былина об Илье и Соколинце относятся именно к такому типу эпической поэмы.

¹¹⁶Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 152–153.

¹¹⁷См. с. 63 и сл. в настоящем издании.

Götterdichtung¹¹⁸. С точки зрения материала это оправдано, но думая всерьез о характере праиндоевропейской поэзии, мы должны мыслить в фольклористических категориях: праиндоевропейская поэзия была памятником фольклора одного из многих народов, древних и современных. Примеры, которые Шмитт разбирает под рубрикой *Heldendichtung*, отлично соответствуют хорошо известному в разных концах земли фольклорному жанру — героическому эпосу.

Что можно сказать о следах *Götterdichtung* Шмитта? В одном случае сам Шмитт указывает на то, что мы не можем абсолютизировать границу между "поэзией о богах" и "поэзией о героях". Когда Франц Рольф Шредер обратил внимание на встречающиеся в Ведах, в Авесте, а также в древнегреческой и римской поэзии краткие перечисления подвигов божества, т.е. *Aufreihelieder*, и возвел их к праиндоевропейскому прототипу, он отнес этот прототип к жанру культовых песнопений (*Kultlieder*)¹¹⁹. Между тем, как отмечает Р.Шмитт, Авеста повествует именно в этом стиле о подвигах Кərəsasp'ы, типичного героя, а не божества, и притом наделенного эпитетом *naire manā* "mit dem μένος eines Mannes", ведущим нас именно в сферу эпоса¹²⁰. В любом случае, следы индоевропейского героического эпоса выступают перед нами намного ощутимее, чем следы праиндоевропейской культовой поэзии.

Принимая во внимание все изложенное, мы и решаемся утверждать жанровый континуитет гомеровского эпоса от праиндоевропейской эпохи до Гомера. Праиндоевропейская поэзия, насколько мы ее можем восстановить, — это героический эпос, к

---

¹¹⁸Ср.: Schmitt R. Op. cit. S. 317. — О праиндоевропейской *Heldendichtung* писал уже П.Тиме (Thieme P. 1) *Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte ari, arya, aryaman und ārya.* (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, XXIII: 2). Leipzig, 1938. S. 166–168 (= *Indogermanische Dichtersprache* / Hrsg. v.R.Schmitt. (Wege der Forschung. Bd 165). Darmstadt. 1968. S. 59–60). 2) *Vorzarathustrisches bei den Zarathustriern und bei Zarathustra* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* 1957. Bd 107. S. 84–88 (= *ibid.* S. 229–232).

¹¹⁹Schröder Fr.R. 1) *Ursprung und Ende der germanischen Heldendichtung* // *Germanisch-Romanische Monatsschrift* 27, 1939. S. 339; 2) *Eine indogermanische Liedform. Das Aufreihelied* // *Germanisch-Romanische Monatsschrift.* 1954. Bd 35. S. 179–185; 3) *Indra, Thor und Herakles* // *Zeitschrift für deutsche Philologie.* 1957. Bd 76. S. 1–41.

¹²⁰Schmitt R. Op. cit. S. 141.

традиции которого восходит древнегреческая эпическая традиция.

В самом деле, доступные нам факты не подтверждают догадок о сакральных корнях греческого эпоса¹²¹. В частности, и форма εὔχτο (Theb. Fr., 3, 3, Allen) не является сакральным архаизмом, как это считают Фриск и Р.Шмитт¹²². Как совершенно справедливо отмечает Семереньи, плюсквамперфект в данном контексте невозможен: εὔχτο может быть только формой аориста — аналогическим образованием по типу δέχτο¹²³.

Когда В.Ланге религиозные корни приписывает древнему эпосу в целом, он имеет в виду парадигматический характер пронизывающей его героической этики, которой он приписывает религиозные корни, но это еще не делает эпос сакральной поэзией¹²⁴. Это должно означать, что сохранившая сравнимое с гомеровским эпосом количество праиндоевропейских реликтов ведийская поэзия взяла их из другого жанра, поместив в чужеродный контекст. К этому выводу, надо сказать, исследователи уже пришли, исходя из непосредственного рассмотрения Вед. Так, Пауль Тиме, на наш взгляд, совершенно справедливо констатирует наличие в Ведах следов превращения героической поэзии, в центре которой стоит *kleuos ("слава") в sakrale Dichtung¹²⁵.

К аналогичным выводам относительно авестийской поэзии пришли ее исследователи Гумбах и Ломмель¹²⁶: яшты Авесты вобрали в себя обломки утраченного для нас эпоса, как мы полагаем, восходящего к праиндоевропейскому.

Вместе с тем наличие эпического сюжета предположитель-

---

¹²¹ Autran Ch. Homère et les origines sacerdotales de l'épopée grecque. I-III. Paris, 1951. — И.И.Толстой называл эту книгу нелепой: см.: Толстой И.И. Аэды. М., 1958. С. 6.

¹²² Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1. S. 586; Schmitt R. Op. cit. S. 261.

¹²³ Szemerényi B. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964. P. 176.

¹²⁴ Lange W. Über religiöse Wurzeln des Epischen // Indogermanica. Festschrift für W.Krause. Heidelberg, 1960. S. 80-93.

¹²⁵ Thieme P. Vorzarathustrisches ... S. 86-88 (= Indogermanische Dichtersprache. S. 229-231).

¹²⁶ Humbach H. Gathisch-Awestische Nomina // Indogermanische Forschungen. 1958. Bd 63. S. 221; Die Yašt's des Awesta, übersetzt und eingeleitet von Herman Lommel. Göttingen; Leipzig, 1927. S. 1, 7.

но праиндоевропейского происхождения в иранском средневековом эпосе говорит за то, что древнеиранская эпическая традиция не была полностью поглощена религиозной поэзией и бытовала в устной форме вплоть до Фирдоуси. По тем же соображениям можно предполагать, что славянская, германская и ирландская эпические традиции восходят к героическим песням праиндоевропейцев.

Обосновав вышеизложенным образом наше представление о корнях древнегреческого эпоса, мы хотим добавить еще только одно весьма гипотетическое соображение. Со времен Нибура латинисты обсуждают восходящую к Катону традицию о том, что римляне в древние времена воспевали под звуки флейты *laudes atque virtutes* славных мужей (Cic. *Tusc.*, 1, 2, 3; IV 2, 3; *Brut.* 19, 75; Varro ap. Nonium Marcell., 77, 2). Аргументы скептиков, считающих это сообщение конструкцией по греческим образцам¹²⁷, не представляются убедительными: с доверием относился, в частности, к этой традиции и Виламовиц¹²⁸. Принимая достоверность сообщения Катона в его *Origines*, мы должны обратить внимание на то, что флейта по-латыни называется *tibia*, т.е. собственно говоря, "большая берцовая кость", и название это она получила потому, что первоначально изготовлялась из кости. Древнегреческая традиция исполнения песен под самоаккомпанемент кифары или сходного с ней струнного инструмента не может восходить к праиндоевропейской эпохе, так как инструменты такого рода проникли в бассейн Эгейского моря во II тысячелетии до н.э. с древнего Ближнего Востока.

В то же самое время гипотеза о том, что римляне сохраняли до какого-то времени древнейшую форму музыкального сопровождения эпической песни в виде игры флейтиста, находит как будто неожиданное подтверждение со стороны археологии. Дело в том, что среди памятников древнейшей и близких к ней культур неоднократно находили выделанные и продырявленные снаружи внутрь разной длины птичьи кости, которые трудно интерпретировать иначе, как остатки дудок и свирелей¹²⁹.

---

¹²⁷ Dahlmann H. Zur Überlieferung über die "altrömischen Tafellieder" // Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. 1950. №17.

¹²⁸ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Griechische Verskunst. Berlin, 1921. S. 31. Anm. 1.

¹²⁹ Макаренко М. Мариупольский могильник. Киев, 1933. С. 11–40; Крупнов Е.Н., Сивяцки И.В. Древнее поселение Нижнего Повол-

Этнографические параллели делают крайне неправдоподобным предположение, будто эти примитивные духовые инструменты использовались только для воспроизведения чисто инструментальной музыки. Очевидно, под них пели и плясали, так что предположение о том, что и древнейшие эпические произведения исполнялись под аккомпанемент дудок, подкрепляемое и свидетельством Катона, является, на наш взгляд, достаточно правдоподобным¹³⁰.

жья// По следам древних культур. От Волги до Тихого океана / Под ред. Т.Б.Федорова. М., 1954. С. 75; С и н и ц ы н И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.): Материалы и исследования по археологии СССР. №60. М., 1959. С. 184; М е л е н т ь е в А.Н. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье // Краткие сообщения Ин-та Археологии АН СССР. Вып. 103. М., 1965. С. 57; М е л е н т ь е в А.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // Там же. Вып. 106. М., 1966. Рис. 40.1; П и с л а р и й И.А., К р о т о в а А.А., К л о ч к о Т.Н. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы. Киев, 1976. С. 22. Надо, однако, отметить, что Н.Я.Мерперт, проявляя, как нам кажется, чрезмерную осторожность, считает интерпретацию трубочек как остатков музыкальных инструментов недоказанной (М е р п е р т Н.Я. Древнейшие скотоводы волжско-уральского Междуречья. М., 1974. С. 67).

¹³⁰ Надо принять во внимание и то, что духовой инструмент типа флейты по свойствам звука подходит как раз для аккомпанирования количественному стиху, который мы постулируем для праиндоевропейцев (См.: Frank T. Life and Literature in the Roman republic. Berkeley, 1930. P. 58).

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ СТИХЕ?

Первая попытка реконструировать основы стихосложения праиндоевропейцев была предпринята в 1866 г. Рудольфом Вестфалем вскоре после того, как были обнаружены некоторые праиндоевропейские поэтические словосочетания. Вестфаль исходил из ложного, как мы теперь знаем, предположения, будто чисто силлабические со строгой цезурой посередине стихи Авесты отражают древнейшее праиндоевропейское стихосложение¹, и в соответствии со своими общими представлениями о стихе считал, что ритм праиндоевропейского стиха обеспечивался 1) равным количеством слогов в стихе, 2) постоянной цезурой на одном и том же месте стиха и 3) правильным чередованием иктусов, не зависящих ни от словесных ударений, ни от долготы и краткости гласных и слогов, а квантитативный стих развивался в некоторых ветвях индоевропейской языковой семьи лишь позднее².

Не считаясь с очевидным фактом самостоятельного развития сходных размеров, Вестфаль вынужден был признать квантитативные размеры арабской и средневековой иранской поэзии с их преобладанием ямбического метра — — — и формальной

¹ В настоящее время принято считать, что авестийский чисто силлабический стих возник вторично в результате утраты иранскими языками фонологических противопоставлений гласных по количеству.

² Westphal R. Zur vergleichenden Metrik der indogermanischen Völker // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1866. Bd 9. S. 437-458; Rossbach A., Westphal R. Theorie der musischen Künste der Hellenen. Bd 3. Abt. 1. Leipzig, 1887. S. 38-47 (R. Westphal); Westphal R. Allgemeine Metrik der indogermanischen und semitischen Völker auf Grunde der vergleichenden Sprachwissenschaft. Berlin, 1892. S. 40-55.

близостью к греческим ряда других размеров за заимствования из греческой поэзии через поэзию держав Аршакидов и Сасанидов³. Вполне естественно, что такой подход вызвал возражения востоковедов. Так, иранист Т.Нельдеке, подтверждая неоспоримый факт заимствования средневековыми персидскими поэтами стихотворных размеров из арабской поэзии, в то же время обратил внимание на то, что самостоятельное возникновение в арабской поэзии квантитативных размеров, сходных с древнегреческими, и, в частности, размера, аналогичного ямбическому, совершенно очевидно и должно вообще служить предостережением против искушения видеть в области стихосложения генетические связи там, где на самом деле имеет место типологическая общность⁴.

Аналогичные опасения высказал и Виламовиц⁵, также подчеркнувший структурное сходство древнегреческого ямбического trimetra с распространеннейшим арабским стихом и отвергнувший попытки механически сблизить 8-сложный колон авестийских гат и ряда других греческих, латинских, древнеиндийских, германских и тохарских размеров и постулировать чисто силлабический характер праиндоевропейской поэзии⁶. Аналогичные догадки выдвинул также Фр.Аллен⁷.

Таким образом, А.Мейе неправ, когда он в своем труде "Индоевропейское происхождение греческих стихотворных размеров" в самом начале заявляет, что он не рассматривает теорий, которые до сих пор предлагались исследователями метрики, т.к. они основывались на рассмотрении одного только греческого материала⁸: попытки объяснить происхождение древнегреческих стихотворных размеров с позиций индоевропейского сравнительного языкознания начались за полвека до

---

³Rosbach A., Westphal R. Theorie der musischen ... S. 53-57 (R. Westphal); Westphal R. Allgemeine metrik ... S. 40-55.

⁴Nöldeke Th. Das iranische Nationalepos. Zweite Aufl. Berlin und Leipzig, 1920. S. 91-95.

⁵Wilamowitz-Moellendorff U.von. Griechische Verskunst. S. 97; Beare W. Latin verse ... P. 96.

⁶Wilamowitz-Moellendorff U.von. Griechische Verskunst. S. 22-84.

⁷Allen Fr. Über den Ursprung des homerischen Versmasses // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1879. N.F.IV. S. 556-592.

⁸Meillet A. Les origines ... P. VII (Идеи, высказанные в развернутой форме в этой небольшой монографии, фигурируют уже в статье А.Мейе 1897 г.: Meillet A. De la partie commune des Padas de 11 et 12 syllabes dans le Mandala III du Rgveda // Journal Asiatique. 1897. №10. P. 266).

появления его исследования и не прекращались все это время. Едва ли справедлив и упрек А.Мейе в адрес специалистов по древнегреческой метрике, выводящих древнегреческий стих без достаточных, по его мнению, оснований из *types informes et mal différenciés* ("из бесформенных и слабо дифференцированных прототипов")⁹.

Разумеется, как справедливо указывает А.Мейе, всякая гипотеза, постулирующая возникновение той или иной метрической формы из некоего слабо урегулированного образования, должна вызывать некоторую настороженность, ибо по самой природе вещей такая гипотеза с трудом поддается проверке: из слабо урегулированного стиха того или иного типа можно без труда вывести самые разнообразные метрические формы. Но, с другой стороны, такого рода процесс — возникновение более четко урегулированных форм стиха из слабо урегулированных — действительно происходило неоднократно и могло в самом деле произойти на самых ранних этапах истории древнегреческого стиха. К тому же и общетипологические соображения говорят скорее в пользу сравнительно слабой урегулированности праиндоевропейского стиха, относящегося к эпохе энеолита.

Ограничивая круг индоевропейских поэтических традиций, которые могут быть использованы для реконструкции праиндоевропейского стихосложения, Мейе справедливо предупреждает, что "всякое сопоставление метрики тщетно там, где языки имеют различные ритмические структуры"¹⁰. Поэтому он ставит перед собой задачу реконструировать праиндоевропейскую метрику, опираясь лишь на древнегреческую и древнеиндийскую, ставя лишь после этого вопрос, что осталось от нее в индоевропейских языках, сохранивших музыкальное ударение, как литовский, латышский, сербский¹¹.

Среди жанров древнеиндийской поэзии А.Мейе естественно выбирает для метрических сопоставлений с древнегреческой ее наиболее архаический жанр — ведийскую поэзию. При этом, указывая на культовый характер ведийской поэзии, он считал, что она должна была быть и в метрическом отношении более консервативной¹². Это безусловно справедливо для времени ее

---

⁹Meillet A. *Les origines* ... P. VII; P. 2. — Мейе, очевидно, имел в виду przede всего теории Т.Бергга и Г.Узенера.

¹⁰Ibid. P. 7.

¹¹Ibid. P. 13.

¹²Ibid. P. 18.

расцвета, но нас интересует предыстория ведийских размеров, их судьба от праиндоевропейской эпохи до времени создания древнейших ведийских гимнов. Имеем ли мы право предполагать, что стихотворные размеры мало менялись в течение всей этой эпохи? Выводы второй главы данной работы говорят против этого предположения. В самом деле, ведийская поэзия восходит, судя по всему, не к праиндоевропейской культовой поэзии, а к праиндоевропейскому героическому эпосу. Она представляет собой в известном смысле слова новый жанр, при формировании которого легко могли сложиться и новые стихотворные размеры.

Считая древнегреческий дактилический гексаметр размером, заимствованным греками из неиндоевропейского языка, Мейе рассчитывал восстановить принципы праиндоевропейского стихосложения, сопоставляя ведийские размеры со стихотворными размерами эолийской лирики, которые он считал наиболее близкими к первоначальным праиндоевропейским. Предпринятое А. Мейе сопоставление размеров эолийской лирики с ведийскими 12-сложником джагати и 11-сложником триштубх¹³ безусловно подтверждает общий для тех и других размеров количественный принцип построения стиха и еще раз говорит в пользу количественного характера праиндоевропейского стихосложения.

Однако все дальнейшие, более конкретные, сопоставления Мейе вызывают возражения, хотя в настоящее время построения Мейе принимаются большинством исследователей, занимающихся этими проблемами¹⁴. Каденция ведийского 11-

---

¹³ Meillet A. *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*. 7-e éd. Paris, 1965. P. 146-149.

¹⁴ Иванов В.В. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 19-20; Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 5, 12-16; Трубецкой Н.С. К вопросу о стихе русской былины (1937) // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 352-358; Jakobson R. 1) Новый труд о югославянском эпосе (1932) // Selected writings. Vol. 4. The Hague; Paris, 1966. P. 47-48; 2) Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen (1933) // Ibid. P. 51-60; 3) Studies in comparative Slavic metrics (1952) // Ibid. P. 414-463; Nagy G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge (Mass.), 1974; Cole Th. 1) Classical Greek and Latin // Versification: Major language types / Ed. by W.K. Wimsatt. New York, 1972. P. 66-88; 2) Epiptoke: rhythmical continuity and poetic structure in Greek lyric. Cambridge (Mass.), 1988. P. 136-137; Berg N. Parergon metricum: der Ursprung des griechischen Hexameters // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1978.

сложника триштубх — — — — —, как это правильно увидел Мейе, действительно совпадает с каденцией одного из основных эолийских размеров — гиппонактея — — — — —. Но ведь среди эолийских размеров доминирующие размеры — гликоней и ферекратей, с каденциями, соответственно, — — — — — и — — — — —. Гликоней, ферекратей и гиппонактей дают нам в совокупности основные возможные метрические схемы концовок стиха (исключая, естественно, концовки с тремя долгими или тремя краткими подряд), кроме — — — — — (колон, не свойственный эолийской поэзии). Можно ли удивляться, что из двух основных типов ведийского размера один совпадает в каденции с одним из трех основных греческих? Какие основания предполагать здесь что-либо кроме типологической общности? При этом между триштубхом и гиппонактеем, кроме того, что гиппонактей 9-сложен, а триштубх 11-сложен, имеется очень важное различие в употреблении: триштубх объединяется в строфу хатὰ στίχων как самостоятельный размер, а гиппонактей (и акефалический гиппонактей) использовался эолийскими поэтами, как правило, в сочетании с другими колонами, например как завершение одного из периодов в сапфической и алкеевой строфе¹⁵.

Имеем ли мы право предполагать сложные строфы в праиндоевропейской поэзии, а если нет, имеем ли мы основание возводить к праиндоевропейской эпохе гиппонактей? М.Л.Гаспаров, соответственно, ослабляет требования, предъявляемые к праиндоевропейскому стиху, постулируя два основных типа: с каденцией — — — — — и с каденцией (—) — — — — —¹⁶. Если не ввести хотя бы дополнительного ограничения, что и то и другое окончание используется хатὰ στίχων (а М.Л.Гаспаров его не вводит)¹⁷, гипотеза становится вообще непроверяемой: какой квантитативный стих не может быть возведен к такой неопределенной модели?

Отвечая на критику, которой подверглась его теория, Мейе

Bd 37. S. 11–36; Tichy E. Hom. ἀνδραγῆται und die Vorgeschichte des daktylischen Hexameters // Glotta. 1981. Bd 59. H. 1–2. S. 28–67; Ritook Zs. Vermutungen zum Ursprung des griechischen Hexameters // Philologus. 1987. Bd 131. H. 1. S. 3.

¹⁵ Snell B. Griechische Metrik. 3. Aufl. Göttingen, 1962. S. 36.

¹⁶ Аналогичную формулировку мы находим у М.Уэста и Ж.Ритоока: West M. Indo-European metre // Glotta, 1973. Vol. 51. P. 167; Ritook Zs. Vermutungen zum Ursprung des griechischen Hexameters // Philologus. 1987. Bd 131. H. 1. S. 7.

¹⁷ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 50.

настаивал на том, что "последовательность — — — и — — в одном и том же стихе и в ведийских и в волийских размерах может быть объяснена только наличием у них общего прототипа"¹⁸. Однако это замечание было бы справедливо, если бы существовал хоть один ведийский стихотворный размер и один волийский, где бы определенная последовательность этих отрезков — — и — — — была бы постоянной. При действительном же положении вещей волийские колоны естественнее всего объясняются как результат регуляризации слабо урегулированного стиха.

Сближая каденции ведийских и волийских размеров, Мейе не обращает внимания на различия в начале колона, минимизируя их утверждением, что наполнение начала ведийского колона долгими и краткими произвольно¹⁹. Но в действительности оно не произвольно: в диметрах и в триметрах с цезурой после четвертого слога особенно излюбленным является начало — — — —²⁰, абсолютно недопустимое в волийских размерах. Не вполне произволен и базис — первые два слога — волийских колонов²¹. Мейе ссылается на работу О.Шредера, в которой тот пытался показать, что в более древние времена неурегулированный зачин (базис) волийских колонов состоял не из двух слогов, как в историческую эпоху, а из четырех²², видя в этом параллель к ведийским размерам, в которых первые четыре или даже пять слогов произвольны. Мейе отмечает и то, что первые четыре слога произвольны в греческом приапее²³.

Однако представляют ли собой первые четыре слога в волийских размерах самостоятельный отрезок, как это мы наблюдаем в ведийских? Факты говорят против. Для волийских размеров характерно явление так называемого внутреннего расширения. Так, Сапфо широко использует 11-сложник, получающийся из гликоenea в результате вставки внутрь его дактиля. Однако дактиль этот вставляется не после четвертого слога, как это следовало бы ожидать, если бы четыре первых слога гликоenea были

---

¹⁸ Meillet A. *Aperçu* ... P. 149.

¹⁹ Ibid. P. 104.

²⁰ Beare W. *Latin verse* ... P. 68.

²¹ Hardie W.R. *Res metrica*. Oxford, 1920. P. 138.

²² Schröder O. *Vorarbeiten zur griechischen Versgeschichte*. Leipzig; Berlin, 1908. S. 26.

²³ Meillet A. *Les origines* ... P. 39-40.

бы в какой-то степени самостоятельным отрезком, а после пятого²⁴.

Пытаясь реконструировать древнейший индоевропейский изосиллабический стих, сопоставляя ведийские размеры не с прочими жанрами древнегреческой поэзии, где широко распространено подчиненное определенным правилам приравнивание одного долгого слога двум кратким, а только с чуждой этому принципу волийской лирикой, А.Мейе игнорирует то обстоятельство, что чередование одного долгого с двумя краткими, широко употребительное в позднейшей санскритской поэзии, не чуждо и ведийской эпохе. Вариант размера триштубх с цезурой после пятого слога часто чередуется со стихами так называемого пентадического метра, и мы получаем соответствие послецезурных отрезков $\sim\sim\sim\sim\sim\approx\sim\sim\sim\sim$, так что двум кратким триштубха может соответствовать и один долгий²⁵.

Наконец, сопоставление джагати и триштубха с алкеевым и сапфическим 11-сложниками, состоящими из разнородных кононов, с вполне урегулированным у сапфического 11-сложника началом²⁶, находится в противоречии с самим принципом сопоставления по наличию неурегулированного начала.

Самый факт более четкой урегулированности каденции по сравнению с остальной частью стиха очевиден и для ведийских и для волийских размеров, но этому естественнее искать скорее типологическое объяснение, как и совпадению длины 8-сложника индийского колона и греческого гликоней. Типологически объяснимы и некоторые схождения в структуре ведийского джагати и греческого ямбического trimetra, отмечаемые А.Мейе²⁷. Попытки найти какие-то более определенные элементы близости искусственны, и не случайно, пытаясь доказать недоказуемое, исследователь вынужден прибегнуть к такому рискованному допущению, как глубокая древность "Маргита"²⁸. Если же мы попытаемся выйти за пределы сопоста-

²⁴Beare W. Latin verse ... P. 88-89.

²⁵Warder A.K. Pali metre. A contribution to the history of Indian literature. London, 1967. P. 203-204.

²⁶Meillet A. Les origines ... P. 47. — К сожалению, именно это сопоставление явно вторичных образований показалось особенно убедительным Р.О.Якобсону: Jakobson R. 1) Über den Versbau ... S. 51-60; Slavic epic verse ... // Ibid. P. 460 (= Studies in comparative metrics. 1952).

²⁷Meillet A. Les origines ... P. 48-66.

²⁸Ibid. P. 56.

влений, предложенных А.Мейе, результат окажется еще более безотрадным. Так, метр гаятри состоит из трех 8-сложных колонов (pada), метр ануштубх — из четырех. Колонны эти также слабо урегулированы в начале (первые четыре слога допускают большинство возможных комбинаций), но их каденция всегда $\cup\cup\cup\cup$, т.е. ямбическая и не свойственная өолийским размерам.

Попытка приписать генетическую общность реально встречаемым или реконструируемым 8-сложникам различных ветвей индоевропейской семьи не учитывает естественности появления 8-сложника в любой поэзии — чисто силлабической и не чисто силлабической. М.Л.Гаспаров, склонный к реконструкции праиндоевропейского 8-сложника, сам отмечает, что первый же опыт введения новых силлабических размеров в позднеримскую христианскую поэзию привел в руках Блаженного Августина к появлению 16-сложника с диерезой посередине, т.е. к схеме $8 + 8$ ²⁹.

8-сложник, одна из удобнейших форм стиха на одно дыхание, появлялся, появляется и будет появляться самопроизвольно в самых различных языках и литературах. 8-сложным и притом отчасти квантитативным является рунический стих прибалтийских финнов, а попытки объяснить его влиянием со стороны балтийских индоевропейских народов³⁰ весьма искусственны. Убедленным сторонником гипотезы Мейе о праиндоевропейском стихе был Р.О.Якобсон³¹. Однако некоторые его построения вступают в противоречие с гипотезой Мейе. Якобсон, вообще склонный связывать двухморную природу долгих гласных с наличием в языке фонологически противопоставленных типов ударения на долгом гласном³², считал, что отсутствие в өолийских метрах чередования долгого с двумя краткими (что приводит к строгому изосиллабизму в каждом өолийском колоне) связано с утратой өолийским ударением его подвижности и, следовательно, фонологической, смысловозначительной роли, причем слоговой принцип при определении места ударения господствует над счетом мор³³.

²⁹ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 88–89.

³⁰ Гаспаров М.Л. / и Лотман М.Ю. / Очерк истории европейского стиха. С. 234.

³¹ См. выше. С. 92.

³² Jakobson R. Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze (1937) // Selected writings. Vol. 1. 2nd ed. P. 254–261.

³³ Jakobson R. On ancient greek prosody (1937) // Ibid. P. 268–270.

Надо сказать, справедливость этих соображений вызывает сомнения. В ведийском нет оснований говорить об ударе на море вместо удара на слоге или гласном слоге, но должно ли поэтому отрицать двухморную природу древнеиндийских долгих и следует ли числить древнеиндийское ударение среди монотонических, как Якобсон именует динамические ударения, несмотря на отсутствие редукции гласных и количественный характер древнеиндийской метрики? Если строгий изосиллабизм и недопустимость колебаний между одним долгим и двумя краткими в эолийской метрике связаны с одноморным характером эолийских долгих, то почему в различных вариантах среднеиндийского широко распространяется эквивалентность $\text{—}=\text{—}$ ³⁴, хотя каких-либо новых признаков двухморности долгих гласных, в особенности политоничность удара при переходе от древнеиндийских языков к среднеиндийским не появляется? Но особое значение для рассматриваемых нами вопросов имеет то, что эолийское фиксированное ударение безусловно вторично и возникло в ходе самостоятельного развития эолийской языковой ветви, и если принцип жесткой изосиллабии эолийских размеров действительно связан с характером эолийского удара, как предполагал Якобсон, то и он мог появиться вторично в поэзии эолийских племен после их обособления. Между тем гипотеза Мейе о силлабическом характере праиндоевропейской поэзии, которую так энергично поддерживал и развивал Р.О.Якобсон, опирается как раз на допущение о том, что изосиллабизм эолийских размеров является наследием праиндоевропейской эпохи. Построения Р.О.Якобсона оказались, таким образом, противоречивыми.

Надо сказать, что мысль А.Мейе, будто эолийские и ведические размеры с их строго фиксированным числом слогов (как говорит Н.Берг, слогосчитающий стих, противостоящий моросчитающему) в каждом метре отражают стихосложение праиндоевропейской эпохи³⁵, не представляется а priori правдоподобной в свете того, что мы знаем об устной поэзии различных народов. Скептическое отношение к попыткам реконструкции праиндоевропейского стиха было высказано в известном компендиуме Шрадер-Неринга³⁶.

³⁴См.: Warder A.K. Pali metre.

³⁵Meillet A. Les origines ... P. 31–42; Berg N. Parergon metricum ... S. 13.

³⁶Schrader O. Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl. v.A.Nehring. Berlin; Leipzig (1929), 1917. S. 191.

С возражениями против построений А.Мейе сразу же выступил знаток древнегреческой метрики Пауль Маас. Кроме ряда конкретных замечаний он напомнил всем исследователям индоевропейской метрики тот бесспорный факт, что системы стихосложения изменяются, вообще говоря, значительно быстрее, чем язык³⁷.

В определенной мере теорию А.Мейе могли бы поддержать попытки Марианны Наафс-Вильстра сблизить встречающиеся у Сапфо и Алкея несомненные и предполагаемые праиндоевропейские поэтические формулы непосредственно с ведийскими, игнорируя гомеровский эпос³⁸. Однако, как мы отметили в главе II, аргументация М.Наафс-Вильстра неубедительна, и у нас есть все основания считать, что имеющиеся у Сапфо и Алкея праиндоевропейские поэтические формулы были заимствованы из древнегреческого героического эпоса.

Попытки М.Уэста найти для большинства эолийских и вообще греческих колонов соответствия среди размеров ведийской поэзии³⁹ никак не продвигают нас вперед, так как и греческие колоны и ведийские дают нам чуть ли не все типологически возможные варианты (скажем, исключая слишком большое скопление кратких, не свойственное праиндоевропейскому языку по ритмическому закону де Соссюра) сочетания долгих и кратких слогов, что лишает нас возможности вынести какие бы то ни было суждения о генетической близости этих размеров. Выдвигавшихся против теории Мейе возражений Уэст не касается вовсе.

Аналогичным образом не продвигает нас вперед и безусловно справедливое, но тривиальное наблюдение Ж.Ритоока о том, что и более достоверные и предполагаемые праиндоевропейские формулы древнегреческой поэзии легко укладываются в тот или иной из употребительных в эолийской поэзии колонов: эта система колонов и сложилась в греческой метрике так, чтобы

---

³⁷Maas P.: Рец. на: Meillet A. Les origines indoeuropéennes des mètres grecs. Paris, 1923: Deutsche Literaturzeitung, 1924; Maas P., Leumann E. Die neueren Arbeiten zur indogermanischen Metrik. Göttingen, 1924: Deutsche Literaturzeitung. 1925; Beare W. Latin verse ... P. 88 ff.

³⁸Naafs-Wilstra M.C. Indo-European Dichtersprache in Sappho and Alcaeus // Journal of Indo-European studies. 1987. Vol. 15. №3-4. P. 273-283.

³⁹Уэст М.Л. Индоевропейская метрика. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике. М., 1988. С. 474-506; West M.L. Indo-European metre. S. 482-485; Ritook Zs. Vermutungen zum Ursprung ... S. 8-9.

вобрать в себя все богатство поэтического языка архаической эпохи.

Показательно и то, к каким последствиям приводят попытки Н.Берга и Э.Тихи опереться на построения А.Мейе, постулировавшего праиндоевропейский 8-сложник: Берг исходит из 8-сложника $\times \times \times \times \sim \sim \sim$ ⁴⁰, в то время как Э.Тихи опирается в своих реконструкциях на 8-сложник $\times \times \times \times \sim \sim \sim$ ⁴¹. А Грегори Надь считает восходящим к праиндоевропейскому 8-сложнику целую серию древнегреческих стихотворных размеров:

$\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$	(хориямбический диметр)
$\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$	(иррегулярный гликоней)
$\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$	(гликоней)
$\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$	(ямбический диметр)
$\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$	(просодиак) ⁴² .

Очень важные доводы против возведения эолийских размеров прямо к праиндоевропейским прототипам приведены в кандидатской диссертации В.П.Смышляевой "Стихотворные размеры эолийских поэтов"⁴³.

Дело в том, что в метрическом репертуаре лесбосской поэзии усматривается определенная динамика. Метры Алкея не совсем те, что у Сапфо, а у Сапфо они зависят от жанра. Где можно ожидать древнейшие формы мелического стиха? Очевидно там, где поэтесса по законам жанра должна быть ближе к фольклору, в частности, в обрядовых жанрах. Из таких мы находим у Сапфо фрагменты гимнеев, и там преобладают вместо гликонеев родственные им 6-7-сложные размеры — ферекратей ($\sim \sim \sim \sim \sim \sim$), рейциан ($\sim \sim \sim \sim \sim$), телесиллей ($\sim \sim \sim \sim \sim$). Очевидно, именно эти размеры, а не восьмисложный гликоней, похожий на ведийскую паду, были наибо-

⁴⁰Berg N. *Parergon Metricum* ... S. 11–36.

⁴¹Tichy E. *Hom. ἀνδρομήτα und die Vorgeschichte des dactylischen Hexameters* // Glotta, 1981. Bd 59. H. 1–2. S. 28–67.

⁴²Nagy G. *On the origins of Greek hexameter: Studies in diachronic synchronic and typological linguistics. Festschrift for Oswald Szemerényi on the occasion of his 65th birthday. Part II.* Amsterdam, 1979. P. 613, 619.

⁴³См.: Смышляева В.П. Гликоней в эолийской метрике (Эволюция лирического размера) // Традиции и новаторство в античной литературе (Philologia classica. Вып. 2). Л., 1982. С. 37–45.

лее характерны для уходивших в древнюю традицию волийских обрядовых песен. Более того, у нас есть основания предполагать, что такого рода размеры были характерны и для устной поэзии общегреческой эпохи. В самом деле, родосская (т.е. дорийская) хелидонисма ("ласточкина песня"), особенно близкая к подлинному фольклору древних греков, состоит из 7-сложных ферекратеев и 6-сложных рейцианов.

В конечном итоге В.П.Смышляева приводит убедительные доводы в пользу того, что внешне сходный с ведийской падой 8-сложный гликоней является не праиндоевропейским реликтом, а результатом позднейшего, отчасти уже литературного развития. И вообще характер исторических изменений, которые претерпел древнегреческий язык со времени отделения от праиндоевропейской общности, затрудняет попытки восстановления праиндоевропейских стихотворных размеров, опирающиеся на греческий материал. Если древнеиндийский язык сохранил, в общем, метрическую форму праиндоевропейского, так что из праиндоевропейской словоформы возникала древнеиндийская, как правило, с тем же числом слогов, и притом долгий слог обычно оставался долгим, а краткий — кратким, то в древнегреческом отпадение конечных смычных, выпадение интервокальных *-s* и *-i-* (интервокального *-s*, вероятно, уже в общегреческую эпоху), загадочное преобразование первичных окончаний презенса тематических глаголов из **-esī* во втором лице в *-eis*, из **-eti* в *-ei* в третьем лице и т.п. не только превращало долгие слоги в краткие, и наоборот, но и приводило к уменьшению числа слогов в словоформе.

Разумеется, ничто не мешает нам постулировать для праиндоевропейской поэзии 8-сложную метрическую единицу типа древнеиндийской пады ($\sim\sim\sim\sim\sim\sim\sim\sim$), но нельзя использовать для подкрепления этой конструкции волийский 8-сложник гликоней ($\sim\sim\sim\sim\sim\sim\sim\sim$). Чтобы в результате эволюции языка в греческом тексте получались 7-сложные ферекратеи в индоевропейском тексте 8-сложники или даже 9-сложники должны были чередоваться с 7-сложниками, что вопиющим образом противоречит гипотезе об изосиллабическом характере праиндоевропейской метрики.

Рассмотрим этот вопрос на конкретном примере. Если мы исходим из идеи А.Мейе и его последователей о том, что стихотворные размеры древнегреческой волийской лирики ближе

к праиндоевропейским, чем какие бы то ни было другие стихотворные размеры, обнаруживаемые нами в сохранившихся образцах поэзии индоевропейских народов, то максимальным реально засвидетельствованным приближением к индоевропейскому прототипу придется считать даже не песни Сапфо и Алкея, а первую половину так называемой родосской хелидонисмы — древнегреческой фольклорной песни о прилете ласточки, написанную чередующимися ферекрателями и акефалическими (т.е. без одного слога в начале) ферекрателями⁴⁴.

Вот текст этих стихов:

ἦλθ' ἦλθε χελιδὼν	— — — — — ^pher
καλὰς ὥρας ἄγουσα	— — — — — ^pher
καλοὺς ἐνιαυτοὺς,	— — — — — ^pher
ἐπὶ γαστέρα λευκά	— — — — — ^pher
ἐπὶ νῶτα μέλαινα,	— — — — — ^pher
παλάθαν σὺ προχύχει	— — — — — ^pher
ἐκ πίονος οἴχου	— — — — — ^pher
οἴνου τε δέπαστρον	— — — — — ^pher
τυροῦ τε χάνυστρον	— — — — — ^pher

Пришла, пришла ласточка,
Ведущая (с собой) прекрасные времена года,
Прекрасные годы,
На брюшке белая,
На спинке черная.
Ты выкатывай сушеные фрукты
Из богатого (жирного) дома
И кубок вина
И корзинку сыра ...

Песня эта обрядовая, связанная с весенними праздниками, с обходом домов, с выпрашиванием даров, наподобие колядок. Здесь, по-моему, все типологически вполне приемлемо для эпохи энеолита, в том числе индоевропейского энеолита. Но есть ли у нас данные за то, что унаследован от праиндоевропейской эпохи стихотворный размер?

⁴⁴Как особенно близкую к праиндоевропейским прототипам рассматривал ее и А.Мейе (Meillet A. Les origines ... P. 39).

Очевидно, он мог быть унаследован либо вместе с текстом песни, либо отдельно от текста. Первое невозможно. Посмотрим, как должны были звучать даже в начале общегреческой эпохи первые два стиха и какова должна была быть их метрическая схема. Получается:

*ēldhet ēldhet ghelidōn   — — — — —

*kaluans iōrans agontia   — — — — —

Оказывается отсутствующим самое ядро любого эолийского метра — хориямб, последовательность — — — — —.

Более того, в шестом стихе в ходе фонетической эволюции греческого языка должно было бы измениться число слогов: древнегреческий императив $\pi\rho\acute{o}\chi\eta\lambda\epsilon\iota$ должен был бы в праиндоевропейскую эпоху звучать, очевидно, как *pro k^uek^uledhi, так что весь стих должен был бы быть 8-сложным один во всем рассматриваемом отрезке текста. Между тем, для праиндоевропейской поэзии мы, очевидно, должны предполагать, исходя из общетипологических соображений, стихотворения (песни), состоящие либо из повторения однородных метрических единиц, либо из групп таких единиц, чередующихся с метрической единицей другого типа (припев). При этом каждая метрическая единица должна была быть, в принципе, также и смысловой единицей⁴⁵, как это обычно имеет место в ведийской поэзии⁴⁶.

Надо сказать, что трудность, которую мы сейчас отмечаем, в общем виде не ускользнула от внимания А. Мейе. Именно потому он отверг возможность использования для реконструкции праиндоевропейского стиха армянского материала, ссылаясь не только на то, что все классические армянские тексты являются прозаическими, но и на то, что праиндоевропейские словоформы подверглись в нем сильной деформации, в частности, в результате падения исхода слова⁴⁷.

Там, где мы можем проконтролировать процесс сохранения жесткой фольклорной метрической формы в условиях меняющейся слоговой структуры языкового материала, мы наблюдаем характерное явление: сохранение в поэзии архаических

⁴⁵ Nagy G. Comparative studies ... P. 145, n. 1.

⁴⁶ Renou L. Grammaire de la langue védique. Lyon, 1952. P. 87, 334.

⁴⁷ Meillet A. Les origines ... P. 13.

форм, позволяющих сохранить исконную структуру, или появление искусственных форм, позволяющих ее восстановить.

Такого рода реакцию устной поэзии на фонетические процессы мы обнаруживаем, в частности, в гомеровском эпосе⁴⁸ и в эстонских народных эпических песнях⁴⁹. Ничего подобного нет в эолийской поэзии, и у нас нет поэтому оснований думать, что она сохраняет сложившийся до фонетических преобразований жестко урегулированный стихотворный размер так, как пушкинские рифмы свидетельствуют о некоторых имевших место с начала XIX в. фонетических процессах. Сохранение фонетических архаизмов или появление искусственных форм является необходимым сопутствующим признаком сохранения силлабического размера в условиях меняющейся слоговой структуры. Так, в латышском народном 8-сложнике появились вставные *i*, или, по крайней мере, обязательная долгота последнего слога, ставшего трехсложным полустушия⁵⁰. Во французском языке фонетические изменения, сталкиваясь с силлабическим принципом стихосложения, приводили еще в средние века к разрешению гиаи и к сохранению *e* немого во имя постоянства числа слогов⁵¹. В славянских антифонах падение *ъ* и *ь* приводило либо к утрате равносложности⁵², либо к сохранению искусственно-архаического произношения⁵³.

Остается вопрос: могли ли метрические схемы переходить в дописьменную эпоху от одного поколения к другому, в то время как старые тексты, утратившие в ходе эволюции языка должную метрическую форму, отбрасывались? Предположение это представляется крайне неправдоподобным, пока ему не найдется убедительных типологических подтверждений.

Когда же вместо конкретного объяснения, как это могло произойти, говорят о стойкости метрической структуры, пережива-

⁴⁸См. в особенности: Meister K. *Homerische Kunstsprache*. Leipzig, 1921.

⁴⁹Krohn K. *Kalevalastudien*. I. Einleitung. *Folklore Fellows Communications* XVI. Helsinki, 1924. S. 56 f.

⁵⁰Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 17.

⁵¹Flescher J. French // *Versification. Major language types*. New York, 1972. P. 181.

⁵²Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 24-25.

⁵³Ильюшин А.А. Русское стихосложение. М., 1988. С. 6-7, со ссылкой на доклад Б.А.Успенского на Ломоносовских чтениях 1985 г. "Хомовое" пение как историко-лингвистическая проблема"; Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 195 сл.

ющей трансформацию языкового материала, я могу характеризовать такой подход только как попытку приписать структуре сверхъестественные свойства. Как обстоит дело в тех случаях, которые мы можем проконтролировать? 12-сложный латинский стих, видимо, подвергся сокращению в испанском стихе "arte maior"⁵⁴. Принятым можно считать происхождение итальянского силлабического 11-сложника из 12-сложного латинского стиха, преемника триметра⁵⁵. Из латинского средневекового 12-сложного стиха развился и французский 10-сложник⁵⁶. Особенно трудно оспаривать параллельное развитие итальянского 11-сложника и французского александрийского стиха из средневековых латинских ритмов типа: O, lux beata Trinitas | et principalis unitas etc⁵⁷.

Как мы видим, неубедителен сам исходный пункт построений А.Мейе — генетическое сближение 8-сложных ведийских пада и 8-сложных волийских размеров.

К сожалению, познакомившись в 1929 г. с первыми идеями Р.Якобсона о возможных праиндоевропейских корнях славянского фольклора, А.Мейе одобрил общее направление его поисков⁵⁸. Р.Якобсон стал продолжать свои исследования и, в конечном счете, работа А.Мейе об индоевропейском происхождении греческих стихотворных размеров оказалась отправным пунктом для целого, на наш взгляд, ошибочного направления в индоевропеистике. Ссылаясь на работы А.Мейе, Р.Якобсона, К.Уоткинса, М.Уэста, Г.Надя, Нильс Берг уже говорит об установившемся согласии относительно основных характерных черт праиндоевропейского стиха. Его следует представлять себе в виде слогосчитающего квантитативного стиха со свободной

---

⁵⁴ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 133.

⁵⁵ Там же. С. 117–118.

⁵⁶ Там же. С. 121.

⁵⁷ Там же. С. 126; Becker Ph.A. Über den Ursprung der romanischen Versmasse. Strassburg, 1890. S. 46; Ovidio, Fr. d' *Versificazione italiana e arte poetica medioevale*. Milano, 1910. P. 328–344; Verrier P. *Le vers français*. T. 2. Paris, 1932. P. 64; Burger A. *De Virgile a Guillaume IX* // *Bibl. d'humanisme et renaissance*. XIII. 1951. P. 128; Burger E. *Recherches sur la structure et l'origine des vers romans*. Genève, 1957. P. 125, 131–137.

⁵⁸ См. цитату из письма Мейе: Jakobson R. *Slavic epic verse*. P. 463. — Р.Якобсон считал несогласных с этим направлением "отставшими от современной науки": Jakobson P.O. *Ретроспективный обзор работ по теории стиха* // *Якобсон Р. Избранные работы*. М., 1985. С. 243 (= R.Jakobson. *Selected writings*. V. The Hague. Paris, 1979. P. 569–602.)

первой частью (Vorstück) с упорядоченной, преимущественно ямбической, каденцией — — —, которая может иметь также и каталектическую форму — — —. При этом основополагающее значение имел восьмисложник × × × × — — —⁵⁹. Ева Тихи считает даже, что и эпическая шлока древнеиндийской поэзии (нормальная форма × × × × — — — — × × × × — — —), встречающаяся редко в Риг-Веде, но обычная в Атарва-Веде, может быть не результатом вторичного развития по отношению к ануштубху, а архаизмом, восходящим к праиндоевропейской эпохе и находящим себе соответствие в греческом большом асклепиадовом стихе, применявшимся в первую очередь в застольных песнях (Trinklieder): (× × — — — — — — — — — — ×)⁶⁰.

Возражал против неосторожных метрических реконструкций Вольфганг Мейд⁶⁴. В результате Уоткинс занял более осторожную позицию и признал, что "иерархическая зависимость метрической формы от фонологической и фонетической делает невозможной реконструкцию метрики; на наш взгляд, следует довольствоваться наблюдениями над отдельными повторяющимися сходствами, подтверждающими гипотезу общего прототипа, не стремясь при этом к слишком узкому определению этого прототипа"⁶⁵. С такой формулировкой мы вполне можем согласиться.

⁶⁰Tichy E. Op. cit. S. 57.

⁶¹ Watkins K. Indo-European metrics and archaic Irish verse // *Celtica*, 1963. Vol. 6. P. 194-249.

⁶²Dunn Ch.W. Celtic // Versification. Major Language types / Ed. by W.K.Wimsatt. New York, 1972. P. 136. №2.

⁶³ Campanile E. 1) *Ricerche di cultura poetica indoeuropea*. Pisa, 1977; 2) *Indogermanische Metrik und altirische Metrik / Zeitschrift für celtische Philologie*. 1979. Bd 37. S. 174–202.

⁶⁴Meid W. *Dichter und Dichtkunst in Indogermanischer Zeit*. Innsbruck, 1978.

⁶⁵ Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 452. (Watkins C. Aspects of Indo-European

Энрико Кампаниле приводит убедительные доводы в пользу того, что техника стихосложения в праиндоевропейскую эпоху была весьма примитивной, так что единственная, по его мнению, общая для древнейшей метрики различных индоевропейских народов черта — не вполне последовательный изосиллабизм — вероятно, была главным формообразующим метрическим принципом индоевропейской поэзии, не знавшей других ограничений метрической структуры⁶⁶.

На возможности реконструкции некоторого количества праиндоевропейских поэтических формул и, в то же время, на надежности всех реконструкций индоевропейских стихотворных размеров настаивает английский исследователь Брау⁶⁷.

Совсем особую позицию в этом вопросе занимал Ежи Курилович, который, ссылаясь на ряд различий между принципами древнегреческой и древнеиндийской квантитативной метрики, сомневался в их общем происхождении от праиндоевропейского квантитативного стиха, считая более правдоподобным их параллельное развитие из общеиндоевропейского стиха, основанного, по его мнению, на чередовании ударных и безударных слогов⁶⁸, что, конечно, связано с не нашедшим поддержки среди исследователей отрицанием им музыкальной природы праиндоевропейского ударения⁶⁹. Кроме того, пытаясь связать различные типы стихосложения с относящимися к определенным периодам в истории соответствующих языков законами сандхальных явлений, Курилович относил к разным эпохам самостоятельное становление греческой и древнеиндийской метрики, считая греческую гораздо более поздней. Сомнительным казалось ему и более или менее общепринятое предположение о том, что древнеиндийский и греческий могли сохранить праиндоевропейские метрические принципы, утраченные близкой к индийской иранской ветвью.

Надо сказать, что предостережения Куриловича о том, что внешнее сходство стиха не гарантирует генетического родства, вполне справедливы, но, на наш взгляд, непоправимым поро-

---

poetics // *Indo-European Studies IV*, Cambridge, 1981. P. 765–799).

⁶⁶ Campanile E. *Indogermanische Metrik* ... S. 174–202.

⁶⁷ Brough: Рец. на: Nagy G. *Comparative studies* ...

⁶⁸ Kurilowicz J. *Metrik und Sprachgeschichte*. Wrocław, 1975. S. 15, 235–240.

⁶⁹ Kurilowicz J. *L'accentuation des langues indo-européennes*. 2-ième éd. Wrocław; Krakow, 1958.

ком схемы Куриловича является ее неспособность ответить на вопрос: неужели в греческом и ведийском могли сохраниться принимаемые также и Куриловичем праиндоевропейские поэтические формулы, если при отпочковании греческого и древнеиндийского произошла коренная ломка системы ударения и принципов стихосложения?

В то же время попытки реконструкции праиндоевропейской метрики вызвали и вполне естественные и обоснованные сомнения. Успехи сравнительного индоевропейского языкознания основываются на том, что языковой знак в принципе является немотивированным и число фонем в индоевропейских языках и их возможных комбинациях таково, что возможность случайного появления регулярных звуковых соответствий во многих группах слов со сходным значением совершенно исключается. Совсем иначе обстоит дело со стихотворными размерами. В частности, число возможных по общетипологическим условиям различных вариантов несложного квантитативного стиха, который мы можем считать близким к праиндоевропейскому, во все невелико. Следовательно, сходные стихотворные размеры, даже если исключить возможность заимствования, могут легко быть результатом независимого возникновения.

Остановимся подробнее на попытках использовать для реконструкции праиндоевропейской метрики стихосложение фольклора славянских народов, попытках, связанных прежде всего с именем Р.Якобсона. В центре его построений находится силлабический стихотворный размер сербского народного эпоса из десяти слогов с диэрезой после четвертого слога, так называемый десетерац. Еще в 1929 г. Р.Якобсон высказывал сомнения в автохтонности и древности десетерца⁷⁰. Однако уже в 1932 г. он присоединяется к гипотезе Срезневского о праславянском эпическом 10-сложнике⁷¹, который он тут же пытается возвести к праиндоевропейскому прототипу⁷². Р.О.Якобсон заходит так далеко, что и сохранившееся в русской Начальной Летописи

⁷⁰ Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber // Slavistische Studien F.Spina zum 60. Geburtstag von seinen Schülern dargebracht. Reichenberg, 1929. S. 7–20 (= Jakobson R. Selected writings. Vol. IV // Slavic epic studies. The Hague; Paris, 1966. P. 19–37).

⁷¹ Срезневский И. 1) Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 84; 2) Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен // Известия II отделения Имп. Академии наук, 1860–1861. Т. IX, С. 346 сл.

⁷² Jakobson R. Über den Versbau ... // Archives néerlandaises de phonétique

фо — каталектический 11-сложник из десяти слогов без диэрезы. Весьма приблизительной оказывается и близость каденций десетерца и волийских размеров.

Отмечаемая Якобсоном близость десетерца с литовским народным десятисложником с диэрезой после четвертого слога вполне объяснима типологическим сходством⁷⁷. Если же мы обратим внимание на то, что доминирующим размером литовской народной песни является 8-сложник, наряду с которым существуют и 7-, 6- и 5-сложные короткие размеры⁷⁸, становится ясно, что литовский материал для реконструкции праиндоевропейского стиха не дает ничего.

Далее, для того, чтобы подкрепить свою гипотезу, что русский былинный стих восходит к 10-сложнику, Р.О.Якобсон ссылается в частности и на близость стиха северно-русских и сербо-хорватских причитаний⁷⁹, но это сходство оказывается весьма приблизительным. Когда же Р.О.Якобсон ссылается на то, что некоторые стихи русской былины в точности воспроизводят структуру южнославянского 10-сложника — десетерца, очень близкого, по мнению Р.О.Якобсона, к праславянскому эпическому стиху, что они воспроизводят, в частности, цезуру после четвертого слога, трудно даже понять, как это совпадение вообще можно считать уместным аргументом. Ведь естественно, что в трехиктном тактовике со свободной цезурой — стихе русской былины — естественно должны в каком-то числе случаев встречаться и 10-сложные стихи с цезурой после четвертого слога.

В тексте былины "Первая поездка Ильи Муромца, Илья и Соловей-разбойник", записанном в селе Павлово Нижегородской губернии⁸⁰, почти лишенном не несущих смысловых функции частиц, а потому состоящем из несколько более коротких стихов, на 264 стиха мы находим всего 37 стихов 10-сложных, а из них только 10 с цезурой после 4-го слога. Во многих других былинных вариантах эта пропорция окажется еще меньше.

---

⁷⁷Поразительно, что ни в одной из всех своих работ, посвященных славянскому народному стиху, Р.О.Якобсон ни разу даже не взвешивает вопрос о том, не является ли то или иное сходство типологическим.

⁷⁸Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 19 сл.

⁷⁹Jakobson R. Slavic epic verse ... Р. 427-433.

⁸⁰Киреевский И. Песни. Вып. 1. С. 34-39 // Былины / Подг. текста В.Я.Проппа и Б.Н.Путилова. Т. 1. М., С. 127-132.

Р.О.Якобсон противопоставляет друг другу гипотезы А.Вайяна⁸¹ о происхождении десетерца из византийского 12-сложника через 12-сложник церковнославянский и гипотезы Халанского и Шишманова о средневековом латинском стихе (4 + 6) и романских 10-сложниках как источнике десетерца. При этом он подчеркивает произвольность и неправдоподобие ряда допущений Вайяна, но его собственное объяснение наталкивается на аналогичные трудности⁸². И А.Мейе и последовавший за ним Р.О.Якобсон впадают в то же заблуждение, за которое Якобсон сам вполне справедливо критикует А.Вайяна, выведившего стих бугарштицы предположительно⁸³ из византийского 15-сложного стиха: "Византийский стих ямбичен, бугарштица тяготеет к трохайности. Конечно, можно объяснять расхождения сербо-хорватскими модификациями (30 следд.), однако в чем же сходство обоих размеров? — 15 слогов в одном случае, некоторая склонность к пятнадцатисложности в другом, но ведь на свете существует немалое количество пятнадцатисложных размеров, естественно членящихся на два полустишия. Мастерски владеющий методологическими приемами сравнительно-исторического языковедения Vaillant никогда не построил бы на таком шатком основании гипотезу о словарном или грамматическом заимствовании"⁸⁴.

Точно так же, как голословное утверждение, рассматривал Р.Якобсон и предположение о связи между первоначальным десетерцем и размером духовных стихов⁸⁵. Мы видим, что Р.О.Якобсон, к сожалению, затем отказался от этой крайне необходимой в генетическом стиховедении осторожности. Во всяком случае, идея о том, что общим предком размеров славянского эпоса является 10-сложный стих, представителем которого служит сербохорватский десетерац⁸⁶, не находит общего признания у славистов: против нее, в частности, возража-

⁸¹ Vaillant A. Les chants épiques des Slaves du Sud. Paris, 1932.

⁸² Якобсон Р. Новый труд о югославянском эпосе. С. 44.

⁸³ Р.Якобсон пишет "уверенно", но сам добавляет из оригинала в скобках *sans doute* (Там же. С. 45).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Кроме упомянутых статей Р.О.Якобсона см. еще: Трубецкой Н.С. К вопросу о стихе русской былины // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 352-358 (Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu: Z zagadnień poetyki. №6. Wilno, 1937. P. 100-110).

ет К. Горалек, настаивающий на большей древности былинного стиха⁸⁷.

Есть ли, в самом деле, убедительные следы происхождения стиха русской былины из 10-сложного стиха? По мнению Р.О.Якобсона, следом первоначального изосиллабизма является у поморских сказителей "склонность прославлять группы согласных редуцированными гласными"⁸⁸. Чтобы проложить мост от постулируемого им общеславянского 10-сложника к стиху русской былины, Р.О.Якобсон выделяет былинную "Вавило и скоморохи", написанную размером с преобладанием десятисложных строк хореического ритма. Между тем сам Р.О.Якобсон в 1929 г., опираясь также и на содержание былины, сближает ее совсем с другим жанром русского фольклора — духовным стихом⁸⁹. Возникает естественное сомнение в правдоподобности генетической общности между югославянским десертцем и стихотворным размером русского духовного стиха, но Р.О.Якобсон не высказал по этому поводу каких-либо соображений, а в 1932 г. включил в это сопоставление сокращенный былинный стих типа песни "Ино Гриша Отрепьев расстрига"⁹⁰. Наконец в 1952 г., говоря о размере "Вавилы и скоморохов", уже не упоминает о возможности связи этой былины с духовным стихом и включает ее в общую схему происхождения стиха русской былины от общеславянского 10-сложника⁹¹.

На трансформации изосиллабического 10-сложника в былинный стих останавливается подробнее Н.С.Трубецкой⁹². Н.С.Трубецкой связывает эту трансформацию стиха с переходом русского языка во второй половине XII — первой половине XIII в. от музыкального ударения к ударению экспираторному. Музыкальное ударение, по его мнению, не играло никакой ро-

---

⁸⁷ Horálek K. K charakteristice slovanského verše folklorního // Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury. (Praha). 1961. S. 89–98.

⁸⁸ Якобсон Р.О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Selected writings. Vol. IV. The Hague; Paris, 1966. P. 531–532.

⁸⁹ Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung ... P. 34. — Р.О.Якобсон, сближая эту былинную с духовным стихом, последовал за Б.М.Соколовым. См.: Соколов Б.М. О житийных и апокрифических мотивах в былинах // Русский филологический вестник. 1916.

⁹⁰ Jakobson R. Über den Versbau ... P. 59.

⁹¹ Jakobson R. Slavic epic verse ... P. 434–437.

⁹² Скептически относился к изосиллабичности предшественника стиха русской былины Е.Курилович (Kuryłowicz J. Metrik und Sprachgeschichte. S. 179).

ли в силлабическом стихе, а когда после перестройки системы ударения и, соответственно, стихосложения, оно стало функционировать как конституирующий элемент стиха, потребности сохранения стиха заставили в ряде случаев ударение сдвинуться на слоги, где оно никак не могло стоять по законам языка. Появились ударения: богатырь, князя-бояры, серебро, копье и т.д. В то же время следами первоначального строгого изосиллабизма являются в текстах былин многочисленные лишние для смысла словечки типа *ведь, же, то, еще, кабы, уж, да* и т.п., увеличивающие число слогов в стихе⁹³.

Для того, чтобы попытаться проверить эту гипотезу, рассмотрим былины заведомо позднего происхождения, ибо, несмотря на большой консерватизм эпического стиля, опыт изучения эпоса других народов, в особенности гомеровского, показывает, что следы древних языковых трансформаций вытесняются в ходе развития эпического творчества и, как правило, тем менее заметны, чем позднее возник памятник. Возьмем заведомо позднее былинное образование "Про Рахту Рагнозерского", созданное в XVIII в.⁹⁴. Мы обнаруживаем в нем обширный репертуар словечек, лишних для смысла⁹⁵:

Как во той **ли** губернии во Олонецкой (ст. 1)

Ай во том уезде во Пудожском (ст. 2)

Как родился удалой добрый молодец (ст. 5)

А стал тут молодец растеть-матереть (ст. 10)

И занялся он промыслом крестьянским, и т.д. (ст. 11)

Всего на 283 стиха мы находим 178 стихов со словечками, ничего не добавляющими к смыслу. Неужели и это наследие реформы стиха XII–XIII вв.? Невозможное ударение *мужиком* (ст. 159) объясняется естественно — давлением размера и аналогическим воздействием однокоренного "муж" — и не требует привлечения гипотез относительно эпохи, когда ударение не играло роли в стихе.

Полны лишних словечек "Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич"⁹⁶, "Женитьба Пересмякина племянника", записан-

⁹³Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 356–357.

⁹⁴Пропп В.Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958. С. 543, 597.

⁹⁵Рассматривается вариант: *П а р и л о в а и С о й м о н о в*. Былины Пудожского края, №42 // *Былины* / Подг. текста В.Я.Проппа и Б.Н.Путилова. Т. 11. М., 1958. С. 342–349.

⁹⁶О н ч у к о в. Печорские былины. №14 // *Былины*. Т. 11. С. 350–352.

ная от М.С.Крюковой и восходящая к повести петровской эпохи "Гистория о российском матросе Василии Кориотском ..."⁹⁷ и ряд других записей.

Обращаясь теперь к былине "Илья Муромец и Соловей-разбойник", принадлежащей к киевскому циклу и по разным признакам одной из древнейших, обнаруживаем следующую картину. В варианте, записанном В.Фаворским в селе Павлово Нижегородской губернии⁹⁸, лишние словечки почти отсутствуют. В то же самое время вариант, записанный от П.И.Рябинина-Андреева⁹⁹, демонстрирует такого рода слова в изобилии. Среди вариантов древнейшей по содержанию былины "Богатыри на заставе. Бой Ильи Муромца с сыном" выделяется вариант, записанный в Шенкурском уезде Архангельской губернии, почти полностью свободный от интересующих нас лишних слов¹⁰⁰. Конечно, запись Е.Фаворского и вариант из собрания Киреевского, упомянутые выше, можно было бы, вообще говоря, заподозрить в возможных пропусках при записи такого рода "лишних" словечек, как нам любезно напомнил С.Н.Азбелев. Однако более надежные записи Гильфердинга или Астаховой дают нам ту же картину.

Так, в публикации Гильфердинга среди записей от Петра Калинина, рядом с №1 и №3, широко использующими "лишние" слова, мы находим вариант былины "Садко, Вольга и Микула", почти свободный от них¹⁰¹. Очень мало их и в варианте "Калика-богатырь", записанном от Трифона Суханова¹⁰². В позднем собрании А.М.Астаховой рассматриваемые нами заполнители стиха сведены к минимальному количеству в №60, 69, 83, 96, 104, 111, 113, 122, 123, 129, 166¹⁰³.

Таким образом, эти слова "заполняющие" стих, выступают в былинной традиции не как архаизм, а как своеобразная принадлежность стиля былины, которая может наличествовать, а

⁹⁷Марков А.В., Богословский А.Л., Богословский В.А. Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1905. №8.

⁹⁸Киреевский. Песни. Вып. 1. С. 34-39. // Былины ... Т. 1. С. 127-132. Ср. выше.

⁹⁹Былины П.И.Рябинина-Алексеева / Подготовка текстов В.Базанова. Петрозаводск, 1932. №2 // Былины ... Т. 1. С. 133-140.

¹⁰⁰Песни, собранные Киреевским П.В. Вып. 1. М., 1980. №1.

¹⁰¹Онежские былины. Т. 1. М.;Л., 1949. №2. С. 101-110.

¹⁰²Там же. Т. 3. М.-Л., 1951. №207. С. 59-62.

¹⁰³Былины Севера / Зап. А.М.Астаховой. Т. I. М.; Л., 1938; Т. II. М.; Л., 1951.

может и почти отсутствовать. Каково ее происхождение? Изучение живого эпического творчества южных славян¹⁰⁴ и других народов, у которых оно еще не угасло¹⁰⁵, показало, что в эпоху расцвета эпоса песнь создается ее творцом в ходе импровизации на основе традиционного материала. Необходимость импровизировать в заданном стихотворном размере заставляет певца или сказителя широко использовать готовые клише, так называемые эпические формулы, а в случае метрических затруднений вставлять в стих всегда имеющиеся наготове нейтральные, везде возможные слова. Очевидно, здесь имеет значение и тот выигрыш во времени, который дает произнесение этих слов, даря лишние секунды для импровизации дальнейшего текста.

Так обстоит дело и в русском былинном эпосе. Известны два варианта исполнения былины "Дунай" Рябиным старшим — нормальный и облегченный, приведенный к хореическому размеру при помощи вставки частиц и искусственного растягивания слов. М.Л.Гаспаров убедительно показывает, что вставка частиц и в других случаях является средством облегчения импровизации. Когда сказителя просят диктовать, он обычно опускает частицы, приводя тем самым ритм былины к более трудному ритму тактовика или акцентного стиха¹⁰⁶. Следовательно, мы не имеем оснований объяснять имеющееся в былинах обилие нейтральных по смыслу словечек как наследие радикальной трансформации былинного стиха в Киевскую эпоху.

Еще менее убедительна схема Р.Якобсона, по которой десятисложник былины "Вавило и скоморохи" ближе всего к общеславянскому стиху, а следующим этапом был переход к стиху с дактилическим окончанием за счет прибавления одного слога. Так возникает одиннадцатисложник, который, по Якобсону, стал нормальной формой стиха былины¹⁰⁷. Но именно это положение вступает в противоречие с методическим исследованием былинного стиха М.Л.Гаспаровым, установившим, что вари-

---

¹⁰⁴ Parry M. The making of Homeric verse. Ed. by A. Parry. Oxford, 1977; Lord A.B. The singer of tales. Cambridge, 1960.

¹⁰⁵ Жирмунский В.М. 1) Тюркский героический эпос. Л., 1974; 2) Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979; Chadwick H.M. and N.K. The growth of literature. Vol. I-III. Cambridge, 1932-1940; Bowra C.M. Heroic poetry. London, 1952.

¹⁰⁶ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. С. 29-31.

¹⁰⁷ Jakobson R. Slavic epic verse ... P. 434-444.

ции в числе безударных интервалов первичны, а приближение в хореическому размеру вторично¹⁰⁸. С нашей точки зрения, гипотеза развития русского былинного стиха из праиндоевропейского через 10-сложник представляется лишенной подкрепления фактами. Она даже не очень правдоподобна, если исходить из общих положений.

В древнегреческой поэзии для пословиц в стихотворной форме существовал размер, называющийся эноплием. Его метрическая схема такова: $\asymp(\cup)-(\cup)\asymp-(\cup)\asymp-(\cup)\asymp$.

Он восходит несомненно к древнейшему фольклору¹⁰⁹, и уже Т.Бергк не без оснований считал эноплий древнейшей формой греческого стиха¹¹⁰. В схеме эноплия три обязательных долгих слога с весьма свободными базисом, каденцией и промежутками. Перед нами эквивалент русского былинного стиха, но только в квантитативной системе стихосложения, так что три долгих слога представляют собой тот самый костяк стиха, каким являются три икта в русском былинном.

Является эта близость типологической или генетической, сказать трудно. Осторожнее было бы думать о типологической общности, учитывая, что такой стих нередок и в фольклоре неиндоевропейских народов, и уж во всяком случае нельзя использовать русский материал для подкрепления гипотезы об изосиллабическом характере праиндоевропейских стихотворных размеров.

Фридрих Лео, считавший сатурнов стих квантитативным, пытался вывести его из совокупности двух праиндоевропейских 8-сложных пада¹¹¹. Сейчас сатурнов стих пытается вывести из праиндоевропейского Т.Коул¹¹². Однако построения Коула зыбки уже по одному тому, что мы, в сущности, не знаем природы сатурнова стиха¹¹³. Против привлечения сатурнова стиха к реконструкции праиндоевропейского возражал уже сам А.Мейе¹¹⁴.

¹⁰⁸Гаспаров М.Л. Русский былинный стих ...

¹⁰⁹Wilamowitz-Moellendorf U. von. Griechische Verskunst. S. 376-383.

¹¹⁰Bergk Th. Op. cit. P. 392-408.

¹¹¹Leo Fr. Der saturnische Vers. Berlin, 1905.

¹¹²Cole A.T. The Saturnian verse // Yale classical studies. 1969. Vol. 21. P. 3-73.

¹¹³Koster W.J.W. Versus Saturnius // Mnemosyne. 1929. n.s. Vol. 57. P. 267-246; Groot A.W. de. Revue des Études Latines. T. 12. 1934. P. 117-139, 284-312; Beare W. Latin Verse ... P. 114-131.

¹¹⁴Meillet A. Les origines ... P. 15.

Сиверс также пытался вывести из предполагаемой праиндоевропейской восьмисложной пада четырехсложные полустроки древнегерманского стиха¹¹⁵.

Сторонники гипотезы праиндоевропейского изосиллабизма прилагают большие усилия для того, чтобы обосновать праиндоевропейское происхождение древнегерманского аллитерирующего стиха, но мнение большинства германистов остается скептическим¹¹⁶.

Трудности возведения древнегерманского стиха к силлабическому праиндоевропейскому видит и такой сторонник силлабического индоевропейского стихосложения как М.Л.Гаспаров¹¹⁷. (То же самое можно сказать и о знакомой нам только по краткому резюме на русском языке попытке вывести непосредственно из праиндоевропейских размеров 7- и 8-сложный древнеармянский стих¹¹⁸, предпринятой С.Б.Арутюняном.) Применительно к южнославянским языкам М.Л.Гаспаров пишет: "В X-XIII вв. в славянских языках происходит "падение еров", редукция и исчезновение кратких гласных в определенных позициях, а соответственно и слогов с ними. Стихотворные тексты, которые до падения еров были равносложными, после падения еров оказывались неравносложными, и ощущение размера терялось или менялось"¹¹⁹. Но вывод М.Л.Гаспарова: "Южнославянским языкам удалось восстановить равносложность стиха, по-видимому, потому, что в них сохранилась древняя система высотных ударений на каждом слоге: сохранение высот помогло сохраниться слогам"¹²⁰ — вызывает недоумение.

Что могло произойти с постулируемым праиндоевропейским квантитативно-изосиллабическим стихом (т.е. стихом, в котором четко урегулировано число слогов в стихе)? Либо размер

---

¹¹⁵Sievers E. *Altgermanische Metrik*. 2 Aufl. durchges. v. Fr.Kaufman und H.Gering: Strassburg, 1905 (= *Grundriss der germanischen Philologie*. Hrg. v.H.Paul. 2. Aufl. Bd II. F.2).

¹¹⁶Смирницкая О.А. 1) Индоевропейское в германской поэзии? // Эпос Северной Европы: Пути эволюции. М., 1986. С. 5-48; 2) Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1988. С. 14-15; Kabell A. *Metrische Studien*. I: Der Alliterationsvers. München, 1978. S. 7.

¹¹⁷Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 13-38.

¹¹⁸Арутюнян С.Б. Отражение некоторых особенностей индоевропейской метрики в древнеармянской поэзии и фольклоре // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1987. №4. С. 60.

¹¹⁹Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 23.

¹²⁰Там же. С. 23-24.

должен был нарушиться, либо, как это было при слияниях в греческом гексаметре, должны были сохраниться архаические формы, могли возникать и искусственные. Самое невероятное — сохранение прежнего числа слогов в стихе, которое сделало бы неизбежным наполнение его новым содержанием: сохранение прежней метрической схемы с заменой, так сказать, "материи стиха" на новую. Это настолько невероятно, что ни Якобсон, ни его последователи не решаются высказать такую гипотезу *expressis verbis*.

Совершенно так же обстоит дело с ирландским материалом, с той только разницей, что там слоговая структура праиндоевропейского слова оказалась нарушенной в еще большей мере, чем в языках славянских, что должно было сделать консервацию стихотворного размера еще более трудной¹²¹.

К. Уоткинс в 1963 г. признавал окончание дактилического гексаметра — — — — — родственным окончанию южнославянского 10-сложника и видел в этой каденции характерную черту праиндоевропейского метра¹²². В 1981 г. он несколько изменил свою позицию. Принимая соображения Е. Куриловича и В. Мейда¹²³ о том, что точная реконструкция праиндоевропейских стихотворных размеров невозможна¹²⁴, он идентифицирует метрически каденции ведийских триштубхов *dirghaśrúḍ iyarti* (RV 7, 61, 2b) и *kaviśastá r̥ghāṽan* (RV, 1, 152, 2b) с гомеровской праиндоевропейской формулой $\chi\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma \ \acute{\alpha}\phi\theta\iota\tau\omicron\nu \ \xi\sigma\tau\alpha\iota$. При этом он отмечает аналогично поучительный характер этих концовок, а, главное, принимает метрическую эквивалентность одного долгого $\bar{d}\bar{i}r$ - двум кратким $\chi\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ ¹²⁵.

Ж. Ритоок, принимая теорию Мейе за отправной пункт, затем допускает отсутствие строгого изосиллабизма в праиндоевропейской поэзии, в то время как вся аргументация Мейе сосре-

¹²¹ Все эти соображения М. Л. Уэст справедливо принимает для германского стиха (См.: Уэст М. Л. Указ. соч. С. 498–490), но забывает о них, когда речь идет о стихе кельтском и славянском.

¹²² Watkins C. *Indo-European metrics* ... P. 199–202.

¹²³ Kurilowicz J. 1) *Metrik und Sprachgeschichte*; 2) *The linguistic foundations of metre* ... P. 63–72; Meid W. *Dichtung und Dichtkunst in Indogermanischer Zeit* // *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 1978.

¹²⁴ Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики. С. 451–473 (= Watkins C. *Aspects* ... P. 765–799).

¹²⁵ Там же. С. 465.

доточена именно вокруг этого допущения¹²⁶.

Строгий изосиллабизм праиндоевропейского стиха представляется неправдоподобным и по общетипологическим соображениям. Во всяком случае, В.М.Жирмунский, владевший огромным материалом из ряда языковых семей, писал с полной уверенностью: "Устный народный силлабический стих, в частности стих эпический, никогда не достигает полной равносложности: изосиллабизм в таком стихе имеет лишь приблизительный характер"¹²⁷.

Таким образом, подводя итоги рассуждениям настоящей главы, мы вынуждены, как нам кажется, признать, что мы знаем о праиндоевропейском стихе значительно меньше достоверного, чем представляется большинству исследователей, последовавших за А.Мейе. Истина находится посередине между уверенными реконструкциями А.Мейе, Р.Якобсона и их последователей и радикальным скептицизмом Ф.Е.Корша, писавшего в 1906 г.: "... нечего и думать о какой-то науке сравнительного стихосложения индоевропейских языков. Если такая наука мыслима, то с точки зрения не истории, обусловленной взаимным родством, а физиологии речи и отчасти в целях исследования культурных влияний. Но такому сравнительному изучению разных видов стихотворного склада незачем ограничиваться индоевропейскими языками"¹²⁸.

---

¹²⁶ Ritoók Zs. Vermutungen zum Ursprung ... S. 3, 7. Anm. 23.

¹²⁷ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. С. 650.

¹²⁸ Корш Ф. Введение в науку о славянском стихосложении: Статьи по славяноведению / Под ред. В.И.Ламаанского. Вып. 11. СПб., 1906. С. 311.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЕКСАМЕТРА

Когда ставится вопрос о происхождении тех или иных стихотворных размеров поэзии какого-нибудь народа, нужно прежде всего отдать себе отчет в том, какой ответ мы можем ожидать и какими методами его искать. Дело в том, что весь ход исследования коренным образом зависит от природы стихотворного размера, от степени его урегулированности.

Возьмем стих русской былины, для которого характерны три ударения в стихе, а количество безударных, в особенности между ударными, может колебаться¹. В.Е.Холшевников приводит такой пример двух одинаково правомерных вариантов стихов:

Как во стольном во городе во Киеве,
У великого князя у Владимира ... ;

Как во стольном городе Киеве,
У великого князя Владимира ...

Три или два безударных между ударными, два или один — эти различия оказываются несущественными для стиха².

Чем же определяются существенные характеристики былиного стиха? Основой его является чередование ударных и безударных слогов. Это определяется природой русского ударения: оно не музыкальное и подвижное, — а в языках с таким ударением оно естественно становится основным формообразующим элементом стиха. Силлабическое стихосложение в таких

¹Хоралек признает его наиболее архаическим из всех типов славянского народного стиха: Horálek K. K charakteristice slovanského verše folklorního // Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury. (Praha), 1961. P. 89–98.

²Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л., 1972. С. 14.

языках не приживается, даже если оно тем или иным способом в них появляется. Количество иктусов явно определяется удобством произнесения одного стиха на одном выдохе: стих размером до 12 слогов, как показывают экспериментальные данные, легко произносится на одном дыхании, а три ударения на такое количество слогов представляют собой среднюю норму³.

Перед нами тип стиха, в максимальной степени определяемого внешними условиями: физиологией речи и звуковым строем языка, и пока еще минимально урегулированного в ходе развития средств художественной выразительности. Такой стих мы встречаем и в фольклоре ряда народов, звуковой строй языка которых аналогичен русскому, например, в немецком фольклоре.

Развитие двух сравнительно четко урегулированных типов тюркского эпического стиха в результате "более поздней дифференциации древнего стиха с более широким диапазоном колебаний в числе слогов" предполагал В.М.Жирмунский⁴. Аналогичные процессы происходили, по его мнению, и при формировании финно-угорского эпического стиха⁵. Очевидно, то же свойство слабой урегулированности и мотивированности звуковым строем языка надо постулировать и для примитивного стиха, основанного на противопоставлении долгих и кратких слогов, возникавшего там, где существовало фонологическое противопоставление долгих гласных кратким.

Таков был, очевидно, сатурнов стих — три вершины в виде долгих слогов при неопределенном количестве кратких или долгих в слабом времени (тесное объединение двух половинок, каждой из которых хватает на один выдох, очевидно, представляет собой уже результат специфического развития). Приближаются к этому типу и 11- и 12-сложные стихи ведийской поэзии, в которых, однако, средний и конечный элементы более или менее урегулированы и лишь начальный элемент сохраняет следы исконного состояния: он почти произволен, может состоять из четырех или пяти слогов, но в нем невозможны три или четыре кратких подряд — это нарушило бы естественное чередование сильных элементов (долгие) и слабых (краткие). Очевидно, все

---

³Вполне удовлетворяют требованию "стих на одно дыхание" обычные размеры русской поэзии: 4-стопный хорей, 4- и 5-стопный ямб.

⁴Жирмунский М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 651 сл., ср. с. 666–669.

⁵Там же. С. 666–668.

наши попытки проследить эволюцию каких бы то ни было стихотворных размеров в лучшем случае приведут нас к исходной форме слабо урегулированного стиха "на одно дыхание" с фиксированным числом "сильных слогов".

Если мы хотим идти дальше, то перед нами встает общая лингвистическая проблема возникновения ритмизированных форм речи: она не имеет отношения к истории конкретных языковых семей. Судя по тому, что уже с начала верхнего палеолита мы находим на утвари ритмически организованные узоры (в простейшем случае, например, последовательности три коротких штриха, затем один длинный, и так несколько раз), можно предполагать тенденцию ритмизации речи в какие-то эмоционально выделенные моменты с начала верхнего палеолита. Этой проблемой мы здесь заниматься не будем, речь пойдет только о том, как из примитивного стихотворного размера, по удачному, как нам кажется, выражению исследователя русского фольклорного стиха О.И.Федотова, из "эмбриональной стихопрозы"⁶ сложился четко урегулированный размер греческой метрики — гексаметр.

Прежде чем приступать непосредственно к соответствующим разысканиям, мы должны сделать следующее важное замечание. Неоднократно высказывалось мнение, в частности Ф.Е.Коршем, применительно к русской народной поэзии⁷, о том, что основой ритмической структуры древнейшей фольклорной поэзии был не текст, а музыкальная мелодия. Вопрос это имеет самое прямое отношение к истории гексаметра, ибо, как известно, для эпохи греческого эпического творчества характерна обязательность музыкального сопровождения на струнном инструменте, которая исчезла, когда творцов-аэдов сменили исполнители-рапсоды⁸. Однако наблюдения над примитивной музыкой не подкрепляют догадки тех исследователей, которые считают, что ритм древнейшего стиха упорядочивался в пер-

---

⁶Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981. О.А.Смирницкая называет аналогичное явление прото-стихом: Смирницкая О.А. Древнейшие рунические надписи как памятник протостиха // Эпос Северной Европы: Пути эволюции. М., 1989. С. 39–68.

⁷Корш Ф.Е. О русском народном стихосложении // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук. СПб, 1901. Т. 67. №8.

⁸Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. Aufl. 4. Stuttgart, 1965. S. 60 f; Kirk G.S. The songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 313–314.

вую очередь музыкальным сопровождением: ритм в музыке упорядочивается как правило поздно⁹.

В изысканиях такого рода кардинальное значение имеют два вопроса: не был ли гексаметр заимствован греками в более или менее сформировавшемся виде у какого-либо народа, с которым греки вступали в контакт, и, если это не имело места и гексаметр сформировался в ходе органического развития, то к какому времени надо отнести его формирование, в частности, не восходят ли его корни к праиндоевропейской эпохе и к какому времени надо отнести его отдаленного предка, принадлежавшего уже к категории "эмбриональной стихопрозы".

Ряд исследователей считает, что греки заимствовали гексаметр от одного из народов, с которым они общались в древнейшие времена. Так, заимствованным считал гексаметр Карл Мейстер¹⁰. Заимствованным считал гексаметр, в отличие от эолийских размеров, которым он приписывал праиндоевропейское происхождение, Антуан Мейе¹¹. Заимствованным считала гексаметр и английский археолог Х.Лоример¹².

Грузинский исследователь П.Берадзе выдвинул гипотезу об общем происхождении греческого гексаметра и грузинского традиционного размера дабалишаири от стихотворной техники неиндоевропейских племен Эгеиды, Анатолии и Кавказа. Его идеи поддержали Р.Гордезиани и Дж.Бардвелидзе¹³. Заимствованием считают гексаметр К.Уоткинс и А.Хукстра¹⁴.

В недавнее время, после того как элементы метрической организации (весьма скромные, надо сказать) были обнаружены в хеттских текстах, которые можно с натяжкой отнести к эпиче-

⁹Beare W. *Latin verse and European song. A study in accent and rhythm.* London, 1957. P. 31.

¹⁰Meister K. *Die homerische Kunstsprache.* Leipzig, 1921. S. 56, 231.

¹¹Meillet A. 1) *Les origines indo-européennes des mètres grecs.* Paris, 1923. P. 58-61; 2) *Aperçu d'une histoire de la langue grecque.* 7-ième éd. Paris, 1965. P. 150 sv.

¹²Lorimer H.L. *Homer and the monuments.* London, 1950. P. 453.

¹³Берадзе П. Вопросы древнегреческого и грузинского стихосложения (на груз. яз.). Тбилиси, 1969; Гордезиани Р.В. "Илиада" и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1970; Бардвелидзе Дж.К. К сравнительному изучению народного стихосложения (На материале творчества некоторых кавказских и балканских народов) // Македонски фолклор. 1976. №9. брoј 17, 29-33.

¹⁴Watkins C. *Indo-European metrics and archaic Irish verse* // *Celtica.* 1963. Vol. 6. P. 201 f.; Hoekstra A. *Epic verse before Homer.* Amsterdam, 1981. P. 35, 53.

скому жанру¹⁵, снова встал поднимавшийся уже Боссертом вопрос о возможности возникновения гексаметра — стихотворного размера греческого эпоса — под некоторым влиянием хеттского размера, восходящего в свою очередь к хурритскому¹⁶. Ст.Зегерт видит прототип гексаметра в угаритском стихе¹⁷.

Но хеттский стих, видимо, был тонический, по четыре ударения в стихе со свободным количеством безударных (похожий на русский былинный, но в былинном три иктуса), с диэрезой (?) в середине стиха. Если и было здесь какое-то влияние, то скорее в плане подкрепления внутренней тенденции греческого стихосложения к склеиванию двух коротких стихов в длинный. Надо сказать, что к этой позиции, кажется, склоняется и сам Вяч.Вс.Иванов. По его словам, "это воздействие (хурритских текстов на греческие. — А.З.) заключалось не в заимствовании конкретного метра, а в задании общей модели строк порядка 16-сложных, разбивающихся на два полустишия. Сами же полустишия и другие составные части строки гексаметра строились по законам греческой метрики, унаследованным от индоевропейского (и греческо-арийского)"¹⁸.

В принципе, конечно, нет ничего невозможного, чтобы на процесс формирования гексаметра повлияла общая модель длинного хурритского стиха, распадающегося на полустишия, стиха, с которым греки могли познакомиться и непосредственно, и через его отражения в хеттских памятниках. Однако вероятность такого влияния зависит от степени знакомства греков с хетто-хурритским эпосом и от времени этого знакомства. Степень этого знакомства Вяч.Вс.Иванов в ряде своих работ, как нам кажется, сильно преувеличивает. Не представляется убедительным и делаемое в рассматриваемой статье сопоставление гомеровского *πρότεροι ἄνδρες* или *ἄνθρωποι* и гесиодовского *πρότεροι θεοί* с хеттским *karuileš šiunaš* ≈ хурритскому *ammatti-na DINGIR^{MES}-na*¹⁹. Выражение "более ранние люди" могло по-

¹⁵Neill Mc. The metre of the Hittite epic // *Anatolian studies*. XIII. 1963. P. 16.

¹⁶Иванов В.В. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем: Структура текста. М., 1980. С. 80.

¹⁷Segert St. Ugarit und Griechenland // *Das Altertum*. 1958. Bd 4. S. 79.

¹⁸Иванов Вяч.Вс. К проблеме происхождения древнегреческого гексаметра // *Динамика поэтических систем. Труды по метрике и поэтике. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. №780. Тарту, 1987. С. 29.*

¹⁹Ср.: Иванов Вяч.Вс. Древнейшие культурные и языковые свя-

явиться у греков вполне самостоятельно, и вообще представление о поколениях людей должно было быть первичным по отношению к представлению о поколениях богов. Параллель греческого разговора со своим духом и хурритского *tiwena alumaia katiya*²⁰ также объяснима независимым возникновением, особенно если принимать теории Джейнса, на которые Вяч.Вс.Иванов здесь ссылается.

Что касается времени возможного знакомства греков с хурритским или хеттским эпосом, то мы должны иметь в виду убедительные соображения Хукстры в пользу того, что гексаметр существовал уже в микенскую эпоху. Это означает, что для признания влияния хеттско-хурритского эпоса на формирование гексаметра нужно постулировать знакомство греков с этим эпосом не позднее середины II тыс. до н.э. Ясно, что такое знакомство легко представить себе только в рамках отстаиваемой Вяч.Вс.Ивановым совершенно невозможной гипотезы о миграции прагреков на Балканский полуостров через Малую Азию²¹, в то время как представление о приходе греков с севера, как нам кажется, единственно оправданное, склоняет к более поздней датировке греко-хетто-хурритских контактов и делает менее вероятным влияние хетто-хурритского эпоса на формирование гексаметра. По словам Ж.Ритоока убедительные доводы против реконструкции "эгейского гексаметра" приводит Й.Харматта²².

Рассматривая вопрос о происхождении гексаметра, нельзя проходить мимо того обстоятельства, что ранняя греческая поэзия предстает перед нами очень тесно связанной с музыкой, а важнейшие наименования музыкальных инструментов в древнегреческом языке, как то *βάρβιτος*, *χιθάρα*, *λύρα*, *σάπιγξ*, *φόρμιγξ* и другие, представляют собой, судя по всему, заимствования²³. Музыкальные инструменты заимствовались вместе со своими названиями, а заимствование музыкальных инструментов на-

---

зи южнобалканского, эгейского и анатолийского ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 36,

²⁰Salvini M. Sui testi mitologici in lingua hurrica // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 18. Roma, 1977. P. 76.

²¹Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. Тбилиси, 1984.

²²Ritoók Zs. Vermutungen zum Ursprung des griechischen Hexameters // Philologus. 1987. Bd 131. H. 1. S. 3. Anm. 5; Harmatta J. Kréta görögök előtti lakosságának nyelvének kérdéséhez // Antik Tanulmányok. 1979. S. 26, 133-145.

²³Hoekstra A. Epic verse ... P. 34.

водит на мысль и о возможности заимствования стихотворных размеров.

Однако нам представляется, что гипотеза о заимствовании гексаметра вызывает серьезные затруднения. Предположению о заимствовании гексаметра противоречит прежде всего квантитативный характер гексаметра, как и всех прочих древнегреческих стихотворных размеров. У нас нет никаких данных за использование квантитативного стиха каким-либо из народов древнеэгейского мира (квантитативный стих вообще встречается довольно редко в фольклоре различных народов), в то время как стих индоевропейцев перед началом разделения на языковые ветви был квантитативным²⁴.

Трудности, которые ставит древнегреческий гексаметр перед поэтом, в особенности перед поэтом-импровизатором, бесспорны (надо однако сказать, что в микенскую и домикенскую эпоху, когда еще не совершился ряд слияний гласных более позднего времени, этих трудностей было несколько меньше²⁵). Но они не могут служить аргументом в пользу заимствования греками гексаметра: зачем, в самом деле, заимствовать размер, плохо приспособленный к звуковому строю языка и трудный для аэда? Сам А.Мейе, главный сторонник заимствования гексаметра, говорит о том, что в прагреческом языке последовательности $\sim$ встречались чаще, чем в праиндоевропейском, что создавало предпосылки для появления в древнегреческом дактилических размеров²⁶. Основной довод А.Мейе против исконности греческого гексаметра — отсутствие размеров такого типа у других древних индоевропейских народов. Но мы не знаем такого случая, когда бы гексаметр спонтанно возник в каком-либо неиндоевропейском языке. К этому А.Мейе добавляет ссылки на трудность вместить в него целый ряд обычных для греческого

---

²⁴Сомнения Е.Куриловича (См.: Kurylowicz J. The quantitative meter of the Indo-European // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 421–430), считавшего, что квантитативные стихи древнегреческой и древнеиндийской поэзии развились самостоятельно, связаны с его взглядами на праиндоевропейское ударение, не разделяемыми большинством исследователей (Курилович считал его динамическим).

²⁵Надо сказать, что это обстоятельство было отлично известно А.Мейе заранее, задолго до дешифровки линейного письма Б (ср.: Bowra C.M. Metre // A companion to Homer. Ed. by A.J.B.Wace and F.H.Stubbings. London, 1962. P. 23–24).

²⁶Meillet A. Les origines ... P. 45–47.

языка словоформ²⁷. Однако возникновение "трудного" размера естественно объяснимо и как результат регуляризации "легкого", если только эта регуляризация происходит в профессиональной среде²⁸, где преодоление трудностей становится самоценным. Мы уже писали о том, что именно в такой обстановке складывались зачатки древнегреческой литературы и, в частности, героический эпос²⁹.

Дальнейшее развитие от гомеровского гексаметра к каллимаховскому и далее к гексаметру Нонна Панополитанского шло в том же направлении³⁰, и побуждающие мотивы были, в сущности, теми же самыми. В принципе, в эпоху, когда греки, придя на Балканский полуостров, столкнулись там с более культурным, чем они, населением и, несомненно, заимствовали от него многие элементы материальной и духовной культуры, могло иметь место и влияние чужеродного стихотворного размера. Однако в условиях, когда нет никаких правдоподобных суждений о звуковом строе и стихосложении языка, из которого могло произойти это заимствование, гипотеза становится непроверяемой — ее невозможно подтвердить и трудно мотивированно опровергнуть.

Ссылка на исторический пример — заимствование гексаметра римлянами от греков, ставшая своей целью подкрепить правдоподобность заимствования гексаметра самими греками³¹, наводит на размышления, ведущие нас совсем в другом направлении. Заимствование гексаметра и в римской поэзии, и в литературах Европы Нового времени везде сопровождалось проникновением ощутимых следов культуры того народа, от которого шло заимствование. Между тем в древнегреческом эпосе заметно так мало заимствованного элемента, что поневоле возникает недоумение, как можно было бы заимствовать гексаметр, отвлекшись, так сказать, от "материи" поэм, в которых с ним якобы познакомились греки.

Нам представляются гораздо более плодотворными попытки объяснить происхождение гексаметра из греческой поэти-

---

²⁷ Meillet A. 1) *Les origines* ... P. 58–60; 2) *Aperçu d'une histoire* ... P. 150 sq.

²⁸ Мейе сам говорит об этом. См.: Meillet A. *Les origines* ... P. 61.

²⁹ Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 149.

³⁰ Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Griechische Verskunst*. Berlin, 1921. S. 35–38.

³¹ Meillet A. *Les origines* ... P. 62.

ческой традиции. Надо сказать, что, в то время как гипотезу А.Мейе о праиндоевропейских прототипах волийских размеров принимает сейчас большинство исследователей, с его идеей о неиндоевропейских корнях гексаметра преобладающая часть пишущих на эту тему не согласна. Так, греческие корни видит у гексаметра Ж.Иригуен³². Индоевропейское происхождение приписывает гексаметру американский исследователь Б.Пибоди³³. Общие корни для гексаметра и волийских лирических размеров постулирует Бауи³⁴.

Переходя к конкретным гипотезам о происхождении гексаметра, отметим прежде всего, что уже в 1854 г. Теодор Бергк пытался вывести гексаметр из комбинации паремиака (— — — — — | — — — — —) или просодиака (— — — — — | — — — — — — — — — —), потерявшего базис, с эноплием (— — — — — — — — — —), допуская для буколического гексаметра также возникновение из комбинации дактилического тетраметра с дактилическим диметром³⁵, не ставя вопроса, правдоподобно ли для древнейшей повествовательной поэзии чередование сравнительно четко урегулированных разнообразных стихов.

В 1887 г. Герман Узенер, сделав, как нам кажется, важный шаг в верном направлении, видел в основе гексаметра комбинацию из двух паремиаков³⁶.

Ряд исследователей пытались вывести гексаметр из сочетания дактилического тетраметра с дактилическим диметром или адонеем³⁷. М.Уэст возводит гексаметр гипотетически к соединению ферекратея с расширенным рейцианом³⁸ или к комбина-

³²Irigoin J. Recherches sur les mètres de la lyrique chorale grecque: la structure du vers. Paris, 1953. P. 60–61.

³³Peabody B. The winged words. Albany, 1975. P. 30–65.

³⁴Bowie A. The poetic dialect of Sappho and Alcaeus. New York, 1981.

³⁵Bergk Th. Über das älteste Versmass der Griechen. Progr. Univ. Freiburg, 1854. (= Kleine philologische Schriften. Bd II. Halle, 1886. S. 392–408.)

³⁶Usener H. Altgriechischer Versbau. Ein Versuch vergleichender Metrik. Bonn, 1887. Ж.Ритоок (Op. cit. S. 2, Anm. 3) ссылается на венгерскую работу, автор которой последовал за теориями Узенера: Förster A. A hexameter eredete. Budapest, 1899.

³⁷Witte K. Realencyklopädie der Klassischen Altertumsurissenschaft. VIII. 2 (19/13) s.v. Homeros. S. 2241; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Die Ilias und Homer. Berlin, 1920. S. 349; Causer P. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl. Bd 1. Leipzig, 1923. S. 180 f.; Bowra C.M. Tradition and design in the Iliad. Oxford, 1930. P. 63.

³⁸West M. Indo-European metre // Glotta. 1973. Bd 51. P. 169.

ции гемиепес + паремияк, но паремияк он постулирует в виде $x-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim$ ³⁹, так что в действительности приходится говорить об одном из вариантов эноплия. Вигорита развивает один из вариантов теории Т.Бергга, Джентили и Ритоок констатируют гексаметр из набора всевозможных лирических колонов⁴⁰.

Нет недостатка и в возражениях против такого рода построений, не всегда подробно обоснованных. Так, скептически высказывался о попытках возвести гексаметр к "коротким стихам" (1) гемиепес + эноплий; 2) две дактилические диподии + адоний или два спондея; 3) дактилический тетраметр + адоний) М.Баура⁴¹.

Рассмотрим подробнее некоторые новейшие попытки такого рода⁴². Развивая идеи А.Мейе, Г.Надь пытается вывести из праиндоевропейских метров, сходных с греческими эолийскими, также и гексаметр, который он считает производным от $pher$ ^{3d} — ферекратей с внутренним расширением тремя дактилями ($\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim$ (e.g. Alc. 368, L.-P.)), ссылаясь при этом на Виламовица⁴³. Но Виламовиц сопоставляет не ферекратей, расширенный тремя дактилями, а последовательность лирических дактилей у Сапфо и Алкея, у которых, правда, наблюдается 2-сложный эолийский базис, но возможно и некаталектическое завершение в виде двух слабых слогов вслед за сильным⁴⁴. Такой стих никак не может характеризоваться как ферекратей с тремя дактилическими расширениями. В начале развития гексаметра Г.Надь ставит 7-сложный размер $\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim-\sim$, который греки называли ферекратеем, и полагает, что процесс создания греческих эпических формул начался уже в эпоху, когда этот 7-сложник употребляется $\chi\alpha\tau\alpha\ \sigma\tau\acute{\iota}\\chi\omicron\nu$.

³⁹West M. Greek poetry 2000–700 B.C. // *Classical Quarterly*. 1973. Vol. 23. P. 179–192; West M.L. Lydian metre // *Kadmos*. 1972. Vol. 11. P. 165–176.

⁴⁰Vigorita J.F. The Indo-European origins of the Greek hexameter and distich // *Indogermanische Forschungen*. 91. 1977. S. 288–299; Gentili B. Preistoria e formazione dell'esametro // *I poemi epici rapsodici non omerici e la tradizione orale*. Padova, 1981. P. 75–104; Ritoók Zs. Vermutungen zum Ursprung ... S. 2–18.

⁴¹Bowra C.M. Metre: A companion to Homer. Ed. by A.Wace and F.Stubbings. London, 1963. P. 21–22.

⁴²Ряд критических замечаний в адрес этих теорий делает Ж.Ритоок: Ritoók Zs. Vermutungen zum Ursprung ... S. 4. Anm. 11.

⁴³Nagy G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge (Mass.), 1974. P. 49–102.

⁴⁴Wilamowitz-Moellendorff U. von. Griechische Verskunst. Berlin, 1921. S. 98.

Однако сама вероятность построения стихотворения дописанной эпохи из 7-сложников *хὰτὰ στίχων* вызывает сомнение: 7-сложник слишком короток для того, чтобы вместить смысловой отрезок раннегреческого или праиндоевропейского текста, он не является и идеальным стихом длиной "на одно дыхание".

Возможности создания системы поэтических формул в ходе импровизации представляются для такого сравнительно четко урегулированного размера как $\sim\sim-\sim-\sim$ сомнительными. Аргументация Надя⁴⁵ вызывает возражения буквально во всех своих звеньях. Так, в "Илиаде" (IX, 413) и у Сапфо (44,4 L.-P.) выражение *χλῆος ἄφθιτον* встречается в четвертой и пятой стопгах гексаметра. Наиболее убедительным из всех попыток реконструкции праиндоевропейских поэтических формул является ее сопоставление с ведийским *śrávaḥ ... ákṣitam*: но что это может дать для метрики? В RV, I, 9, 7, где встречается это словосочетание, между *śrávaḥ* и *ákṣitam* стоят три слова, это существительное и его эпитет оказываются в разных колонках ведийского стиха. Никаких метрических схождений реконструировать не удастся.

Надь прав в том, что реконструкция словосочетания *śráva(s) ákṣitam* как целого, не расчленяемого какими-то другими словами⁴⁶, весьма правдоподобна, но из его построений еще не следует, что это словосочетание занимало слоги 8-сложника с четкой метрической структурой $\sim\sim-\sim\sim$, т.е. постулируемую А.Мейе каденцию.

Внимательное рассмотрение построений Г.Надя лишь подчеркивает справедливость высказанного нами выше убеждения в том, что успехи в реконструкции праиндоевропейских формул еще не гарантируют нам разгадки тайны общиндоевропейских стихотворных размеров. Г.Надь⁴⁷ пытается использовать для своих построений теории Аллена⁴⁸, отрицавшего квантитативный характер греческого стихосложения, оставаясь сам в то же время на позициях исследователей, считающих праиндоевро-

⁴⁵Nagy G. Comparative studies ... P. 61.

⁴⁶Ibid. P. 227.

⁴⁷Ibid. P. 51-55.

⁴⁸Allen W.S. Prosody and prosodies in Greek // Transactions of the Philological society. 1966. P. 107-148. Ср.: Allen W.S. Accent and rhythm. Prosodic features of Latin and Greek: a study in theory and reconstruction. Cambridge, 1973. Полемике с теориями Аллена посвящена значительная часть I главы данной работы.

пейский, ведийский и древнегреческий стих квантитативным по своей природе.

Г.Надь считает, что и гликоней и ферекратаей сформировались из индоевропейских прототипов на греческой почве, и идея использовать ферекратаей с тройным дактилическим расширением пришла на ум некоему εὔρετής, явно греку⁴⁹. Он совершенно не считается с возможностью сохранения греками праиндоевропейской эпической традиции, каковую возможность мы пытались обосновать в главе II. В то же время он приписывает Алкею знакомство с местной примитивной эпической традицией, пользовавшейся рher.^{3d}.

Г.Надь представляет себе дело так, что χλέος ἀφθίτον у Сапфо восходит к древней фольклорной эолийской традиции⁵⁰. Но почему это древнее сочетание сохранилось в фольклорной традиции, в которой понятие славы едва ли было центральным, а у Сапфо (fr. 44, L.-P.) выплыло из этой традиции как раз в стихотворении, написанном на эпический сюжет и переполненным гомеровскими реминисценциями? Это неправдоподобно!

Существование пар эпических формул типа νέας ἀμφιέλισσας (— — — — —) и νέας ἦλυθον ἀμφιέλισσαι (— — — — —) Надь считает следом дактилического расширения ферекратаей первой формулы⁵¹, в то время как такое внедрение дактилического ἦλυθον вполне естественно и для сложившегося гексаметрического размера. Г.Надь считает, что процесс формирования гексаметра из рher^{3d} шел в два этапа. Первым этапом было допущение — — вместо — — —, а вторым замена базиса — — на спондей — —, который в свою очередь, мог факультативно заменяться на дактиль — — —.

Но что могло быть толчком к таким трансформациям? Предположение Г.Надя, согласно которому "эквивалентность двух кратких одному долговому" возникла в результате выпадения интервокальных s и i с последующим слиянием двух (в особенности кратких) гласных в один долгий⁵², не отвечает, прежде всего, на вопрос, почему эта эквивалентность распространяется только на второй элемент первых пяти стоп гексаметра.

⁴⁹Nagy G. Comparative studies ... P. 148.

⁵⁰Ibid. P. 118-139.

⁵¹Ibid. P. 68-69, 70-71.

⁵²Ibid. P. 48-49.

Кроме того, как справедливо пишет Хукстра⁵³, гексаметр надо считать сформировавшимся в существенных чертах уже в микенскую эпоху. Между тем, слияния гласных даже после устранения интервокального *s*, которое было устранено раньше интервокального *i*, не только не были осуществлены в микенскую эпоху, но в значительной своей части не завершены даже в нашем гомеровском тексте (γένεος, εὐσεβέα и т.п.).

Чтобы доказать, что спондей в известном смысле "органичнее" в первой стопе гексаметра, чем во второй, третьей, четвертой или пятой, Г.Надь обращает внимание на то, что диэреза избегается после спондаических второй, третьей, четвертой и пятой стоп, но не после первой⁵⁴. Однако он не учитывает особого положения начальной стопы гексаметра. Она является "ударным местом", куда поэт часто стремится поставить ключевое слово (в том числе в enjambement) и если такое ключевое слово оказывается спондаическим, возникает необходимость в диэрезе после спондаической первой стопы. Элегический пентаметр Надь возводит к акефалическому (гиперсиллабическому) просодиаку. Строгий изосиллабизм во второй половине гексаметра он считает архаизмом: архаична, с его точки зрения, и тенденция к рифмовке конечных слогов двух половинок пентаметра⁵⁵. Из общей идеи о большем архаизме пентаметра по сравнению с гексаметром логично вытекает и гипотеза Г.Надя о том, что пентаметр влиял на формирование гексаметра и, в частности, частота пентемимерической цезуры в гексаметре может быть связана с влиянием диэрезы в пентаметре элегического дистиха⁵⁶.

Однако подтверждения это гипотеза не находит: Марлен ван Риальте отмечает, что наблюдения над элегическим дистихом эту гипотезу не подтверждают: у одних элегиков процент цезур в гексаметре после третьего трохея такой же, как в гексаметрической поэзии, а у ряда авторов, в особенности у Архилоха и Каллина, даже выше⁵⁷. Не представляется убедительной попытка Г.Надя подкрепить свою идею об особой древности гре-

---

⁵³Hoekstra A. Epic verse ...

⁵⁴Nagy G. Comparative studies ... P. 50.

⁵⁵Ibid. P. 100.

⁵⁶Ibid. P. 100–101.

⁵⁷Raelt M. van. Greek elegiac verse rhythm // Glotta. 1988. Bd 66. H. 3–4. P. 153, n. 17.

ческого пентаметра сопоставлением по жанру пользовавшейся пентаметром древнегреческой элегии, которую античная традиция связывала со скорбными плачами над покойниками⁵⁸, с древнерусскими причитаниями⁵⁹: слишком отдаленной оказывается постулируемая им близость размеров и слишком естественной представляется возможность независимого развития в разных ветвях индоевропейской семьи самостоятельных форм оплакивания усопших.

Всем попыткам использовать Риг-Веду для реконструкции четко урегулированных праиндоевропейских размеров, в том числе сложным построениям Г.Надя, противостоят факты, которые он сам признает в следующей форме: In the most archaic phases of Rig-Vedic versification metrical irregularity is at least sporadically attested in the rhythm of the closing. In the opening, moreover the most archaic versification is concomitant not just with sporadic irregularity but with absolute freedom in the rhythmical patterns of the opening. (Для наиболее архаичных фаз стихосложения Риг Веды нерегулярность засвидетельствована по крайней мере спорадически в ритме каденции. Более того, в начале стиха наиболее архаическому стихосложению присуща не спорадическая нерегулярность, а полная свобода ритма⁶⁰).

Направление исследований Г.Надя одобряет Вяч.Вс.Иванов, постулирующий приход, правда не из общеиндоевропейского, но из прагреческо-арийского наряду с $\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma$ $\alpha\phi\theta\iota\tau\omicron\nu$ формулы $\acute{\alpha}\mu\beta\rho\omicron\sigma\iota\eta$ $\nu\acute{\upsilon}\xi$ (Od. IV, 429 и др.) вместе с метрической схемой — — — —. Однако он сам восстанавливает прототип этой формулы в виде $*\eta\text{-}m\acute{f}\text{-}to\text{-}s$ $*n_e k^w t\text{-}s$, имеющего метрическую схему — — — —, и даже не ставит вопрос о метрической трансформации при переходе от прагреческо-арийского к древнегреческому. К греко-арийской эпохе возводит Вяч.Вс.Иванов и формулы $\acute{\alpha}\sigma\phi\omicron\delta\epsilon\lambda\omicron\nu$ $\lambda\alpha\mu\omega\nu\alpha$ (Od., XI, 539, 573) и $\text{'}\Lambda\iota\delta\iota$ $\chi\lambda\upsilon\tau\omicron\kappa\acute{\omega}\lambda\phi$ (Il., V, 654, XI, 445, XVI, 625), хотя нет не только данных за то, что эти словосочетания в греческом языке являются унаследованными, но сами слова $\acute{\alpha}\sigma\phi\omicron\delta\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ и $\text{'}\Lambda\iota\delta\eta\varsigma$ не имеют общепризнанной этимологии.

⁵⁸ Harvey A.A. The classification of Greek lyric poetry // Classical Quarterly. 1955. Vol. 5. P. 170; Dover K.J. The poetry of Archilochos: Archiloque. Fondation Hardt, Entretiens, 10. Genève, 1964. P. 187 sv.

⁵⁹ Как мы говорили в гл. III, на особой древности их размера настаивал Р.Якобсон.

⁶⁰ Nagy G. Comparative studies ... P. 158.

логии⁶¹.

Надо признать, что попытки Г.Надя объединить реконструкцию поэтических праиндоевропейских формул с реконструкцией стихотворных размеров были справедливо отвергнуты большинством рецензентов⁶². Вслед за английским ученым Брау мы также считаем, что имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют реконструировать некоторые поэтические формулы, но не дают возможности указать с определенностью место, которое они занимали в метрической схеме⁶³.

Нильс Берг приводит против гипотез Уэста и Надя очень серьезные возражения⁶⁴: ферекратай с его каталектическим окончанием является метром, типичным для клаузулы, для завершения какого-то метрического отрезка. Почему он вдруг оказался на первом месте в сочетании ферекратай + рейциан, породившем гексаметр по Уэсту, или какой толчок привел к использованию хата́ στίχων ферекратая с внутренним расширением на три дактиля по Надю? Наоборот, сами внутренние расширения эолийских размеров дактилями появились, скорее всего, под влиянием дактилических размеров хата́ μέτρων⁶⁵. Вообще трудно постулировать внутренние расширения стихотворных размеров для эпохи, стихосложению которой в качестве основного принципа приписывается изосиллабизм основной метрической единицы — периода, изосиллабизм, характерный для ведийских размеров.

В направлении, указанном Мейе, следует Нильс Берг⁶⁶. Исходным является для него принимаемый им за праиндоевропейский 8-сложник вида $\times \times \times \times \times \times \times \times$, а промежуточным этапом — размеры эолийской лирики, причем, в отличие от Мейе, он пытается вывести из них и гексаметр.

Ряд особенностей греческого и, в частности, гомеровского гексаметра пытается он объяснить его возникновением их двух

⁶¹См.: Иванов Вяч.Вс. К проблеме происхождения древнегреческого гексаметра. С. 29–39.

⁶²См. напр., рецензии: Brough // *Classical Review*. 1977. Vol. 27. №2. P. 297–298; Irigoin J. // *Revue des Études Anciennes*. 1979. T. 81. №3/4. P. 311–312.

⁶³Brough // *Classical Review*. 1977. Vol. 27. №2. P. 297–298.

⁶⁴Berg N. *Parergon metricum: der Ursprung des griechischen Hexameters* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1978. H. 37. S. 18–20.

⁶⁵Snell B. *Griechische Metrik*. 3. Aufl. Göttingen, 1962. S. 37.

⁶⁶Berg N. *Parergon metricum* ... S. 21.

8-сложников такого рода: частоту спондеев в первой и второй стопе, "перемычку" Германа, закон Вернике, στίχοι ἀχέφαλοι и λαγαροί, метрически удлинённый слог в biceps, удлинение краткого перед цезурой ἐφθήμερης, которая является следом объединения в гексаметр двух кратких стихов — исконного 8-сложника $x \times x \times \sim \sim$ и каталектического 7-сложника $x \times x \times \sim \sim$, предшественника греческого ферекрата.

Однако, сталкиваясь с трудностью объяснить таким образом все многообразие вариантов греческого гексаметра, Берг постулирует для versus holospondaici другой вариант прототипа — сочетание хориямбического диметра 1 ($\sim \sim \sim x \times x \times$) с каталектическим хориямбическим диметром 1 ($\sim \sim \sim x \times x \times$) типа анакреонтовского (fr. 41 P): Σίμαλον εἶδον ἐν χορῶ πηκτιδ' ἔχοντα χαλῆν. Берг совершенно правильно указывает, что из такого прототипа легче объяснимы не только holospondaici, но и стихи типа II., I, 600 ὥς ἴδον ῥηφαίστον διὰ δώματα κοιλνύοντα. В самом деле, спондей в пятой стопе заставляет постулировать долготу $\bar{u}$ в κοιλνύοντα, лингвистически труднообъяснимую. Если принять $\sim \sim \sim x \times x$ в прототипе некоторых форм гексаметра, можно считать, что δώματα κοιλνύοντα является результатом искусственного удлинения при переходе от $\sim \sim \sim x \times x$ к $\sim \sim \sim \sim \sim \sim$, но насколько вероятна сама идея стихотворения древнейшей эпохи из чередующихся двух, в сущности, непохожих 15-сложников, и это при том, когда κοιλνύοντα и другие явления этого типа естественно объясняются из стиха, в котором допускались и один и два слабых слога между сильными? Особенно натянутыми оказываются рассуждения Берга⁶⁷ и следующего за ним Ритоока⁶⁸ в применении к занимающей две последние стопы гексаметра праиндоевропейской формуле $\epsilon \bar{u} r \epsilon \bar{i} a \chi \theta \acute{o} \omega \nu \sim \sim \sim \sim$. Берг полагает, что в древнейшую эпоху эпическое повествование могло строиться строфически, по несколько 8-сложных метров, за которыми следовала 7-сложная клаузула.

Однако гексаметр Берг объясняет как результат объединения одного 8-сложника с одним 7-сложником в 15-сложный стих. Он считает, что подтверждением его теории является то обстоятельство, что среднее число слогов на один стих в "Илиаде" и "Одиссее" — около $15 \frac{2}{3}$ ⁶⁹, хотя, если вообще придавать какое-то значение таким соотношениям, источник гексаметра следо-

⁶⁷Ibid. S. 27.

⁶⁸Ritoók Zs. Vermutungen zum Ursprung ... S. 9.

⁶⁹Berg N. Parergon metricum. S. 23. По данным Лапша: La Roche

вало бы скорее искать в стихе 16-, а не 15-сложном.

Чтобы подкрепить свою теорию о последовательных 8-сложниках, замыкаемых 7-сложником, как прототипе стиха греческой героической поэзии, Берг приводит фрагмент Коринны (654 Page) повествовательного содержания⁷⁰:

- (17) τὰν δ' ἴαν Μῆ[ας] ἀγαθὸς   — — — — —
 πῆς Ἑρμᾶς οὐ[τ]ω γὰρ Ἑρως   — — — — —
 κῆ Κύπρις πιθέταν, τῶς   — — — — —
 ἐν δόμῳ βάντας χρουφάδαν   — — — — —
 χώρας ἐννί' ἐλέσθη   — — — — —

уже ранее привлечший к себе внимание Колверта Уоткинса⁷¹ с точки зрения реконструкции предыстории гексаметра, эвполидовы стихи схемы $x \times x \times - \sim - x \times x \times - \sim -$ из парабазы "Облаков" Аристофана (Nub., 518–562)⁷², а также приапеи Евфрона (Collect. Alex. ed. Powell, p. 176):

- (2) χάγῳ δ' ἐξ εὐεργεσίης ὀργισμένος ἦχω,
 δδεύων Πηλουσιαχὸν χνεφαῖος παρὰ τέλμα

-----|-----
 ~-----|-----⁷³

Берг утверждает, что в этих стихах достаточно сделать замену в эолийском базисе на $\sim \sim$ вместо $- \sim$ или $\sim -$, чтобы получить гексаметры с $\tau\omicron\mu\eta\ \epsilon\phi\theta\eta\mu\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$ (мы добавим, однако, оговорку: получить один из возможных вариантов гексаметра, для которого гибкость и вариативность являются древнейшим конституирующим признаком).

По Бергу "многообразный" versus Priapeus и дактилический гексаметр выросли из общих корней — древнего сочетания 8-сложника $x \times x \times \sim - \sim -$ с катаlecticеским 7-сложником $x \times x \times \sim - -$, а гексаметр представляет собой "stilistisch-metrisch gehobene Variante"⁷⁴. Возникновение гексаметра из этой праформы Берг конструирует в виде четырех последовательных плохо мотивированных трансформаций.

J. Zahlenverhältnisse im homerischen Verse // Wiener Studien. 1898. Bd 20. S. 1–69.

⁷⁰Berg N. Op. cit. S. 24.

⁷¹Watkins C. Indo-European metrics ...

⁷²Berg N. Op. cit. S. 25.

⁷³Ibid. S. 26.

⁷⁴Ibid. S. 26.

Первый этап — начало урегулирования, которое почему-то везде должно идти в направлении от xx к $-$ или от $-$ к $-$, или совсем уже непонятным образом к перемещению анкепсов 8-сложника во вторую его половину, так, что получаются три варианта со следующей схемой⁷⁵:

$$\left. \begin{array}{l} x x - \sim - \sim - \\ - \sim - x x x x \\ x x x x - \sim - \end{array} \right\} \quad x x - \sim - -$$

Решающим шагом на пути формирования гексаметра Берг считает вторую трансформацию — замену внутреннего волийского базиса xx на $\sim$ с исключением вариантов $\sim$, $-$, $--$ ⁷⁶, так что в результате получается стих со схемой $xxxx-\sim\sim\sim\sim\sim\sim$, который Берг характеризует как дактилический тетраметр с 4-сложным волийским базисом. Наследием этой промежуточной ступени Берг считает относительно большую по сравнению с остальными стопами частоту спондеев в первых двух стопах греческого гексаметра⁷⁷. В третьей, четвертой и пятой стопах следом обязательных спондеев Берг считает закон Вернике, который хуже соблюдается в первой и второй стопах: слог с долгим гласным был длиннее, чем закрытый слог с кратким гласным, и потому при замене обязательных, по Бергу, в какой-то момент двух кратких в тесисе третьей, четвертой и пятой стоп одной долгой, замена на слог с долгим гласным осуществлялась легче, чем замена на закрытый слог с кратким гласным⁷⁸.

Редкое появление цезуры "после четвертого трохея" (закон Германа) Берг объясняет тем, что в прототипе гексаметра такая цезура "отрезала" бы один слог в начале первоначально самостоятельного волийского 7-сложника⁷⁹.

В качестве третьей трансформации на пути становления гексаметра Берг постулирует замену волийского базиса

⁷⁵Ibid. S. 27.

⁷⁶Ibid. S. 28.

⁷⁷Ibid. S. 28-29; Cfr. La Roche J. Zahlenverhältnisse ... P. 3; O'Neill E.G. The localization of metrical wordtypes in the Greek hexameter // Yale classical studies. 1942. Vol. 8. P. 159.

⁷⁸Berg N. Op. cit. S. 29-30.

⁷⁹Ibid. S. 30.

ххххпоследовательностью четырех долгих слогов ———⁸⁰, причем исходным пунктом должно было послужить то обстоятельство, что уже эолийская метрика не допускала базиса, состоящего из одних только кратких слогов.

Трансформация четвертая должна была, по Бергу, завершить формирование гексаметра, введя эквивалентность долгого двум кратким в слабом времени пяти первых стоп⁸¹.

Характеристика Бергом так называемого "метрического удлинения" как "das Überbleibsel einer dichterischen Praxis, die aus der Zeit stammte wo der epische Vers noch viele x-Silben enthielt" ("остаток поэтической практики того времени, когда эпический стих еще содержал несколько произвольных (по долготе и краткости) слогов")⁸² представляется совершенно правильной, но она отлично укладывается и в другие теории, возводящие гексаметр к различным типам слабо урегулированного стиха. Совершенно произвольным образом объявляет Берг 8-сложник ххххх— — — — — источником и ямбического триметра, который, по его мнению, развился в результате трансформации этого 8-сложника в размер хатὰ μέτρον⁸³.

Как мы видим, Бергу действительно удастся показать, как можно сконструировать греческий гексаметр из постулируемого 8-сложника, однако Берг ни разу даже не ставит перед собой вопроса, правдоподобны ли предполагаемые переходы, не говоря уже о поисках конкретного из подтверждения. По сути дела, мы сталкиваемся здесь с переносом приемов генеративной грамматики на историю стихотворных размеров. Между тем, уже механический перенос идей генеративной грамматики на задачи грамматики исторической приводит к отказу от попыток восстановления форм в том виде, как они существовали на самом деле. Тем более непродуктивен этот путь при реконструкции истории метрики.

В 1979 г. к вопросу о происхождении гексаметра вернулся Грегори Надь. На этот раз он постулирует образование гексаметра из пар коротких стихов

либо $\wedge$ prosodiacus + *prosodiacus $\asymp$,

---

⁸⁰Берг непоследовательно говорит "bei Homer eigentlich": $\asymp$, что не совсем понятно (Ibid. S. 31–32).

⁸¹Ibid. S. 32–33.

⁸²Ibid. SP. 31.

⁸³Ibid. S. 16.

либо $\wedge$ prosodiacus + $\wedge$ pherecrataeus^d,
 либо $\wedge$ prosodiacus $\asymp$ + prosodiacus $\asymp$,
 либо $\wedge$ pherecrataeus + $\wedge$ pherecrataeus^{d84},

даже не ставя вопроса, насколько вероятно для древнейшей эпохи поэтическое повествование, построенное из чередующихся стихов любой из этих пар.

Развивая идеи Берга, Ева Тихи сопоставляет с гексаметрами сочетания хориямбических диметров (или гликонеев) с их каталектическим вариантом. Такие сочетания встречаются у Анакреонта (фр. 348, 357, 358 P и др.) и в особенности в стихотворении Коринны повествовательного характера (фр. 654 P., III, 47 сл.):

ὡς ἔφα [μάντις] π[ε]ράγεις	— — — — —
τὸν δ' Ἀσ[ωπὸς ἀσ]πασίως	— — — — —
δεξιᾶς ἐ[φαψάμ]ενος	— — — — —
δάχρου τ' [όχτάλ]λων προβαλ[ὼν	— — — — —
ὡς ἀμ[ιψ]ατο φ[ωνῆ].	— — — — —

(метрическая структура прочих строф аналогична)⁸⁵.

В качестве примера гексаметров приводятся

Ω 200 ὡς φάτο, χώχυσεν δὲ γυνή, καὶ ἀμείβετο μύθῳ и

Ω 424 ὡς φάτο, γήθησεν δ' ὁ γέρων, καὶ ἀμείβετο μύθῳ,

которые анализируются метрически как — — — — —
 | — — — — — и рассматриваются как свернутый эквивалент (knapper formulierte Entsprechung) строфе Коринны и, таким образом, постулируется совершенно невероятный путь эволюции: свертывание метрической строфы и употребление хатὰ στίχων, получившейся в результате "длинной строки".

Сопоставляет Е. Тихи⁸⁶ с гексаметром и употребляемые хатὰ στίχων "длинные строки", состоящие из хориямбического диметра (или гликоней) в сочетании с ферекратеем (или аристофанеем):

⁸⁴ Nagy G. On the origins of Greek hexameter // Studies in diachronic, synchronic and typological linguistics. Festschrift für Oswald Szemerényi on the occasion of his 65th birthday. Part. II. Amsterdam, 1979. P. 613, 619.

⁸⁵ Tichy E. Hom. ἀνδρῶπιτα und die Vorgeschichte des daktylischen Hexameters // Glotta. 1991. Bd 59. H. 1–2. S. 57; другую строфу из этого стихотворения анализируют Уоткинс и Берг (см. выше).

⁸⁶ Tichy E. Op. cit. S. 57–58.

— — — — — | — — — — —

(Анакреонт, фр. 373 P.;
Ферекрат, фр. 131 Edm.,
Тимофей, фр. 791 P, ст. 209 слл.)

— — — — — | — — — — —

(Анакреонт, фр. 385, 386 P.,
Ферекрат: там же)

— — — — — | — — — — —

(Евфроний, Collect. Alex.
ed. Powell. p. 176)

— — — — — | — — — — —

(Сапфо, фр. 128, 148
L-P, Voigt)⁸⁷.

Развивая аргументацию Нильса Берга, Ева Тихи рассматривает стихи Илиады XVI, 857 = XXII, 363 и XXIV, 6:

δν πότμον γόωσα, λιπούσ' ἀνδρότητα καὶ ἥβην,
Πατρόχλου ποθέων ἀνδρότητά τε καὶ μένος ἧύ.

В первом варианте мы из-за слова ἀνδρότηта находим невероятную форму — — — четвертой стопы гексаметра, а во втором (XXIV, 6) — третьей стопы. Убедительно показав неправдоподобие всех прежде предлагавшихся попыток объяснить эту аномалию, Е. Тихи обращается к гипотезе Берга и интерпретирует стихи XVI 856-857 = XXII 362-363 (восходящие, как она это обосновывает, к древнему слою эпического творчества), как возникшие на рубеже II и I тысячелетий до н.э. в качестве гексаметров, сохранивших еще следы метрики эолийских колонов:

psūk ^{hā} d'ek r ^{het} hēōn ptamēnā	— — — — —
^h áwidos de bēbāke	— — — — —
w ^h ón pótmon gowáonsa, lipóns'	— — — — —
androtāta kai ^h ébān	— — — — — ⁸⁸

Таким образом, ἀνδρότηта, невозможное в гексаметре, получает объяснение как начинавшее собой вполне нормальный ферекратей. Подкрепляя, однако, общее направление гипотезы Берга, это объяснение метрической аномалии, связанной с ἀνδρότηта, вступает в противоречие со взглядами Берга на пути поэтапного становления гексаметра: в его представлении

⁸⁷Cfr. Koster W.J.W. Traité de métrique grecque. Leyde, 1936. P. 200; Wilamowitz-Moellendorff U. von. Griechische Verskunst. S. 210.

⁸⁸II, XXIV, 6 принадлежат к более позднему слою эпического творчества: Tichy E. Op. cit. S. 44-45.

первым этапом на пути формирования гексаметра был стих $x \times x \times - \sim \sim \sim - x$, в котором уже нет места для $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\tau\eta\tau\alpha$ ни в четвертой, ни в третьей стопе. Очевидно, если пытаться примирить объяснение $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\tau\eta\tau\alpha$ как метрического архаизма со взглядами Берга, придется сослаться на то, что он допускает и иные варианты 15-сложников как исходные для формирования гексаметра, естественно, с отличным в деталях путем эволюции⁸⁹.

Е. Тихи постулирует в качестве исходных вариантов эпического "длинного" стиха шесть вариантов, которые все возникли в результате объединения двух колонов:

1. $x \times x \times - \sim \sim \sim - | x \times - \sim \sim - x$ (Евфроний)
2. $x \times - \sim \sim \sim - x | x \times - \sim \sim - x$ (Анакреонт, Фереkrat, Тимофей)
3. $- \sim \sim - \sim \sim \sim x | x \times - \sim \sim - x$
4. $x \times x \times - \sim \sim - | - \sim \sim \sim - x$ (Сапфо)
5. $x \times - \sim \sim \sim - x | - \sim \sim \sim - x$
6. $- \sim \sim - \sim \sim \sim x | - \sim \sim \sim - x$ (Анакреонт, Аристофан)⁹⁰.

Сопоставляя первый и пятый варианты, она указывает, что пятый вариант мог быть воспринят как вариант первого как бы со сдвинутой вперед серединой⁹¹, а затем возникшее некое обобщение этих двух вариантов было уже одной из исходных форм гексаметра:

$$\begin{array}{ccccccc} 1/5 & x \times & x \times & 3/ & \sim \sim & 4/ & x \times 5 & \sim \sim & 6 \times \\ & & & /2 & \sim \sim / (\sim x) & (\sim \sim) & & (\sim)(-) & \end{array}$$

Присоединив к этой схеме типы 2, 3 и 6, Е. Тихи получает совокупность вариантов первоначального гексаметра:

$$\begin{array}{ccccccc} x \times & x \times & 3/ & \sim \sim & 4/ & x \times 5/ & \sim \sim 6 \times \\ [1 \sim \sim] & [2 \sim \sim] & [-] & (\sim x) & [x] & (\sim \sim) & (\sim)(-) \\ & & & [x] & [x] & & \end{array}$$

Сопоставляя эту схему с подсчетами Лароша⁹², она отмечает с удовлетворением, что под нее подходят 93,7% 15-сложных

⁸⁹Berg N. Op. cit. S. 28.

⁹⁰Tichy E. Op. cit. S. 60-62.

⁹¹Это, несомненно, возможно по отношению к записанным на бумаге схемам, но возникала ли такая идея у поэтов, воспринимавших все эти размеры только на слух?

⁹²La Roche J. Zahlenverhältnisse ... S. 1-69.

гексаметров гомеровского текста. В действительности, если 6% 15-сложных гексаметров Гомера не удастся вывести в результате всех достаточно искусственных манипуляций, то уже это говорит скорее не в пользу самого принципа объяснения. Тем более решительно противоречит ему то обстоятельство, что, по подсчетам того же Лароша, 15-сложные гексаметры составляют у Гомера всего 29,7% общего числа стихов. Нет никакой логики в том, чтобы стремиться объяснить, исходя из изосиллабических эолийских колонов, именно 15-сложные гексаметры, в то время как все данные говорят за исконно неодинаковое число слогов в этом стихе.

Ни в коем случае не можем мы опираться в наших поисках предшественников гексаметра на метрические интерпретации, которые дает ранним надписям Карло Галлавотти⁹³, как это делает, в частности, Б.Джентили⁹⁴. Галлавотти вообще не допускает существования прозаических надписей до середины VII в. до н.э.⁹⁵ и пытается интерпретировать метрически как можно большее число ранних надписей: в частности, он в целом ряде случаев оспаривает вердикт *non metrical*, вынесенный П.Ганзенем⁹⁶, и всякий раз делает это неубедительно, так что приходится снова вспомнить предостережение Виламовица⁹⁷, высказанное им по поводу неосторожных попыток Теодора Бергка⁹⁸ интерпретировать метрически "*stümperhafte Inschriften*", предостережение против попыток усматривать сложные размеры в надписях, где для этого нет должных оснований. Руководствоваться в этих случаях следует, очевидно, критериями П.Фридлендера⁹⁹: 1) банальное содержание несовместимо с беспрецедентной в надписях метрической формой 2) никто не мог бы распознать такую метрическую схему, так как необычный стих может быть опознан только в результате его повторения; 3) лирический размер ... неуместен

⁹³Gallavotti C. *Metri e ritmi nelle iscrizioni greche*. Roma, 1979.

⁹⁴Gentili B. *Preistoria e formazione dell'esametro: I poemi epici rapsodici e la tradizione orale*. A cura di C.Brillante, M.Cantilena, C.O.Pavese. Padova, 1981. P. 75-104.

⁹⁵Gallavotti C. *Op. cit.* P. 5.

⁹⁶Hansen P.A. *A list of Greek verse inscriptions down to 400 B.C.* Copenhagen, 1975; cf.: *Carmina epigraphica Graeca saeculorum VIII-V a. Chr. n.* Ed. P.A.Hansen. Berlin, 1985.

⁹⁷Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Griechische Verskunst*. S. 381.

⁹⁸Bergk Th. *Über das älteste ...*

⁹⁹Friedländer T., Hoffleit A. *Epigrammata*, Berkeley, 1948. P. 161.

в посвяtitельной надписи¹⁰⁰.

Виламовиц в 1921 г. справедливо писал, что соблазнительную задачу объяснить возникновение гексаметра из двух самостоятельных колонов решить никому пока не удалось¹⁰¹. В наше время Хукстра вполне убедительно показывает, что все попытки вывести гомеровский гексаметр из более коротких четко урегулированных стихов не находят себе опоры в нашем фактическом материале — тексте гомеровских поэм¹⁰².

В гексаметре свободно чередуются два основных типа главной цезуры — после долгого в третьей стопе и после первого краткого в третьей стопе. Абсолютно произвольными являются все гипотезы, делающие один из этих вариантов в обход другого ключом к структуре короткого стиха, породившего гексаметр. С самого начала невероятны вообще все предположения, ведущие к постулированию догексаметрической поэзии из чередующихся стихов разного объема: против этого говорит типология эпоса самых различных народов и объективные потребности певца-импровизатора.

Нам представляется, что правильный путь к объяснению происхождения гексаметра был уже давно, в 1953 г., намечен и притом не лингвистом, а исследователем древнегреческой метрики и кодикологии Жаном Иригуеном. Он выдвинул идею о возникновении гексаметра из двух коротких стихов типа гемпиес с добавочным слогом (схема — — — — —), но не из механического слияния, а из минимальной трансформации, долженствовавшей обеспечить нераспадение стиха на две равные половины при помощи несимметричной, сдвинутой на один или два слога ближе к началу стиха цезуры¹⁰³. Однако составные части, из которых возник гексаметр, нельзя представить себе четко урегулированными, потому что таковым не был и сам гексаметр в начале своего существования.

---

¹⁰⁰ В то же время действительно метрические архаические надписи все демонстрируют влияние гексаметрической эпической традиции: Campanile E. I carmi epigrafici greci di età arcaica ed alcune questioni di cultura indoeuropea: *AIQN. Annali del dipartimento di Studi del Mondo Classico e del Mediteraneo Antico. Sez. linguistica. Istituto Universario Orientale. Napoli* 11. 1989. P. 119–135.

¹⁰¹ Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Griechische Verskunst*. S. 98.

¹⁰² Hoekstra A. *Epic verse* ... P. 36–41.

¹⁰³ Irigoin J. *Recherches sur les mètres de la lyrique chorale grecque: la structure du vers*. Paris, 1953. P. 60–61.

Вся известная нам документально история греческого гексаметра от Гомера до Нонна — это история его регуляризации¹⁰⁴. То, что мы знаем о гомеровском гексаметре, убедительно свидетельствует о том, что послегомеровская регуляризация была закономерным продолжением процесса упорядочения, который шел в догомеровские времена. В этом отношении совершенно справедливым представляется замечание итальянской исследовательницы Вруны Палумбо-Стракка: "В действительности, гимнэпесы, энэплии, ямбические диметры, итифаллики и т.д. не являются осколками дактилического гексаметра и ямбического триметра, а отражают более древнее положение вещей, предшествующее формированию длинных урегулированных стихов, как это, на наш взгляд окончательно подтвердили лилльский Стесихор (P.Lille, 76 a, b, c) и сам архилоховский эпод из Кельна (P.Colon. 7511)"¹⁰⁵.

Общую линию развития древнейшего стиха от слабоупорядоченного до наделенного четким ритмом принимает Стертевант¹⁰⁶. В ходе этого процесса поэзия дифференцируется по жанрам, и такой процесс регуляризации гексаметра и других стихотворных размеров нужно было бы постулировать, даже если бы в наших руках не было более определенных данных в этом направлении.

Между тем Вильгельм Шульце убедительно показал, что метрические аномалии гомеровского гексаметра, устраненные лишь в гексаметре эллинистическом, восходит к эпохе, когда гексаметр был еще значительно более свободным стихом, чем во времена Гомера¹⁰⁷. В духе, аналогичном Шульце, высказывался и Р.Майстер¹⁰⁸, считавший, правда, гексаметр заимствованным размером. То, что различные "вольности" гексаметра у

¹⁰⁴ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Griechische Verskunst; Fränkel H. Kallimachische und homerische Hexameter (1926): Wege und Formen frühgriechischen Denkens. München, 1955. S. 100-156; Wifstrand A. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933.

¹⁰⁵ Palumbo-Stracca B. La teoria antica degli asinarteti (Supplemento №3 al Bollettino dei classici, Accademia Nazionale dei Lincei). Roma, 1979. P. 72.

¹⁰⁶ Sturtevant E.H. The ictus of classical verse // American Journal of Philology. 1923. Vol. 43. №4. P. 328.

¹⁰⁷ Schulze W. Quaestiones epicae, Guterslohae, 1891. S. 374 f., 430, 462. Идеи Шульце нашли в свое время поддержку у Вакернагеля: Wackernagel J. Kleine Schriften. Bd 3. S. 1703 f. Предшественником Шульце был Л.Апенс (Kl. Schr. 29 f.); Berg N. Parergon metricum ... S. 20.

¹⁰⁸ Meister R. Die homerische Kunstsprache. Leipzig, 1921. S. 57.

Гомера представляют собой наследие эпохи более слабой урегулированности, принимает и А.Мейе¹⁰⁹.

Можно пытаться искать решения *ad hoc* в отношении каждой серьезной метрической аномалии в гомеровских гексаметрах, как это делает А.Хукстра¹¹⁰, полемизируя с М.Уэстом¹¹¹ по поводу стихов II, IV 517, IX 697; Od. VII 89¹¹², однако материал, собранный уже В.Шульце¹¹³, слишком обширен и показателен, чтобы такая линия аргументации выглядела убедительно.

Представлению о том, что процесс развития шел в целом от неурегулированности к большей урегулированности¹¹⁴, ни в коем случае не противоречит то обстоятельство, что в процессе эволюции эпоса непосредственно перед созданием гомеровских поэм могло иметь место и разрастание некоторых метрических аномалий в процессе трансформации прежде более стойких эпических формул. Так, А.Хукстра убедительно показывает, как в период, непосредственно предшествующий созданию гомеровских поэм, появляются стихи с гиагом в *πενθήμερής* и даже с *brevis in longo* перед этой цезурой¹¹⁵. Так, II. XI 697, имеющий — в третьей стопе, как убедительно демонстрирует Хукстра, не является сам по себе архаичным и, вероятно, представляет собой модификацию формулы, дававшей "правильный гексаметр"¹¹⁶. Но сама модификация такого рода едва ли была бы возможна, если бы не существовала традиция метрических "вольностей" в гексаметре.

Виламовиц считал стихи с одним кратким в слабом времени 1-й стопы поздним результатом эолийского влияния¹¹⁷, но это явление встречается как раз чаще не в первой стопе.

Новые фрагменты Стесихора принесли нам три примера такого замещения слабого времени дактиля одним кратким в его

---

¹⁰⁹ Meillet A. Les origines ... P. 66–70.

¹¹⁰ Hoekstra A. Epic verse ... P. 36–38.

¹¹¹ West M. Greek poetry 2000–700 B.C. // Classical quarterly. 1973. Vol. 23. P. 179–192.

¹¹² Cfr. Christ W. Metrik der Griechen und Römer. 2. Aufl. Leipzig, 1879. S. 175.

¹¹³ Schulze W. Quaestiones epicae. S. 374 f.

¹¹⁴ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Op. cit.; Porter H.N. The early Greek hexameter // Yale classical studies. 1951. Vol. 12. P. 11, 31–35; Wifstrand A. Von Kallimachus zu nonnus. Lund, 1933.

¹¹⁵ Hoekstra A. Epic verse ... P. 9–32 (Cp.: Od. X, 322, 295).

¹¹⁶ Ibid. P. 36–37.

¹¹⁷ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Op. cit. P. 98.

лирических дактилических гексаметрах, например: $\mu\alpha\tau\sigma\acute{o}\nu\alpha\varsigma$ $\delta\epsilon$ $\tau\epsilon\acute{\alpha}\varsigma$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta$ $\acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\epsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$ $\text{'}\text{Α}\rho\acute{o}\lambda\lambda\omega\nu$ ¹¹⁸. Перед нами, очевидно, новые следы фольклорного слабоурегулированного повествовательного стиха.

В целом гексаметры с отклонениями от нормы, и прежде всего так называемые $\sigma\acute{\iota}\chi\omicron\iota$ $\lambda\alpha\gamma\alpha\rho\acute{o}\iota$ ("впалые"), у которых в одной из стоп в слабом времени расположен только один краткий, демонстрируют черты архаизма и позволяют нам заглянуть в предысторию гексаметра. Очевидно, непосредственным предшественником гексаметра и был стих с постоянным (шесть) числом сильных позиций в виде долгих слогов и с относительно свободными промежутками в один — два слога, стих, который можно охарактеризовать схемой $-\neg|\neg|-\neg|\neg|-\neg|\neg|-\neg|\neg|-\neg|\neg|-\neg|\neg|$. Именно в ходе урегулирования этого предшественника гексаметра выработался и принцип частичной эквивалентности одного долгого двум кратким в слабом времени гексаметра. Определенную роль в развитии этой эквивалентности, очевидно, сыграли слияния гласных, в результате которых в эпическом языке появились параллельные словоформы с $\ddot{V}\ddot{V}$ с одной стороны и $\bar{V}$ с другой, располагавшимися в слабом времени стиха¹¹⁹. Нужно только иметь в виду, что гексаметр, в общем, должен был уже сложиться в микенскую эпоху¹²⁰, а большинство слияний в древнегреческом относится уже к послемикенскому времени.

Появившаяся в результате урегулирования гексаметра возможность свободно чередовать в слабом времени первых четырех стоп гексаметра один долгий с двумя краткими и притом только так, не представляет собой результат развития в ионийском диалекте, как это считал А.Мейе¹²¹.

Как убедительно показал Хукстра, гексаметр сформировался уже в микенскую эпоху, а в послемикенскую древнегреческий героический эпос прошел волийскую стадию, обнаруженную еще Фиком, и эта субституция не была устранена волийцами как противоречащая звуковому строю их языка. Поэтому и для объяснения отсутствия субституции такого рода в волийских лирических размерах мы не имеем права ссылаться на особенности фонологии волийского диалекта: причина лежит,

¹¹⁸ *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1977. Bd 26. S. 15.

¹¹⁹ Allen W.S. *Accent and rhythm* ... P. 258–259.

¹²⁰ Hoekstra A. *Epic verse* ...

¹²¹ Meillet A. *Les origines* ... Идею эту принимает Р.Якобсон (О чешском стихе ... С. 92).

очевидно, в конкретной истории поэзии.

Р.Якобсон¹²² предложил свое объяснение тому обстоятельству, что свойственная гексаметру и распространившаяся и в других жанрах греческой поэзии взаимозаменяемость в определенных местах метрической схемы одного долгого и двух кратких слогов меньше всего используется в эолийской поэзии. Необходимо, однако, учитывать то обстоятельство, что устранение фонологичности противопоставления ударения на первой мере долгого гласного (облеченного), ударению на второй мере долгого гласного (острое) представляет собой сравнительно позднее новообразование, свойственное малоазийскому и островному эолийскому, но не оставившее следа в эолийском в своей основе беотийском¹²³, так что к процессу формирования гексаметра эта фонетическая эволюция отношения, очевидно, не имела.

Р.Зирин справедливо указывает, что фонологичность двухморности гласных в неэолийских греческих диалектах могла послужить только первым толчком к формированию принципа частичной метрической эквивалентности одного долгого двум кратким слогам. На ее основе могло сложиться представление об эквивалентности двух кратких гласных одному долгому и двух открытых слогов с краткими гласными одному открытому слогу с долгим гласным. Расширение этой эквивалентности на слог долгий по причине его закрытости могло произойти только в ходе аналогического распространения¹²⁴.

Можем ли мы хотя бы с некоторой степенью достоверности сделать еще один шаг и получить представление о том, как возник предшественник гексаметра — стих с шестью сильными временами, нисходящим ритмом и более или менее произвольным заполнением промежутков между сильными временами? Мы уже говорили выше о ряде в целом, по нашему мнению, неудачных попыток объяснить происхождение гексаметра как результат объединения двух кратких стихов. Практически все исследователи, пытавшиеся объяснить гексаметр, единодушно воз-

---

¹²² Jakobson R. Z zagadnień prozodji starogreckiej // Z zagadnień poetyki. Prace ofiarowane Kazimierowi Wóycickiemu. Wilno, 1937. S. 72–87 (Jakobson R. On ancient Greek prosody // Selected writings. Vol. 1. The Hague. 1962. P. 262).

¹²³ Тронский И.М. Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962. С. 98.

¹²⁴ Zirin R.A. The phonological basis of Latin prosody. The Hague, 1970. P. 68; Allen W.S. Accent and rhythm ... P. 257.

водят его к двум кратким стихам. И в самом деле, поскольку речь идет о реконструкции стиха III тысячелетия до н.э. или еще более древней эпохи, приходится исходить из общих представлений о стихе примитивной повествовательной поэзии. Наблюдения над поэзией самых различных народов подсказывают нам, что базой эпоса в индоевропейскую эпоху и при переходе к фазе греческой должен был быть короткий стих, произносимый на одном дыхании, без вдоха в середине стиха, повторяющийся для облегчения и импровизации и запоминания на всем протяжении повествования¹²⁵.

Очевидно, в условиях, когда отсутствовала еще прочная традиция, когда еще только складывались формы поэтического повествования, рождающийся стих не мог не подчиниться естественному членению, накладываемому на речевой поток физиологией речи — делению на отрезки, разделяемые паузами для вдоха воздуха. Именно в такой физиологически детерминированный отрезок и вкладывал свой стих импровизирующий древнейший сказитель. Эта физиологическая константа оказывает влияние и на ритм прозаической речи, в особенности ораторской¹²⁶, что было замечено уже в древности¹²⁷. Поэзии она навязывает универсальный закон: либо основой построения стиха являются сравнительно короткие отрезки, которые можно легко произнести на одном дыхании, либо, если используются длинные стихи, техника стихосложения должна предусматривать внутри такого стиха паузу для вдоха¹²⁸.

---

¹²⁵ Lord A.B. *Homer and other epic poetry // A companion to Homer*. Ed. by A.J.Wace and F.H.Stubbings. London, 1963. P. 186–187; Kirk G.S. *The Songs of Homer*. Cambridge, 1962. P. 56.

¹²⁶ Palmer L.R. *Latin language*. London, 1954. P. 131.

¹²⁷ Козаржевский А.Ч. *Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы*. М., 1985. С. 24.

¹²⁸ Тимофеев Л. Слово в стихе. М., 1982. С. 211–212; Ляпина Л.Е. Сверхдлинные размеры в поэзии Бальмонта // *Исследования по теории стиха*. Л., 1978. С. 121, 123; Brower R.H. *Japanese // Versification: Major language types*. Ed. by W.K.Wimsatt. New York, 1972. P. 42; Cole Th. *Epipele. Rhythmical continuity and poetic structure in greek lyric*. Cambridge (Mass), 1988. P. 140. Идея М.Баура о том, что древнереческие гексаметры произносились на одном дыхании (Bowra C.M. *Metre // A companion to Homer*. Ed. by Wace A.J.B. and Stubbings F.H. London, 1963. P. 19), легко опровергается доступным каждому опытом.

В парабазе древней аттической комедии был *πνίφος*, но это так и рассматривалось как своеобразный *tour de force* и не может сопоставляться с нормальной практикой импровизации аэда или исполнения рапсода.

Наряду с упомянутыми только что стабильностью и краткостью стиха фундаментальным принципом построения древнейшего эпоса должна была быть эквивалентность стиха смысловому и синтаксическому отрезку. Тенденция к такой эквивалентности, очевидно, универсальна для поэзии. Поэты все время преодолевают ее, в то же время осознавая ее как какую-то норму, которая и сегодня среднестатистически действует в стихосложении на разных языках¹²⁹. Особенно сильно действует этот принцип в устном народном творчестве. Применительно к русской поэзии В.Е.Холшевников пишет: "Интонационная законченность стиха (каждый стих — синтагма) была абсолютным законом в фольклоре"¹³⁰, но эта же тенденция проявляется в фольклоре всех народов¹³¹. Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что этот принцип действовал и в древнейшей поэзии индоевропейских народов и в поэзии праиндоевропейской¹³². В сущности, сами гомеровские поэмы неопровержимо свидетельствуют о том, что они выросли из поэтической традиции, в которой соотношение "один стих — одна мысль" было правилом¹³³.

Как же мог гексаметр возникнуть из короткого повторявшегося стиха на одно дыхание, из стихотворного размера, в кото-

¹²⁹ Гаспаров М., Лотман М., Руднев П., Тарлинская М. Проблемы стиховедения в работах Я.Р.Пыльдыма // Динамика поэтических систем. Труды по метрике и поэтике. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. №780. Тарту, 1987. С. 99–115. Прим. 10; Th.Cole. *Epiptoke. Rhythmical continuity and poetic structure in Greek lyric*. Cambridge (Mass), 1988. P. 140.

¹³⁰ Холшевников В.Е. Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами / Сост. В.Е.Холшевников. Л., 1983. С. 34. Ср.: Розенберг А. Из наблюдений над синтаксисом русского былинного эпоса // Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури. Київ, 1927.

¹³¹ Lotz J. *Elements of versification // Versification. Major language types*. Ed. by W.K.Wimsatt. New York, 1972. P. 15; Parry M. 1) *Āor Huso. A study of South-slavic song* // Parry M. *The making of Homeric verse*. Oxford, 1971. P. 437–464; 2) *Whole formulaic verses in Greek and South-slavic heroic song* // Ibid. P. 376–390; Lord A.B. *Homer and Huso III: Enjambement in Greek and South-slavic heroic song*: TAPhA, 1948. Vol. 79. P. 113–124; Lord A.B. *The singer of tales*. Cambridge (Mass), 1960. P. 54.

¹³² Renou L. *Grammaire de la langue védique*. Lyon, 1952. P. 334; Nagy G. *Comparative studies ...* P. 143.

¹³³ Parry M. 1) *Whole formulaic ...* P. 376–390; 2) *The traces of the digamma in Ionic and Lesbian Greek* // Ibid. P. 391–403; Lord A.B. *Homer and Huso III: Enjambement in Greek and South-Slavic heroic song* // *Transactions of American Philological Association*. 1948. Vol. 79. P. 113–124; Kirk G.S. *Verse structure and sentence-structure in Homer* // *Yale Classical Studies*. 1966. Vol. 20. P. 105–152.

ром каждый стих соответствовал определенному законченному синтаксическому целому? Прежде всего, что могло послужить побудительной причиной для преобразования короткого стиха в длинный? Ответ напрашивается сам собой: развитие в языке системы второстепенных членов, формирование такого положения вещей, когда распространенное предложение стало господствовать в повествовательной устной речи и стало требовать для себя места в формирующемся эпосе. Короткий стих не мог вместить распространенное предложение. Удобство длинного стиха для повествования отмечает и А.Мейе¹³⁴.

И хотя Ж.Одри и принимает наличие сложноподчиненных предложений в индоевропейском языке¹³⁵, едва ли они могли встречаться часто в зарождающемся эпосе. Широкое их распространение, как это мы находим у Гомера, относится, очевидно, к эпохе, когда греческий язык уже отделился от индоевропейского ствола.

Удлинение стиха и сейчас диктуется тенденцией к усилению художественной выразительности¹³⁶. Хукстра убедительно показывает, что процесс склеивания гексаметра нельзя относить к эпохе, когда складывалась система формул гомеровской поэзии: главная цезура разрезает эти формулы во многих случаях так, что пребывание частей таких формул в самостоятельных стихах повествовательной поэзии является немыслимым¹³⁷; обилие эпитетов, гомеровская *amplitudo*, проявляющаяся уже в древнейшем доступном нам слое гомеровского эпоса, несовместимы с кратким стихом¹³⁸, так что эпическая традиция в гексаметрической форме должна восходить еще к микенской эпохе¹³⁹.

Очевидно, процессы, которые мы гипотетически постулируем, могут относиться лишь к более древним временам. У ска-

---

¹³⁴ Meillet A. Les origines ... P. 57.

¹³⁵ Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI; Новое в современной индоевропеистике. М., 1988. С. 109–110.

¹³⁶ Ляпина Л.Е. Сверхдлинные размеры в поэзии Бальмонта: Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 118; Р.А.Папаян ставит вопрос о влиянии стихотворного размера произведения на интенсивность образования тропов в нем. В частности, обнаруживается зависимость "троповместимости" от длины стиха (Папаян Р.А. К вопросу о соотношении стихотворных размеров и интенсивность тропов в лирике А.Блока // Блокковский сборник 11. Тарту, 1972).

¹³⁷ Hoekstra A. Epic verse ... P. 43–50.

¹³⁸ Ibid. P. 50–53.

¹³⁹ Ibid. P. 81–89.

зителей должно было все время появляться в самом процессе импровизации желание вставить в создаваемый текст предложение длиной не в один, а в два стиха. Однако всякая попытка такого рода в соответствии с незыблемым принципом "один стих — одна мысль — одна синтагма" приводила к тому, что из двух коротких стихов получался один длинный, а из пар коротких — длинные. Но в длинном стихе необходима пауза для вдоха. Совершенно естественно, что такая пауза падает на словораздел. Все эти соображения имеют универсальную силу и подкрепляются наблюдениями над живыми языками. Тимофеев пишет: "В так называемых пяти- и шестистопных размерах, вмещающих большое число слов, цезура является постоянной"¹⁴⁰ (здесь имеется в виду либо цезура, либо диэреза).

Итак, пауза в длинном стихе неизбежна, но ее место определяется уже системой стихосложения. Важнейшим здесь является требование к этой паузе, чтобы она не разрезала стих надвое, чтобы не звучало вместо одного длинного стиха два коротких. Такая опасность для стиха, построенного на метрах или стопах, на правильных чередованиях возникает прежде всего в том случае, если словораздел с паузой разделит стих на две половины из равного числа стоп, т.е. если этот словораздел будет диэрезой в середине стиха. Такое положение не страшно для стиха с рифмой: первые половинки не рифмуются, а рифмуются стихи в целом, поэтому только длинный стих воспринимается как единство. Не распадается на половинки под влиянием диэрезы, скажем, и древнегерманский стих, скрепленный аллитерациями.

Для греческого стиха срединная диэреза невозможна: стих немедленно развалится. Диэреза регулярна в трохаическом тетраметре, но именно поэтому она не в середине: вторая половина тетраметра всегда каталектическая, укорочена на один слог¹⁴¹. И все же в драме появляется тенденция заменить диэрезу на цезуру.

Диэреза постоянна в пентаметре элегического дистиха: но здесь пентаметру не дают развалиться на две части гексаметры, между которыми он заключен, да и половинки пентаметра, разделенные диэрезой, не эквивалентны: первая допускает дактили и спондеи, вторая строго дактилическая. По тем же соображениям она неприемлема и в ямбическом триметре. То,

¹⁴⁰ Тимофеев Л. Слово в стихе. С. 211.

¹⁴¹ Realte M. van. Rhythm and metre. Towards a systematic description of Greek stichic verse. Thesis Leiden. Assen. 1986. P. 336.

что она скорее допускается, если в ней происходит элизия (напр., Aesch. Sept. 252 — οὐχ ἐς φθόρον σιγῶσ' ἀνασχῆσθι τάδε), вполне естественно: незаконченное слово не создает ощущения конца метрического отрезка, так что уже Р. Порсон рассматривал такую диэрезу как квазицезуру¹⁴². Диэреза после третьей стопы гексаметра¹⁴³ разрезала бы стих пополам, создала бы ощущение самостоятельности каждой половины¹⁴⁴.

В итоге мы приходим к выводу: неизбежный в формирующемся гексаметре словораздел с паузой для вдоха где-то близко к середине стиха не мог оставаться точно в его середине, после третьей стопы¹⁴⁵.

История иных стихотворных размеров древнегреческой поэзии, размеров, где формирование длинного стиха в результате объединения двух коротких происходило позднее, бросает свет на возможный механизм возникновения гексаметра. Явление, интересующее нас, было описано французским исследователем Ж. Иригуеном¹⁴⁶. Приведем наиболее яркие примеры.

Вот гликоней — — — — —, один из основных эолийских размеров, очевидно первоначально употреблявшийся κατὰ στίχον. Как объединяются два гликонея в более длинный стих? Непременнo со сдвигом словораздела вперед или назад:

Bacch. Dith. 3 (Тесей)

Ст. 9 ποιμένων ἀέχαι μῆλων || σεύοντ' ἀγέλας βίᾱ

— — — — — || — — — — — (сдвиг вперед).

Алкей з 34 по Лобелю и Пейджу, строфа 4

νεύοισιν, κεφαλαίαισιν || ἀνδρῶν ἀγάματα· χάλχαι δὲ πασσάλοις

— — — — — || — — — — — || — — — — — (сдвиг назад).

¹⁴²Euripides. *Hecuba*. Ed. R. Porson², Cantabrigiae — Londini, 1802. P. XXV.

¹⁴³В греческих гексаметрах встречается только после слова метрической формы — или — — (Porter H.N. *The early Greek hexameter* // *Yale Classical Studies*. 1951. Vol. 12. P. 13).

¹⁴⁴Allen W.S. *Accent and rhythm*. P. 118, 121; Soubiran J. *Pauses de sens et cohésion métrique entre les pieds médians de l'hexamètre latin* // *Pallas* 16. 1969. P. 147.

¹⁴⁵Kirk G.S. *Studies in some technical aspects of Homeric style*. I. The structure of the Homeric hexameter // *Yale Classical Studies*. 1966. Vol. 20. P. 103.

¹⁴⁶Irigoin J. 1) *La structure des vers éoliens* // *Antiquité classique*. 1956. T. 25. P. 5–19; 2) *Colon, vers et strophe dans la lyrique monodique grecque* // *Revue de philologie*. 1957. T. 31. №2. P. 234–238; 3) *Recherches sur les mètres* ... P. 16; Pohlisander H.A. *Metrical studies in the lyric of Sophocles*. Leiden, 1964. P. 155.

Этому явлению англосаксонские ученые (кажется, Ллойд-Джоунс) дали быющее в самую суть дела название *dove-tailing*, это из техники: по-русски это называется соединением в виде ласточкина хвоста — стержни соединяются намертво, и только так по-настоящему соединяются в сложное целое простые размеры.

Случаи, когда конец колона не сопровождается словоразделом, получили у Э. Дейл название колон-цезура применительно к гликонеям¹⁴⁷. Деннистон говорил об *overlap* ("перекрывти")¹⁴⁸, а В. Краус называл это явление *Wortübergreifen*¹⁴⁹. Однако именно термин *dove-tailing* наилучшим образом подчеркивает ту функцию, которую смещение словораздела с границы метрических отрезков выполняет в нашем случае.

В отношении волийских размеров наблюдения Иригуена невозможно оспаривать. Правда, теория Иригуена в применении к дактило-эпитритам немедленно вызвала возражения; в частности, некоторым исследователям показалось недоказанным положение о том, что сдвиг цезуры на шаг вперед или назад от границы между метрическими элементами является систематическим. Аргументом для возражающих была трудность во многих случаях однозначного отграничения метрических элементов в дактило-эпитритах¹⁵⁰. С появлением папирусных фрагментов Стесихора возражения стали более категоричными.

Еще до публикации Лилльских фрагментов Хезлем писал: "Нужно заметить, что фрагменты Стесихора серьезно подрывают, а, может быть, являются роковыми для теории Иригуена о том, что повторяющийся словораздел в определенном месте дактило-эпитритического стиха не является убедительным свидетельством стыка двух метрических единиц"¹⁵¹. В Лилльских фрагментах Стесихора за колоном D (—○○—○○—) словораздел

¹⁴⁷ Dale A.M. *Lyric metres of Greek drama*. Cambridge, 1948. P. 59.

¹⁴⁸ Dennison J.D. *Greek lyric metre: some main problems* // *Proceedings of the Classical Association*. 1945. Vol. 42. P. 18-19.

¹⁴⁹ Kraus W. *Strophengestaltung in der griechischen Tragödie*, I. Aischylos und Sophokles (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte 231, 4). Wien, 1957. S. 27.

¹⁵⁰ Dale A.M. *Greek metric 1936-1957* // *Lustrum*. 1957. Bd 2; Parker L.P.E. 1) *Some recent researches on the versification of Pindar and Bacchylides* // *Univ. of London. Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1958-1959. Vol. 5. P. 13-24; 2) *Greek metric 1957-1969*. *Lustrum*, 1970. Bd 15. S. 91.

¹⁵¹ Haslam M. *Stesichorean metre* // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*. 1974. №17. P. 31, n. 47.

следует почти всегда, а после их публикации Хезлем снова вернулся к критике взглядов Иригуена¹⁵². Между тем, если Стесихор действительно является создателем дактило-эпитрических размеров, как это считает Хезлем¹⁵³, вполне естественно ожидать того, что в его творчестве будет преобладать совпадение словоразделов со стыками метрических единиц, и только следующие поколения сдвинут словораздел с метрического шва в духе наблюдений Иригуена¹⁵⁴.

Очевидно, такого рода сдвиг является общей закономерностью эволюции древнегреческих стихотворных размеров. Следовательно, если мы на основе общетипологических соображений допускаем для праиндоевропейской поэзии слабо урегулированный стих на одно дыхание с тремя сильными временами (т.е. с тремя долгими слогами) и с одним — двумя безразличными в промежутке: если мы предполагаем, что с развитием распространённого предложения появилась тенденция к удлинению стиха, то самым естественным допущением будет соединение двух коротких стихов в один длинный с немедленным сдвигом словораздела вперед или назад, т.е. с появлением цезуры.

В частности, для устной по необходимости поэзии дописьменной эпохи психологически наиболее естественным представляется такой механизм: поэт-импровизатор, подходя к концу стиха на одно дыхание, делает паузу для вдоха на словоразделе, а затем пропевает или проговаривает вместе "остаток" от первой половины (скажем, один — два слога) и всю вторую половину. Так проще всего и объяснить формирование дактилического стиха с цезурой на один или два слога налево от середины стиха.

Можно ли найти хоть какие-то подтверждения того, что процесс был на самом деле именно таким?

Быть может, да!

Прежде всего отметим, что такой процесс формирования длинного стиха из двух кратких не конструируется нами чисто умозрительно, а находит себе типологические аналогии. Так,

---

¹⁵² Haslam M. The versification of the new Stesichorus (P.Lille 76 a,b,c) // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. P. 54.

¹⁵³ Ibid. P. 56 sqq.

¹⁵⁴ V.Palumbo-Stracca B.M. Osservazioni metriche al nuovo Stesicoro (Pap. Lille 76 a, b, c) // *Boll. dei classici*. 1977. №25. P. 31–43; Tsitsibakou-Vasalos E. The meter of the Lille Stesichorus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1987. Vol. 28. №4. P. 425).

александрийский стих французской поэзии, возникший, судя по всему, из объединения двух укороченных латинских восьмисложников¹⁵⁵, эволюционировал и далее в аналогичном направлении: по мере становления периодической речи, в метрическую единицу, являющуюся, в то же время, как правило, единицей смысла, стала превращаться пара александрийских стихов, объединенных рифмой¹⁵⁶.

Но возвратимся непосредственно к нашему материалу. Сопоставив гомеровские и ведийские рефлексy наиболее убедительно реконструируемых праиндоевропейских поэтических формул, мы видим, что у Гомера эти рефлексy появляются всегда после цезуры, а в Риг-Веде более или менее безразлично в любом месте в стихе. Очень важно отметить, что остатки индоевропейских формул вовсе не обязательно сохраняются во второй половине гексаметра (в трех последних стопах), но непременно после цезуры.

Приведем наш материал:

χλέος ἄφθιτον:

ὦλετο μὲν μοι νόστος | ἀτὰρ χλέος ἄφθιτον ἔσται (Il., IX, 413);

— — — — — | — — — — —

χλέα ἀνδρῶν:

τῇ δ' ὅ γε θυμὸν ἔτερπεν |, αἶδε δ' ἄρα χλέα ἀνδρῶν (Il., IX, 189);

— — — — — | — — — — —

οὕτω καὶ τῶν πρόσθεν | ἐπευθόμεθα χλέα ἀνδρῶν (Il., IX, 524);

— — — — — | — — — — —

μοῦσ' ἄρ' αἰοδὸν ἀνῆχεν | αἰδέμεναι χλέα ἀνδρῶν (Od., VIII, 73);

— — — — — | — — — — —

διπετής:

υἱὸς Σπερχαιοῖο | διπετέος ποταμοῖο (Il., XVI, 174);

— — — — — | — — — — —

ὥς δ' ὅτ' ἐπὶ προχοῇσι | διπετέος ποταμοῖο (Il., XVII, 263);

— — — — — | — — — — —

¹⁵⁵ Гаспаров М.Л. 1) Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 12;
2) Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 126.

¹⁵⁶ Это заметил уже Вольтер: Voltaire. *Épître au Roi de la Chine* // Voltaire. *Épîtres, stances et odes*. Paris, 1813. P. 906.

πρίν γ' ὅτ' ἂν Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο (Od., IV, 477);

ψ δ' εἰς Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο (Od., IV, 581);

κύνες ... ἀργοί:

έσσαρες, ἐννέα δέ σφι κύνες πόδας ἀργοί ἔποντο (Il., XVIII, 578);

ούρῃας μὲν πρῶτον ἐπώχετο καὶ κύνας ἀργούς (Il., I, 50);

οὐδέ ποτ' ἐκπέρσει· πρίν μιν κύνες ἀργοί ἔδονται (Il., XVIII, 283);

οὐκ οἶος, ἅμα τῷ γε δύω κύνες ἀργοί ἔποντο (Od., II, 11);

ἐγχος ἔχων ἅμα τῷ γε δύω κύνες ἀργοί ἔποντο (Od., XVII, 62);

ἐπέων τέχτονες:

Πρῶτος δ' ἀρχαίων ἐπέων τεχτάνατ' αἰοδάν (Hexam. ap. Paus., X, 5.8);

ἱερὸν μένος:

αὐτὰρ ἐπεὶ τό γ' ἄκουσ' ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο (Od., VII, 167-VIII, 143);

τοῖιν δὲ ξυνέηχ' ἱερὸν μένος Ἀντινόοιο (Od., XVIII, 34);

δωτῆρες ἐάων:

Ἑρμεῖα, Διὸς υἱέ, διάχτορε, δῶτορ ἐάων (Od., VIII, 335)

ἔσταν ἐν προθύροισι θεοί, δωτῆρες ἐάων (Od. VIII, 325)

Κύχλωψ, εἰρωτᾷς μ' ὄνομα χλυτόν, αὐτὰρ ἐγώ τοι (Od., IX, 364)

ὦχεθ' ἄμ' Ἀτρεΐδῃσιν, ἐμοὶ δ' ὄνομα χλυτὸν Αἰθῶν (Od. XIX, 183);

πολλὰ γὰρ ὥπασε παιδὶ γέρων ὀνομάχλυτος Ἄλτης (Il., XXII, 51);

sām gómad indra vājavad asmé prthú śrávo bṛhāt|
viśvāyur dhehy áksitam (RV, I, 9, 7);

yó vāghāte dādāti sūnāraṃ vāsu sā dhatte ākṣiti śrāvah|
tāsmā ilām suvīrām ā yajāmahe supráturtim anehásam (RV, I, 40, 4);

sā dr̥hē cid abbi tṛṇatti vājā́m ārvatā́ sā dhatte āksiti śrávaḥ|
tvé devatrā́ sādā purūvaso viśvā vāmāni dhīmahi (RV, VIII, 103, 5);

prá soma yāhi dhārayā sutá īndrāya matsarāh|
dādghāno áksiti śrávah (RV, IX, 66, 7);

yé me pañcāśātam dadūr āśvānām sadhāstuti|
dyumád agne máhi śrávo brhát kṛdhi maghónām nṛvād amṛta nṛṇām
(RV, V, 18, 5);

paró yát tvám paramá ājanisthāḥ parāvātī śrútyam nāma bibhrat |
 ātas cid indrād abhayanta devā víśvā apó ajayad dasāpatnīḥ
 (RV, 5, 30, 5);

abhi vo virām āndhaso mādeu gāya girā mahā vicetasam|
indram nāma śrútyam sākīnam váco yáthā (RV, V, VIII, 46, 14);

ajóná kṣām dādhāra pr̥thivīm tastāmbha dyām mántrebhiḥ satyaiḥ
(RV, I, 67, 5);

stegó ná kṣām áty eti pr̥thvīm mīham ná vāto ví ha vāti bhūma
(RV, X, 31, 9a);

śidatā barhir urú vaḥ śādas kṛtām madáyadhvam maruto mádhvo
āndhasaḥ (RV, I, 85,62);

ayām cakráṁ isaṇat sūryasya ny étaśaṁ rīramat sasṛmāṇām
(RV, IV, 17, 14a);

tvā yujā ní khidat suryasyéndraḥ cakráṁ sáhasā sadyá indo
(RV, IV, 28, 2 a,b);

prānyác cakráṁ avṛhaḥ sūryasya kútsāyānyád várivo yātave 'kaḥ
(RV, V, 29, 10a);

idāśa prapitvé ádha sūryasya muṣayás cakráṁ ávive rápaṇsi
(RV, VI, 31, 3 c,d);

tām sūryam haritaḥ saptá yahvī spásāṁ víśvasya jágato vahanti
(RV, IV, 13, 3, c,d);

virapśíne vajríṇe śamtamāni vácāṇsy āsá sthávirāya takṣam
(RV, VI, 32, 1 d);

idám pitré marútām ucyate vācaḥ svādóḥ svādiyo rudrāya
várdhanam (RV, VIII, 114, 6 a,b)

iṣirena té mánasā sutásys bhakṣīmáhi píttryasyeva rāyāḥ
(RV, VIII, 48, 7)

yó no dātā vásūnām indraṁ tām hūmahe vayám (RV, VIII, 51, 5 a).

Такое распределение по позициям в стихе унаследованных праиндоевропейских формул позволяет, как кажется, во-первых, еще раз подчеркнуть, что развитие гексаметра, как и развитие ведийских размеров, из короткого стиха произошло независимо у греков и у предков древних индийцев после расчленения индоевропейской языковой общности; во-вторых, концентрация праиндоевропейских формул в позициях после цезуры проще всего объясняется предлагаемой нами гипотезой становления цезуры по принципу "ласточкина хвоста" в самый момент создания длинного стиха из двух кратких¹⁵⁷.

¹⁵⁷Ср. соображения о концентрации эпических формул в после-

На требование Гарри Барнса о том, чтобы теория, объясняющая происхождение гексаметра из двух коротких стихов, объясняла и закон В.Майера¹⁵⁸ и перемычку Германа¹⁵⁹, т.е. всю четырехчленную структуру гексаметра, установленную Г.Френкелем¹⁶⁰, мы отвечаем, что структура эта, очевидно, более позднего происхождения сложилась уже в ходе развития гексаметра и едва ли является наследием внутреннего членения двух коротких стихов, породивших гексаметр. Ведь мы предполагаем фундаментальную трансформацию этих коротких стихов при вхождении в гексаметр, в результате каковой трансформации должна была радикально измениться и внутренняя схема этих колонов.

Закономерным результатом регуляризации промежутков между сильными временами гексаметра было появление правила, по которому последней стопой гексаметра является спондей. В самом деле, регуляризация промежутков привела к неприемлемости одного краткого слога между двумя долгими, но это-то как раз и происходило в тех случаях, когда последняя стопа мыслилась как дактилическая, но в результате удлинения последнего слога превращалась в кретик — — с одним кратким между двумя долгими.

Последний вопрос, которым мы займемся в данной работе, ставится так: можем ли мы высказать какие-то мотивированные предположения о характере коротких слабо урегулированных стихов с тремя сильными временами, которыми пользовался, по нашему предположению, праиндоевропейский эпос?

Очевидно, эти соображения могут основываться лишь на предположении, что древнейшие стихотворные размеры должны были сообразоваться с природой языка и его ритмической структурой. Квантитативный характер праиндоевропейского стиха определялся, очевидно, фонологически противопоставле-

---

зурной части гексаметра, опирающиеся на подход к эпическому творчеству как импровизационному и сделанные еще до М.Пэрри Г.Френкелем: Fränkel H. *Der kallimachische und der homerische Hexameter* (1926) // *Wege und Formen frühgriechischen Denkens*. München, 1955. S. 100–156.

¹⁵⁸ Meyer W. *Zur Geschichte des griechischen und lateinischen Hexameters* // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in München* 6, 1884, S. 980.

¹⁵⁹ Hermann G. *Orphica*. Lipsiae, 1805. P. 692.

¹⁶⁰ Fränkel H. *Der kallimachische...* S. 100–156; Barnes H.R. *The colometric structure of Homeric hexameter* // *Greek, Roman and Byzantine studies*. 1986. Vol. 27. №2. P. 150.

нием долгих и кратких в праиндоевропейском.

Но что мы можем сказать о ритмической структуре праиндоевропейского? А.Мейе предпосылает своей реконструкции праиндоевропейских стихотворных размеров совершенно бесспорное общее положение: "Там, где стихосложение развивается спонтанно и не является подражанием какой-либо иноязычной модели ... оно заключается в стилизации, нормализации естественного ритма языка"¹⁶¹. Восстанавливая ритмический тип индоевропейского праязыка, Мейе утверждает: "L'alternance — fournissait le type rythmique le plus naturel", т.е. чередование слогов — создавало наиболее естественный ритм¹⁶².

Но почему не —¹⁶³? Есть ли у нас основания постулировать преобладание того или иного типа ритма в индоевропейском языке как таковом? Вопрос этот встает особенно настоятельно в силу того, что Мейе допускает последовательности — — (поскольку два кратких слога подряд встречались часто) и — — —, поскольку словоформы и такого типа должны были встречаться часто.

Нам представляется, однако, что у нас есть возможность установить естественный ритм праиндоевропейского повествования. Мы должны при этом опираться на наши сведения о порядке слов в индоевропейском праязыке. В.П.Леман, реконструируя праиндоевропейский порядок слов, больше всего настаивает на том, что для него было характерно предшествование дополнения сказуемому (порядок OV)¹⁶⁴, однако, на позднем этапе его развития он уже отходил от этого типа, переходя к предшествованию сказуемого по отношению к дополнению (VO)¹⁶⁵.

Между тем, в силу энклитичности праиндоевропейского гла-

---

¹⁶¹ Meillet A. Les origines ... P. 19.

¹⁶² Ibid. P. 23.

¹⁶³ Еще в 1919 г., опираясь вслед за Блумфильдом на преобладание в древнеиндийском трохаического ритма (Bloomfield. On *gāṣama* as epithet: Journal of American Oriental Society. 1901. Vol. 21. №2. P. 50 f), Мейе считал вероятным преобладание трохаического, т.е. нисходящего ритма уже в праиндоевропейском (Meillet A. Sur le rythme quantitatif de la langue védique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. 21. fasc. 5. (1919) P. 202–203).

¹⁶⁴ Леман В.П. Из книги "Протоиндоевропейский синтаксис" (1974) // Новое в современной индоевропеистике (Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. М., 1988. С. 355–406.

¹⁶⁵ Там же. С. 405.

гола в главном предложении, в предложении, построенном по принципу VO, оставалось свободным первое место. В предложении, построенном по старому принципу OV первое место могло быть занято либо дополнением, либо каким-то другим членом предложения, так что дополнение отодвигалось на второе место. Эта эволюция от порядка OV к VO происходила при сохранении общего принципа относительной свободы порядка слов с выраженной тенденцией ставить на первое место самое важное по значению слово¹⁶⁶.

Подлежащее в праиндоевропейской фразе могло не быть выражено¹⁶⁷, в частности, в тех случаях, когда личные окончания глагола-сказуемого давали достаточную информацию о том, кто выступает в качестве действующего лица. Однако, если мы перейдем к рассмотрению типичного предложения повествовательного текста, мы должны констатировать, что типичным должно было быть наличие выраженного подлежащего в начале повествования и затем периодически в начале последующих предложений. Ведь повествование будет понятным лишь в том случае, когда будет сразу сказано, кто действует. При перемещении действующего лица, оно, естественно, должно быть названо; очевидно, и на отрезке текста, где действует одно и то же лицо, оно, как правило, время от времени будет поименовано¹⁶⁸.

Где в предложении типичное место для такого подлежащего? Очевидно, в любом случае, стоят ли сказуемое и дополнение в последовательности OV или VO, самым обычным местом для подлежащего повествовательного предложения было первое место, место в начале предложения. Каковы же следствия из этого для ритмической структуры праиндоевропейского повествования¹⁶⁹?

Некоторое преобладание долгих слогов по числу над кратки-

---

¹⁶⁶ Мейс А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 369.

¹⁶⁷ Там же. С. 361; Леман В.П. Указ. соч. С. 373.

¹⁶⁸ Мы говорим все время о действующем лице потому, что обозначение предмета в функции подлежащего возможно, как правило, лишь в пассивной конструкции, которая не была свойственна праиндоевропейскому языку (все ветви индоевропейских языков создают страдательный залог своего глагола самостоятельно).

¹⁶⁹ Несводимость к общему прототипу систем хеттских, древнегреческих и древнеиндийских частиц и наречий заставляет нас предполагать их самостоятельное развитие в различных языковых ветвях и рассматривать праиндоевропейскую фразу, отвлекаясь от этих элементов.

ми, свойственное и древнегреческому и ведийскому, очевидно, восходит к праиндоевропейской эпохе¹⁷⁰, так что нам надо исходить из некоторого преобладания в праиндоевропейском стихе долгих слогов над краткими. Это преобладание долгих над краткими должно было быть в праиндоевропейском языке еще более заметно. В самом деле, подлежащее должно было стоять в номинативе и принадлежать к одушевленному роду. Но у простых существительных от двухконсонантного корня, которые должны были преобладать в индоевропейском языке, когда складывались характерные для него формы поэзии, такая форма должна была начинаться с долгого слога: первоначальная форма номинатива ед. числа CVCs либо какое-то время сохранялась в языке, либо приводила к фонетическим изменениям с удлинением корневого гласного — к форме CVC.

Если учесть, что немало праиндоевропейских существительных начинались со слога, в котором долгий гласный был исконным, если учесть, что среди первичных суффиксов именно го словообразования многие начинались на согласный, мы можем утверждать, что среди потенциальных подлежащих праиндоевропейского повествовательного предложения должны были заметно преобладать слова либо односложные с долгим гласным или двумя согласными в исходе, так что долгота первого слога в высказывании была обеспечена даже в том случае, когда следующее слово начиналось с гласного; либо двухсложные или многосложные слова с первым долгим гласным.

Как мы об этом говорили выше, типичной для фольклорного эпоса является идентичность стихотворной строки и единицы законченного смысла, в частности, простого предложения. В этих условиях доминирование среди потенциальных подлежащих слов, дающих в начале долгий слог, должно было естественно привести к возникновению примитивного стиха с нисходящим ритмом, для которого регулярным было начало с долгого слога.

---

¹⁷⁰ Meillet A. *Les origines ...* P. 23; Одри Л. Индоевропейский язык. С. 60–70.

Содержание книги, как мог в этом убедиться читатель, весьма неоднородно и не вполне отвечает заглавию. В то же время, как полагает автор, все главы монографии необходимы для того, чтобы постепенно подойти к предлагаемому в конце книги выводу.

Первая глава—”Природа древнегреческого стиха”—нужна потому, что любые сомнения в чисто квантитативной природе древнегреческого стиха почти автоматически ведут к аналогичным сомнениям в отношении стиха ведийского и праиндоевропейского. Но если праиндоевропейский стих не был по природе чисто квантитативным, беспочвенна выдвинутая в конце четвертой главы догадка о том, что нисходящий характер квантитативного ритма древнейшего праиндоевропейского эпического стиха был обусловлен нисходящим квантитативным ритмом типичного праиндоевропейского повествовательного предложения. Следовательно, в монографии нужно было прежде всего рассеять сомнения относительно самой природы древнегреческих стихотворных размеров.

Вторая глава—”Праиндоевропейцы и их поэзия”—вообще не касается проблем стихосложения. Однако для обоснования нашей гипотезы о праиндоевропейских корнях греческого гексаметра необходимо было подкрепить всеми возможными доводами наличие у праиндоевропейцев, пусть примитивного, героического эпоса. Для этого мы использовали данные археологии, а чтобы их использовать корректно, пришлось еще раз вернуться к проблеме территориального и хронологического приурочения индоевропейской языковой общности. В итоге автор, приведя дополнительные аргументы, присоединяется к наиболее влиятельной сейчас теории северо-причерноморских степей как прародины индоевропейцев. Вывод этой главы о жанровом континуитете от праиндоевропейского к древнегреческому эпо-

су и вытекающее из него положение о том, что ведийская поэзия древних индийцев вобрала в себя обломки праиндоевропейской эпической поэзии, а по своей жанровой природе не восходит к праиндоевропейской поэзии, являются необходимой предпосылкой для наших попыток доказательства того, что метр праиндоевропейского примитивного эпоса—прямой предшественник гексаметра.

Глава третья—"Что мы знаем о праиндоевропейском стихе?"—носит целиком критический характер. Ее целью является опровержение всех попыток, связанных с именем А.Мейе, использовать для реконструкции праиндоевропейского стихосложения сопоставление ведийских размеров с древнегреческими эолийскими и связанной с ними гипотезой об изосиллабизме праиндоевропейского стиха. Специальное внимание уделяется вовсе необоснованным, на наш взгляд, попыткам Р.Якобсона привлечь для реконструкции праиндоевропейского стихосложения славянский материал и, в частности, стих русской былины.

Собственным построениям автора посвящена четвертая глава—"происхождение древнегреческого гексаметра",—хотя и в ней много полемики. Предлагаемую в ней схему происхождения гексаметра в результате "склеивания" двух тождественных коротких стихов с последующим урегулированием промежутков между долгими слогами автор не считает доказанной, но полагает, что она дает самое простое и естественное объяснение формирования гексаметра, объяснение, подкрепляемое тем, что мы можем наблюдать такого рода процессы трансформации стиха там, где они протекают уже при свете истории.

Анакруза — дополнительный к основному размеру слог в начале стиха.

Анкепс — слог в стихотворном размере, который может быть и долгим и кратким.

Арья — строфа санскритской поэзии, состоящая из двух строк по восемь стоп, в каждой стопе строго по четыре моры.

Асклепиадов стих — размер $\sim\sim\text{---}\sim\sim\text{---}|-\sim\sim\sim\sim\text{---}$.

Базис волийский — два произвольных по долготе слога в начале колона, которые, однако, почти никогда не могут быть оба краткими ($\sim\sim$).

Бехагеля закон — в индоевропейских языках во фразе, состоящей из однородных синтагм, длина синтагмы имеет тенденцию увеличиваться к концу фразы.

Бореальная реконструкция — попытки реконструкции общего предка ряда языковых семей северной Евразии.

Бугарштица — длинный стих из двух полустихий югославской народной поэзии.

Вернике закон — если в конце четверной стопы гексаметра находится закрытый слог с кратким гласным, то за согласным, закрывающим слог, не должен следовать словораздел. Как тенденция действовал и в других стопах.

Гаты — древнейшая часть Авесты.

Гаятри — ведийский стих из трех восьмисложных метров (пада).

Гемиепес — размер $\text{---}\sim\sim\sim\sim\text{---}$.

Германа перемичка — запрет на словораздел после первого краткого в дактилической четвертой стопе гексаметра.

Гиппонактей — размер $\underline{\underline{\text{—}}}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}$.

Гликоней — размер $\underline{\underline{\text{—}}}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}$.

Дабали шаири — грузинский стих с шестью ударными слогами, за которыми следуют один-два безударных.

Дактилоэпитриты — метры вида $\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}$, $\text{—}\text{—}$, $\text{—}\text{—}\underline{\underline{\text{—}}}\text{—}\text{—}$, $\text{—}\text{—}\text{—}$, $\text{—}\text{—}$, соединяемые по определенным правилам.

Диметр — стих из двух метров.

Диподия — метр из двух минимальных единиц — стоп.

Дохмий — древнегреческий метр, основная форма которого $\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}$.

Каламда-Вакернагеля закон — тенденция к удлинению гласного на границе двух основ в индоевропейском словообразовании.

Каталектический размер — размер с "изъятием" предпоследнего слога стиха.

Колон — отрезок стиха.

Конъектура — предположительное исправление искаженного традицией текста.

Лекифий — метр $\text{—}\text{—}\underline{\underline{\text{—}}}\text{—}\text{—}$.

"Маргит" — древнегреческая поэма, дошедшая до нас в отрывках; озаглавлена по имени главного героя.

Ностратическая реконструкция — реконструкция гипотетического общего предка индоевропейских, уральских, алтайских, семито-хамитских, картвельских и дравидийских языков.

Одиннадцатисложник каталектический — размер $\underline{\underline{\text{—}}}\underline{\underline{\text{—}}}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}$.

Окситонированный — имеющий ударение на конечном слоге.

Паремиак — каталектический анапестический диметр $(\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—}\text{—})$.

Пентадический — состоящий из пяти слогов.

Пентаметрическая цезура — цезура после долгого слога третьей стопы гексаметра.

Пеон — стопа из четырех слогов, среди которых один долгий, а остальные — краткие.

Пиррихий — стопа из двух кратких слогов (vv).

Приапей — сочетание гликоinea с ферекратеем.

Рейциан — стих $\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\overline{\text{v}}$.

Сандхи — изменения звуков под влиянием соседних, в особенности при столкновении конечных и начальных звуков соседних слов.

Сатемизация — ранний переход среднеязычных смычных в спиранты и аффрикаты в части индоевропейского ареала.

Де Соссюра ритмический закон — праиндоевропейский язык избегал последовательностей трех и более кратких слогов подряд.

Тавил — метр классической арабской поэзии
 $\text{v}-(-)-\text{v}-\text{v}-\text{v}-\text{v}$.

Тактовик — русский стихотворный размер с фиксированным числом ударных слогов и со свободным заполнением промежутков между ними одним — тремя безударными слогами.

Трехиктный — с тремя ударениями в стихе.

Триметр — стих из трех метров.

Трохаический стих — стих, состоящий из метров $\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}$.

Ферекратей — размер $\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}-\text{v}-\text{v}$.

Холиямб — ямбический размер, в котором последний метр стиха имеет форму $\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}$.

Шлока — размер древнеиндийского эпоса; двустипшие состояло из двух стихов размера
 $\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}-\overline{\text{v}}-\overline{\text{v}}$.

Ямбический стих — стих, состоящий из метров $\overline{\text{v}}-\text{v}-\text{v}$.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Природа древнегреческого стиха	5
Глава II. Праиндоевропейцы и их поэзия	48
Глава III. Что мы знаем о праиндоевропейском стихе?	89
Глава IV. Происхождение древнегреческого гекса- метра	119
Заключение	162
Объяснение некоторых терминов, встречающихся в тексте	164

Научное издание

Зайцев Александр Иосифович

ФОРМИРОВАНИЕ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЕКСАМЕТРА

Редактор *В. С. Кизило*
Компьютерный набор и верстка *Т. В. Семеновой*

Издание подготовлено в *AMS-TEX*'е

ИБ №3720

Лицензия ЛР №040050 от 05.08.91 г.

Подписано в печать 01.11.94. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,76. Усл. кр.-отт. 9,88. Уч.-изд. л. 9,97.
Тираж 300 экз. Заказ 157.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Участок оперативной полиграфии типографии Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.